

16+

ISSN 2310-5453

№1(2)

2014

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Главный редактор

Михаил Присяжный

Редакционная коллегия:

Варвара Белолобская (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Дженнан Фергюсон (Университет Абердина, Шотландия)

Ответственный секретарь

Лена Сидорова

Редактор выпуска

Антонина Винокурова

Технические секретари:

Дмитрий Осипов, Иван Матвеев

Адрес издателя, редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,
СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб. 508.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

Жуков М. Методологические и методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации	4
Алексеев В. Основные направления государственной политики Канады по освоению северных территорий на рубеже XX и XXI веков	21
Соловьева В. Проблемы образовательной системы коренных народов Канады	33

ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Бердникова Т. Об особенностях функционирования современных русских диалектов на Северо-Востоке России	40
Жулева А. Легенда о происхождении хантов	45
Хазанкович Ю. Концептосфера поэзии Г.Н. Курилова-Улуро Адо (к постановке вопроса)	52

«РОББЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Материалы I Всероссийской студенческой конференции, посвященной Международному дню родного языка. 25 февраля 2014 г.

Петров А. Василий Роббек в Ленинграде и Санкт-Петербурге	58
Чернышова С. Межкультурные взаимодействия как фактор современного развития танцевально-пластической культуры коренных малочисленных народов Севера	63
Шарина С. Лингвистические факты этнокультурных связей эвенов	68
Тиунова В. Роббек – исследователь грамматики эвенского языка	73
Берельтуева М. Коневодческая лексика баргузинского говора эвенкийского языка	76
Вачеланова Д. Имена баргузинских эвенков: прошлое и настоящее	79
Дырчикова М. Наименование растений в баргузинском говоре	81
Николаева А. Природа в мировосприятии баргузинских эвенков (на материале учебных практик)	84
Васильев Н. Самоопределение саамских народов на фоне событий в суверенных странах	87

Иванова С. Женские табу в культуре эвенков	94
Лазарева Л. Промысловые обряды эвенков	96

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Баишева С. Этносоциологические исследования Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера	100
---	-----

СОБЫТИЯ, ПРОЕКТЫ, ГРАНТЫ

Сидорова Л. Международная конференция «Защищая святыни: признание священных мест коренных народов для сохранения природы и культуры в северных и арктических регионах»	106
Осипов Д. О совместном проекте СВФУ и CAFF	115

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

УДК 316.42: 338.24(985)

Михаил ЖУКОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

METHODOLOGICAL AND METHODIC PROBLEMS OF RUSSIAN ARCTIC ZONE IDENTIFICATION

Предлагаемые Министерством регионального развития России варианты состава Арктической зоны Российской Федерации оставляли неудовлетворенными часть арктических регионов, чьи заполярные территории в ее состав не включались. Возражали и специалисты, указывая на отсутствие адекватных обоснований.

В статье рассматриваются различные подходы к выделению арктической зоны как природного зонального явления и Арктической зоны Российской Федерации как объекта государственного управления в целях социально-экономического развития. Формулируются принципы Арктической зоны Российской Федерации и предлагается ее оптимизированный состав.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, районирование, государственная политика, социально-экономическое развитие, природные зоны.

The article discusses various approaches to the isolation of the Arctic zone, a zone of natural phenomena, and the Arctic zone of the Russian Federation, as an object of governance for socio-economic development. Formulated the principles of the Russian Arctic and offers its optimized structure, whose behind the polar line territory in its structure were not included. The opposition and experts, pointing to the lack of adequate justification. The article discusses various approaches to the isolation of the Arctic zone, a zone of natural phenomena, and the Arctic zone of the Russian Federation, as an object of governance for socio-economic development. Formulated the principles of the Russian Arctic and offers its optimized structure.

The proposed variants of Russian Ministry of Regional Development of the Russian Arctic was left unsatisfied some Arctic regions. The proposed variants of Russian Ministry of Regional Development of the Russian Arctic was left unsatisfied portion of the Arctic regions, whose ZAPOLYARNY territory in its structure were not included. The opposition and experts, pointing to the lack of adequate justification.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, zoning, public policy, socio-economic development, natural zones.

17 сентября 2008 г. на заседании Совета безопасности Российской Федерации по вопросам освоения Арктики Президент России Д.А. Медведев поручил законодателям доработать и принять федеральный закон «О южной границе арктической зоны России». 7 февраля 2013 г. на заседании Межведомственной рабочей группы был представлен проект федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», подготовленный Министерством регионального развития России при участии Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В части состава Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ) рабочая группа законопроект поддержала, а в части вопросов регулирования правоотношений и механизмов экономического стимулирования – рекомендовала отправить на доработку.

После нескольких попыток доработать законопроект было решено от принятия закона отказаться, а состав АЗРФ утвердить актом Президента России. При этом поддержанный Межведомственной рабочей группой вариант состава АЗРФ Министерством регионального развития несколько раз менялся. Последний по времени вариант был направлен на согласование письмом Минрегиона России от 03.09.2013 г. № 16133-СН / 02 о проекте распоряжения Президента Российской Федерации «О составе сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации», определяющем состав сухопутных территорий АЗРФ, в соответствии с которым к АЗРФ относятся:

1) территории субъектов Российской Федерации: Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа;

2) территории муниципальных образований субъектов Российской Федерации в границах на 30 августа 2013 г.

Республики Саха (Якутия): Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Усть-Янского улуса (района), Нижнеколымского улуса (района);

Архангельской области: городского округа города Архангельска, городского округа «Новая Земля», городского округа города Северодвинска, городского округа города Новодвинска, Приморского муниципального района, Мезенского муниципального района, Онежского муниципального района;

Красноярского края: Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского муниципального района, городского округа Норильск.

В результате неудовлетворенной осталась часть арктических регионов, чьи заполярные территории в состав АЗРФ не вошли. Возражают и специалисты, указывая на отсутствие обоснований последних предложений Минрегиона. В чем же проблема и почему определение состава Арктической зоны Российской Федерации в очередной раз столкнулось с серьезными затруднениями?

1. Мотивации выделения Арктической зоны Российской Федерации

Районирование территории страны необходимо для практической деятельности органов государственного управления при решении экономических и социальных

задач. Критерии оценки экономической ситуации теряют свой смысл, если их использовать применительно к недифференцированному экономическому пространству страны.

Единство экономического пространства страны в условиях глобализации заключается не столько в наличии единого рынка сбыта, сколько в прочности экономических связей между регионами, основанными на производственной кооперации. Межрегиональная производственная кооперация не реализуема в условиях рыночной экономики без рентабельности производственных циклов в основных звеньях технологических цепочек, что для регионов со сложными природными условиями хозяйствования, в свою очередь, требует преодоления внеэкономических факторов удорожания производства механизмами экономического регулирования. Отсутствие дифференциации экономических условий хозяйствования, адекватной дифференциации его естественно-природных условий ведет к неравенству положения хозяйствующих субъектов, граждан и регионов в целом.

Потребности экономики страны и истощение запасов природных ресурсов в военных районах предопределяют постоянное наращивание их добычи в Арктике. В то же время внеэкономические факторы удорожания производства в Арктике велики как нигде, что требует их преодоления специализированными, адресными мерами экономического регулирования.

2. Методологические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации

Главная проблема – проблема укоренившегося в общественном сознании восприятия арктической зоны¹ как некоего организмоподобного природного образования, обладающего собственной «кожей-границей», которую можно было бы выявить в ходе научного исследования. На самом деле такового природного феномена не существует. Существует «географический континуум» – в той или иной мере постепенные переходы между территориями с различными природными условиями. Это люди для удобства ориентирования в среде дают наименования относительно однородным участкам земной поверхности, причем однородность эта может быть весьма условной и определяться по совершенно различным критериям. Например, со времен древних греков Арктика (медвежья земля) – земля под созвездиями Большой и Малой Медведиц. Более точного определения не требовалось очень долго. Исходя из изложенного, наиболее приближенным к изначальному содержанию критерием определения состава АЗРФ будет астрономический – линия Северного полярного круга (66°33' северной широты). Таково общественное восприятие вопроса и в нашей стране, и за рубежом, всегда ставившее знак равенства между понятиями «Арктика» и «Заполярье». Кстати, с ним связаны вполне конкретные факторы при-

¹ В устоявшейся языковой практике «арктическая зона» пишется со строчной буквы, т.к. подразумевается, что слово «арктическая» является прилагательным. Минрегион России в своем документообороте ввел написание словосочетания «Арктическая зона» с заглавной буквы, подразумевая имя собственное. Словосочетание «Арктическая зона Российской Федерации» целесообразно писать с заглавной буквы, т.к. в данном случае именуется имя собственное объекта государственной политики и правового регулирования. В то же время написание «арктическая зона» со строчной буквы целесообразно там, где имеет место простое указание на элемент географической зональности: «лесная зона», «степная зона» и т.д.

родной дискомфортности – дефицит солнечной радиации и нарушение привычных неарктическим жителям суточных ритмов – чередования дня и ночи. Именно этот фактор должен быть первым при определении состава АЗРФ. Ведь он проецируется на самочувствие людей, а люди – главная цель государственной деятельности.

Из описанного выше восприятия арктической зоны как некоего организмоподобного природного образования вытекает убежденность в том, что Арктика для всех целей одна и та же. Иными словами, для целей государственного управления, для целей экономического развития, для целей социальной политики может быть использовано, например, геоботаническое районирование. Предлагается проводить южную границу Арктики по крайне размытой границе типичных арктических тундр (при том, что зональные границы растительности – самые подвижные из всех пригодных к использованию). Но и эти границы далеко не везде возможно использовать, и тогда, в буквальном смысле от безвыходности, предлагаются к использованию геоморфологические факторы, да еще и не имеющие сами по себе никакой арктической специфики. Для целей изучения и охраны природы такой подход естественен. Но для управления экономикой он не дает почти ничего, так как не очерчивает объект государственного управления и не раскрывает его сущностного содержания. Что касается привлекавшихся Минэкономразвития России к соответствующим исследованиям специалистов Института географии РАН и НИИ Арктики и Антарктики, то они решали поставленную перед ними задачу в соответствии со своей профессиональной подготовкой. Их просили найти какие-нибудь природные рубежи, которые могут быть использованы для определения южной границы АЗРФ, они их и предложили. Просто нужно понимать, что это не «кожа Арктики», а один из возможных вариантов дифференциации земной поверхности на основе геоботанического районирования или геоморфологического районирования или некоего комплексного физико-географического районирования, объединяющего в себе несколько критериев частных тематических районирований.

Третья проблема – абсолютизация комплексности районирования. Неспециалисты полагают, что чем больше факторов использовано в рамках районирования, тем более содержательным и «точным» оно будет. Действительно, в географии традиционно используется комплексный подход к районированию, подразумевающий использование комплекса генетически разнородных, но функционально сопряженных факторов. Применение комплексного подхода к выделению арктической зоны предлагалось неоднократно. Корень проблем – адекватность применяемых критериев задачам районирования и их взаимная сочетаемость. Нередко под декларациями о комплексности лежит механическое совмещение разнородных показателей, наложение которых друг на друга не углубляет содержания районирования, а только усложняет его восприятие и запутывает процесс его интерпретации.

3. Методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации

Основной методической трудностью является подбор критериев, адекватных поставленной задаче. Проблемы же начинаются уже на этапе постановки задачи.

Нужно ясно сформулировать цели выделения АЗРФ и определить их иерархию. Если это делается в научных или природоохранных целях – это одно, и тогда необходимо использовать физико-географические и биогеографические показатели, выявляющие природную специфику территории относительно иных территорий, обладающих собственными специфическими природными чертами.

Если задачей выделения АЗРФ является социально-экономическое развитие, то природные критерии могут быть используемы как дополнительные корректирующие, но не как базовые исходные, так как они не несут в себе необходимого объема социально-экономической информации и не очерчивают объекты государственного управления: население, административные и муниципальные образования, хозяйственные и инфраструктурные комплексы.

3.1. Физико-географический подход к выделению Арктики

Для научных и природоохранных задач наиболее естественен и оптимален физико-географический подход, основывающийся на классификации ландшафтов и исходящий из того, что все частные факторы среды интегрированы в базовых параметрах ландшафтов, определяющих общие закономерности географической дифференциации территории. В классификации А.Г. Исаченко [1] за границу Арктики принята южная граница ландшафтов тундры, в чем автор следовал мнениям многих своих предшественников. В то же время, следует иметь в виду, что степень выраженности границы тайги и тундры сильно варьирует в различных регионах, представляя местами то относительно четкую линию (при некотором уровне генерализации), то широкую (до сотен километров) переходную зону. Что касается вопроса о включении лесотундровой зоны в состав Арктики, то по ряду количественных и качественных параметров лесотундра тяготеет к тундре. Одновременно лесотундровые ландшафты существенно отличаются от тундровых по ряду других показателей. Таким образом, лесотундровая зона сама по себе выполняет роль переходной полосы (размытой границы) между арктическими и бореальными ландшафтами. Разные специалисты предлагают с учетом местных особенностей принимать за границу Арктики либо ее северный, либо ее южный край между арктическими и бореальными ландшафтами.

Определенные трудности возникали при установлении границы Арктики в горных районах. Здесь в первую очередь рекомендуется принимать во внимание характер растительности на самых низких ступенях высотной поясности (у подножий гор, в долинах и межгорных котловинах). Это обусловлено принятыми принципами классификации ландшафтов, в соответствии с которыми каждому зонально-секторному типу ландшафтов соответствуют определенные спектры высотной поясности.

3.2. Биоклиматический подход к выделению Арктики

Если задачей выделения АЗРФ является оценка дискомфорта условий хозяйствования и жизнедеятельности населения, то также применяются природные, но уже несколько иные критерии в рамках биоклиматического подхода, основанного на понятии стрессирующего воздействия окружающей среды на человеческий организм. Применительно к Арктике это воздействие ассоциируется с комбинацией

следующих факторов стресса, заставляющих предпринимать максимальные усилия по его нейтрализации:

- высокоширотность, ведущая к недостатку биологически активной УФ-радиации в течение холодного периода;
- нарушение привычных для неарктических жителей ритмов чередования дня и ночи, ведущее к формированию состояний стресса;
- преобладание низких температур воздуха в сочетании с суровым ветром, а для приатлантического и тихоокеанского секторов (Мурманская область и Чукотский АО) и высокой относительной влажностью воздуха в течение почти всего года;
- высокая вероятность выпадения снега в течение всего летнего сезона.

Дискомфортность природных условий жизнедеятельности человека генерирует проблему ее удорожания и связанных с ним социальных обязательств. В связи с этим, биоклиматический подход к определению границы Арктики имеет практический смысл только в общих рамках определения дискомфортных территорий России и дифференциации (районирования) этих территорий по уровню их дискомфортности (принцип единства правового пространства страны не допускает ситуации, когда где-либо какой-либо вопрос нормативно регулировался на одних основаниях, а в других частях страны – на других). Таким образом, выделение арктической зоны по биоклиматическим критериям должно стать результатом районирования территории Российской Федерации по условиям комфортности / дискомфортности жизнедеятельности населения. При этом среди специалистов-североведов сложилось общее мнение, что наиболее дискомфортную зону в рамках такого районирования можно отождествлять с Арктикой, хотя ее эпицентр находится в Республике Саха (Якутия) на достаточном удалении от арктического побережья.

Очевидно, что при биоклиматическом подходе границы Арктики будут несколько отличаться от границ, определенных в рамках физико-географического подхода. Говоря об этих подходах к выделению Арктики необходимо указать и на их предшественника, климатический подход, занимающий относительно них некоторое промежуточное положение.

3.3. Климатический подход к выделению Арктики

В рамках преобладавшего в первой половине XX века климатического подхода при определении границ арктической зоны предлагалось использовать:

- изотерму июля 10 °С, которая достаточно близка к границе леса;
- критерий Норденшельда, в котором температура июля корректируется по температуре самого холодного зимнего месяца;
- критерий Визе, принявшего за основу критерий Норденшельда, с учетом исключения из Арктики морских акваторий с положительной среднегодовой температурой (Север Атлантики);
- величину радиационного баланса, равную 10 ккал/см² в год;
- величину радиационного баланса, равную 15 ккал/см² в год;
- среднее положение между изотермами среднеголетней июльской температурой воздуха 8 °С и 12 °С;

- сумму двух индексов, учитывающих отношение средней за холодный период (ноябрь–март) скорости ветра к средней температуре воздуха за холодный период и сумме осадков за холодный период (оба индекса резко возрастают вблизи южной границы тундры, граница Арктики проводится по значению суммы, равному единице);
- определяющее условия вегетационного периода среднее положение арктического атмосферного фронта, разделяющего арктические воздушные массы и воздушные массы умеренных широт.

Использование климатических показателей имеет как сильные, так и слабые стороны. Климат сам по себе не стабилен, климатические индексы для конкретных территорий флюктуируют во времени. Причем, это не только колебания вокруг неких средних значений. Флюктуации климатических показателей имеют вектор смещения в соответствии с общими климатическими изменениями. Существуют и другие проблемы. Так, Б.П. Алисов [2] разделял арктический и субарктический пояса, относя границу арктического пояса к летнему, а субарктического к зимнему положению арктического климатологического фронта. При этом Субарктика у Б.П. Алисова охватывала значительные площади бореальных лесов, а усредненное положение атмосферного фронта различно у различных авторов и даже в публикациях самого Б.П. Алисова.

3.4. Прикладные природно-хозяйственные подходы к выделению Арктики

Прикладные природно-хозяйственные подходы, опирающиеся на те или иные критерии, опосредованные практическим целеполаганием, также имеют свою историю. Исследователи Всероссийского научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов мирового океана (ВНИИОкеангеология) указывали, что, исходя из стратегии развития минерально-сырьевой базы и охраны арктической зоны России, единственным важным параметром определения границ является размещение ведущих типов месторождений полезных ископаемых. В связи с этим ими была составлена карта закономерностей размещения месторождений полезных ископаемых в пределах российского сегмента Арктического планетарного минералогического пояса. В этом есть свой смысл, если учесть объективную потребность принятия особых мер регулирования и стимулирования ресурсной деятельности, необходимых в Арктике, но, возможно, избыточных в регионах с более благоприятными природными условиями. В то же время отдельные минералогические провинции (например, Тимано-Печерская) простираются далеко на юг, на территории, которые традиционно воспринимаются как Север, но не Арктика, и в этом случае корректирующим критерием должны выступить в первую очередь административные границы.

Специалисты Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН предлагают использовать метод транспортно-хозяйственного тяготения территорий, примыкающих к Северному морскому пути (далее – СМП) и находящихся в зоне его влияния с учетом взаимосвязи экономики регионов, формирующих основные грузопотоки на трассе СМП. СМП – транспортная ось арктической зоны. Тем не менее такие очевидно арктические города, как Воркута или Салехард, в настоящее время формируют основной грузопоток по железнодорожным путям. Но

даже очевидно арктическое направление грузопотоков и базы снабжения не всегда можно рассматривать как критерии отнесения к Арктике. Примером может служить порт Осетрово в г. Усть-Кут на р. Лене – основная база формирования грузов для заполярных районов Якутии, восточной части Таймыра и западной части Чукотки, а также порт Находка на Дальнем Востоке – основной пункт формирования грузов для восточных районов Чукотки.

В работах ФГУ ВНКЦ «Север» Минэкономразвития России (доставшегося министерству в наследство от Госкомсевера), а после ликвидации Центра в 2007 г. в работах коллектива ВНКЦ, продолжающего свою деятельность в рамках учрежденного им АНО НКЦ «Север», обосновывается позиция, в соответствии с которой выделение Арктики необходимо для формулирования и реализации дифференцированной экономической политики, определяемой государственными интересами и спецификой арктических регионов, а также выполнением международных обязательств России. При таком целеполагании районирование Арктики должно осуществляться на основе выделения целостных природно-хозяйственных систем, в отношении которых удобно осуществлять дифференциацию экономической политики с учетом принципа единства экономического пространства страны. Соответственно, необходимо включение в состав АЗРФ целостных природно-хозяйственных территориальных комплексов арктического и субарктического облика, транспортная система которых в существенной мере связана с арктическими морскими акваториями², а также портами, расположенными в нижних течениях впадающих в них северных рек³.

С учетом изложенного использование в настоящее время в качестве критериев при определении состава АЗРФ только факторов природной среды не соответствует целям ее выделения в качестве объекта государственного управления и статистического наблюдения, не направлено на обеспечение задач роста экономики и совершенствования социальной сферы.

Более подробно опыт выделения АЗРФ рассмотрен нами в статье «Проблемы нормативного правового закрепления Арктической зоны Российской Федерации», размещенной в 2008 г. в Интернете в электронном журнале «Вестник ДФО».

3.5. Выделение Арктической зоны для целей обеспечения деятельности Арктического Совета

Наиболее авторитетная арктическая международная организация – Арктический Совет – использует в своей деятельности в качестве границы Арктики линию, предложенную разработчиками проекта «Conservation of Arctic Flora and Fauna» (CAFF). Поскольку научная и природоохранная деятельность превалируют в деятельности Арктического Совета, в основу были положены природные критерии, включая астрономический – CAFF-граница на территории России (как и в других странах) местами соприкасается с линией полярного круга, но не пересекает ее к северу.

² В западной части СМП трассы начинаются к востоку от архипелага Новая Земля. Баренцево, Печерское и Белое моря формально в СМП не включаются, хотя являются транзитными акваториями на пути к крупнейшим портам СМП – Мурманску и Архангельску.

³ Периодически забывается, что трассы СМП часто начинаются и оканчиваются портами в низовьях крупных рек. Например, на Енисее конечным пунктом СМП является порт Игарка.

Для нашей страны арктическая зона, очерчиваемая САФФ-границей, актуальна потому, что на нее по умолчанию проецируются обязательства в рамках Арктического Совета, если документы не уточняют состав территорий, на которые распространяются обязательства. После нормативного правового закрепления состава АЗРФ Российская Федерация будет по умолчанию подразумевать территорию, закрепленную в национальном законодательстве, но существенные расхождения в трактовках содержания понятия Арктическая зона России не желательны.

Первая редакция проекта федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», разработанная Минрегионом России и одобренная Межведомственной рабочей группой на заседании 7 февраля 2013 г. в существенной мере соответствует САФФ-границе и в целом отвечает задачам в сфере международного сотрудничества. Не охватываемыми САФФ-границей и вообще избыточными являются только предложенные в первой редакции законопроекта к включению в состав АЗРФ:

– Лоухский, Кемский и Беломорский муниципальные районы Республики Карелия;

– Онежский и Мезенский муниципальные районы Архангельской области.

3.6. Практика использования критериев в деятельности по выделению Арктической зоны Российской Федерации

Важное значение имеет не только выбор критериев выделения АЗРФ, но и их пропорциональное использование, соблюдение единства принципов и равенства подходов применительно ко всем арктическим регионам. Отступления от этих требований имеют место уже в решении Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г. В этом решении к разным территориям были применены разные критерии. Все автономные округа были выделены целиком, что обеспечило соблюдение принципа целостности природно-хозяйственных территориальных комплексов арктического и субарктического облика. В отношении же Мурманской области и Республики Саха (Якутия) применили формальные принципы, игнорирующие и заполярное положение территорий, и соображения удобства управления целостными природно-хозяйственными комплексами. Например, в отношении автономных округов учли фактор наличия крупнотабунного арктического оленеводческого хозяйства коренного населения и необходимость проведения в его отношении скоординированной хозяйственной политики, а в отношении Республики Саха (Якутия) – не учли. Или фактор связи транспортной системы с СМП, включающий в себя не только морские акватории (служащие преимущественно транзитными путями), но и порты в низовьях северных рек, где и производится разгрузка-погрузка судов. Применительно к конечному пункту маршрута СМП на реке Енисей – порту Игарка, а также к портам на реках Яна, Индигирка и Колыма в Республике Саха (Якутия) этот критерий применен не был. Более того, территория Воркутинской городской администрации (ныне городской округ Воркута) Республики Коми, находящаяся в Заполярье и имеющая, очевидно, арктический облик, была просто забыта, как был забыт и ряд закрытых административных территориальных

образований (ЗАО) в Мурманской области. Решение Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г. не было идеальным и нуждается в корректировке при учете в остальном сложившейся практики государственного управления.

К сожалению, проблема единства принципов и равенства подходов – не единственная методическая проблема при выделении АЗРФ. Бывает и так, что обосновывающие материалы прилагаются формально и мало связаны с документом, который они должны обосновывать. Типичным примером является последний вариант состава АЗРФ, направленный Минрегионом России на межведомственное согласование 8 июля 2013 г. В соответствии с протоколом совещания 18 июня 2013 г. у заместителя Председателя Правительства Д.Н. Козака Минрегион должен был учесть, в том числе, заключение Росгидромета о географических и природно-климатических особенностях Арктики.

В приложенных к документу Минрегиона обосновывающих материалах НИИ Арктики и Антарктики указано следующее: «По географическим и вещественно-структурным признакам на территории АЗРФ выделены две физико-географические области:

Арктическая природная территория – природный комплекс, ... включающий морские водные объекты, относящиеся к бассейну Северного Ледовитого океана (включая Белое море), ... прибрежные низменности и равнины с арктическими ландшафтами (тундры), прибрежные склоны гор и нагорий, поверхностный сток с которых направлен в арктические моря;

Субарктическая природная территория – территория, которая в пределах Арктической зоны Российской Федерации охватывает зоны лесотундровых и северотаежных ландшафтов...

Основные характеристики:

- а) разнообразие природных объектов (равнины, низменности, возвышенности, горные сооружения);
- б) арктический и субарктический климат;
- в) арктические и субарктические ландшафты;
- г) поверхностный сток в моря СЛО (включающий Белое море), на Чукотском п-ове – в Тихий океан».

Использованные на практике критерии не соответствуют изложенным. В АЗРФ не были включены территории:

– с субарктическими ландшафтами: южная половина Мурманской области, городской округ Воркута Республики Коми, муниципальное образование г. Игарка, ряд улусов Республики Саха (Якутия);

– с субарктическим климатом: южная половина Мурманской области и муниципальное образование г. Игарка, заполярные улусы Республики Саха (Якутия), городской округ Воркута;

– с поверхностным стоком в СЛО (Белое море): южная половина Мурманской области.

Географические критерии были использованы только в одном случае – в отношении Мурманской области. Она была разделена по геоморфологическому критерию направления стока рек, который никак не может быть связан со спецификой Кольского полуострова:

– все его реки не судоходны и рассматривать их с точки зрения наличия или отсутствия связи с СМП бессмысленно;

– в приложенном материале НИИ Арктики и Антарктики Белое море отнесено к Арктическому морскому бассейну, вследствие чего все реки Мурманской области впадают в Арктический морской бассейн.

Собственно критерии климата и его воздействия на человека и технические системы не были использованы нигде, даже в ультратрадиционной Республике Саха (Якутия). Применительно же к Мурманской области необходимо учитывать следующее: согревающее влияние Гольфстрима повышает зимние температуры, но при этом очень высока влажность воздуха и циклоническая активность, в связи с чем суммарное «влажное ветровое охлаждение» оказывает жесткое воздействие как на организм человека, так и на строительные материалы и технические системы, требующие специального арктического исполнения.

По отсутствию соответствия документа обосновывающим его материалам данный случай не уникален. Подобное случалось и ранее. В этой связи соответствие обосновываемого положения обосновывающим материалам превратилось в одну из основных методических проблем во всей четвертьвековой истории выделения АЗРФ.

4. Арктическая зона Российской Федерации, границы или состав?

Спецификой подхода ФГУ ВНКЦ / АНО НКЦ «Север» является разграничение понятий «арктическая зона» (как элемент климатической, биогеографической и ландшафтной зональности) и «Арктическая зона Российской Федерации» (как объект государственного управления). В подходах других разработчиков (Минрегион России, Минэкономразвития России в период после ликвидации ФГУ ВНКЦ «Север», ряд научных организаций) эти понятия сливаются, что проявляется в используемой терминологии. ВНКЦ / НКЦ «Север» настаивает на использовании применительно к АЗРФ понятия «состав» (заостряя на этом внимание как в отчетах по НИР в интересах Минэкономразвития России, так и в научных публикациях), в то время как другие разработчики по инерции продолжали использовать понятие «граница».

При этом нужно отметить, что пространственная неидентичность «арктической зоны» и «Арктической зоны Российской Федерации» в целом осознается, например:

– в подготовленном Минэкономразвития России к заседанию Правительства России 14 июня 2001 г. (протокол № 24) докладе, представлявшем проект указа Президента России, подготовленный во исполнение поручений Президента России от 1 августа 1996 г. № 4016с и Правительства России от 31 октября и 22 декабря 2000 г., указывалось, что: «Южная административная граница арктической зоны Российской Федерации определена решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г. При этом административная и физико-географическая границы Арктики несколько отличаются друг от друга»;

– в проекте Концепции федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», разработанном Министерством регионального развития России в мае 2013 г., указывается, что территориальная привязка природных критериев с целью выделения однородной территории арктической зоны представляется практически нереализуемой в силу противоречивости получаемых результатов, а также несоответствия природно-экологических и социально-экономических факторов сложившейся системе административно-территориального управления.

Тем не менее соответствующих выводов из этого не делалось.

Понятие «состав АЗРФ» подразумевает ее определение через перечень административных и муниципальных образований. Понятие «граница АЗРФ» при этом излишне, а карта с ее отображением как суммы административных и муниципальных границ не является обязательным элементом и носит исключительно иллюстративные функции. В этой ситуации понятие «состав АЗРФ» не имеет никакого политико-административного контекста и не формирует изначально не предполагавшихся смыслов о некоей самоценной целостности объекта определения.

Понятие «граница АЗРФ» подразумевает некую самоценную целостность объекта определения, не сводимую к простому перечню его составляющих. Его использование безальтернативно при описании арктической зоны как элемента климатической, биогеографической и ландшафтной зональности. В этом случае определять ее через перечни составляющих непродуктивно, а карта с отображением границы будет иметь соответствующее нормативное содержание научного или управленческого характера.

Использование понятия «граница АЗРФ» применительно к задачам государственного управления параллельно с понятием «состав АЗРФ» избыточно и имеет некий размытый политико-административный контекст, формируя изначально не предполагавшиеся смысловые конструкции о некоей самоценной целостности объекта определения, например, наименование «южной границы АЗРФ» «административной» в документах госорганов без какого-либо намерения последних создавать новую административную единицу. На практике это выливается в разного рода осложнения и конфузы, возникающие буквально «на пустом месте». Так, в 2005 г. министр регионального развития России В.А. Яковлев дважды представлял проекты указа Президента России «Об Арктической зоне Российской Федерации» и «О границе Полярной зоны Российской Федерации», содержавшие неявные признаки квазигосударственности (границы, органы управления, бюджет, законодательство, силовой блок), что вызвало в верхних эшелонах власти соответствующую реакцию (включая шутки про «Арктиду»), но было следствием неосознанного решения сотрудников Минрегиона формировать потенциально автономизируемую административно-территориальную единицу, а их неосознаваемой реакции на неадекватные словесные формулы.

Постановка вопроса о «южной границе АЗРФ» автоматически предполагает вопрос и об ее границах в целом, в том числе о «северной границе АЗРФ», вызвав «подключение» к проблеме еще и потока дискуссий о формах и объемах суверен-

ных прав России в арктическом морском бассейне за пределами территориального моря. Использование же понятия «состав АЗРФ» участия в этой дискуссии не предполагает, так как все арктические острова России входят в состав соответствующих административных образований и автоматически включаются в АЗРФ вместе с прилегающими к ним внутренними водами и территориальным морем.

В соответствии с Международной конвенцией по морскому праву 1982 г. в отношении исключительной экономической зоны и шельфа Россия имеет лишь ограниченные суверенные права и решение вопроса о шельфе находится в компетенции международного органа ООН по морскому дну. В этой связи необходимо хорошо подумать, нужно ли иметь в составе АЗРФ сегменты с ограниченными суверенными правами России и не создает ли это ненужных прецедентов для попыток расширения потенциала влияния других государств на остальные сегменты АЗРФ. Есть и другое обстоятельство. Включая в состав АЗРФ акватории, находящиеся за пределами государственной морской границы, мы подаем ненужный пример другим странам, которые могут воспользоваться созданным Россией прецедентом в ущерб российским интересам.

С нашей точки зрения, разумнее оставить за исключительной экономической зоной и шельфом России в Арктике их индивидуализированный статус, предоставив высшим должностным лицам России и уполномоченным органам проводить гибкую международную политику в интересах страны с учетом меняющихся обстоятельств.

5. Арктическая зона Российской Федерации как объект государственного управления

Государственная политика в АЗРФ определена:

– Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу, утвержденными Президентом Российской Федерации 18.09.2008 г. № Пр-1969 (далее – Основы);

– Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г., утвержденной Президентом Российской Федерации 8.02.2013 г. № Пр-232 (далее – Стратегия).

В соответствии с Основами основными национальными интересами Российской Федерации в Арктике являются (пункт 4):

а) использование АЗРФ в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;

г) использование СМП в качестве национальной единой транспортной коммуникации в Арктике.

Национальные интересы определяют главные цели, основные задачи и стратегические приоритеты государственной политики Российской Федерации в Арктике (пункт 5).

В сфере социально-экономического развития (пункт 6) перечень главных целей государственной политики Российской Федерации в Арктике открывается расширением ресурсной базы АЗРФ, способной в значительной степени обеспечить потреб-

ности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья (подпункт а).

В соответствии со Стратегией первым приоритетным направлением развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности (пункт 7) является комплексное социально-экономическое развитие АЗРФ.

Исходя из приведенного целеполагания в основу выделения АЗРФ должно быть положено экономико-географическое районирование, суть которого в выделении природно-хозяйственных систем, целостность которых, с одной стороны, обуславливается спецификой природных условий и природно-ресурсной базы, а с другой стороны, – внутренним инфраструктурным единством в широком его понимании, включая и наличие кластерной связности производственной среды, и единую инфраструктуру управления. Природно-хозяйственные системы в рамках такого районирования должны обладать комплексом специфических черт, требующих в отношении себя специфической региональной политики. Что касается природоохранных и иных гуманитарных задач, то они непосредственно связаны с хозяйственными комплексами и структурой расселения.

Практически все проблемы Арктической зоны фокусируются в эффекте «северного удорожания» в его экстремальной арктической форме. Можно сказать, что «северное удорожание» и есть экономическая проекция специфических условий хозяйствования и жизнедеятельности в Арктике. «Северное удорожание» тем или иным образом лежит в корне практически всех проблем Арктики. Решение данной проблемы откроет двери для последовательного решения всех остальных проблем. Задача государства, как управляющей системы национального экономического организма, обеспечивать конкурентоспособность национальной экономики и выравнивать межрегиональную конкурентную среду. Все приполярные государства делают это, о чем ФГУ ВНКЦ «Север» Минэкономразвития России подготовил специальный материал «Международный опыт региональной политики и управления северными территориями» к заседанию Президиума Госсовета в г. Салехарде в апреле 2004 г.

К изложенному следует добавить следующее:

1. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г.», разрабатываемая Минрегионом России во исполнение поручений заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.Н. Козака от 18 марта 2013 г. № ДК-П16-130с и от 21 мая 2013 г. № ДК-П16-3383, не является единственным инструментом развития АЗРФ при всей своей значимости с учетом некоторой временной перспективы. В этой связи мнения о том, что состав АЗРФ определяется только для целей программы и может быть в качестве ведомственного или правительственного акта низкого уровня включен в программу в качестве приложения не отвечает интересам государства, задачам развития и положениям арктической политики, определенным Президентом России.

2. С учетом обострения на международном уровне борьбы за рынки сбыта и условия поставок сырьевых ресурсов, включая ВТО и иные международные согла-

шения по регулированию торговли, существует объективная необходимость выделения АЗРФ актом достаточно высокого уровня, каковым может быть акт Президента России. Торговые войны ведутся в основном вокруг открытого или скрытого субсидирования национального производства и сдерживания импорта квотами или таможенными пошлинами с применением в качестве оружия норм международных соглашений на площадке арбитража. Динамическое разнообразие товарных групп и множество прочих обстоятельств предопределяют рамочный характер международных торговых соглашений и, как следствие, наличие особых случаев, позволяющих применительно к тем или иным производствам или товарным группам в рамках этих случаев не соблюдать те или иные нормы соглашений. В арбитражном разбирательстве такие отклонения от договоренностей должны быть хорошо мотивированы и нормативно обеспечены. Примером может служить, например, поддержка вне квот и принятых на себя ограничений хозяйственной деятельности коренных народов как экстраординарная экономическая политика, мотивированная гуманитарными соображениями. Нахождение в составе АЗРФ также может быть формальным основанием для применения инструментов экономического стимулирования, компенсирующих «северное удорожание» в его экстремальной арктической форме, не предусмотренных соглашениями и не действующих за пределами АЗРФ. «Арктическая» аргументация в международном арбитраже вполне может быть эффективна и применяется другими сторонами. Достаточно посмотреть, например, как Норвегия взламывает положения Парижского договора 1920 г. о Шпицбергене, опираясь на собственное национальное «северное» и природоохранное законодательство. Выделение АЗРФ актом достаточно высокого уровня и включение в нее регионов, перспективных с точки зрения обеспечения национальной экономики – необходимая заблаговременная подготовка к разнообразнейшим рискам на площадке ВТО и других торговых площадках.

3. Применяемые инструменты выравнивания межрегиональной и международной конкурентной среды могут претерпевать изменения в зависимости от конкретной ситуации и в этой связи обычно позиционируются в сфере ведения правительств с целью обеспечения гибкости и оперативности принятия управленческих решений.

6. Состав Арктической зоны Российской Федерации, оптимизированный для целей государственного управления и международного сотрудничества

Решение о составе Арктической зоны Российской Федерации – не результат научного исследования, а политический акт, учитывающий астрономические, хозяйственные, социальные, демографические, природные критерии и политические реалии, соображения преемственности и удобства государственного управления. Ведущими критериями должны быть:

А) целостные природно-хозяйственные территориальные комплексы арктического и субарктического облика, транспортная система которых в существенной мере связана с арктическими морскими акваториями, а также портами, расположенными в нижних течениях впадающих в них северных рек;

В) целостные территориальные административные или муниципальные образования, в отношении которых осуществляется регулярное государственное статистическое наблюдение;

С) линия Северного полярного круга как критерий, соответствующий изначальному содержанию понятия «Арктика» и отражающий наиболее специфические именно для Арктики факторы негативного воздействия среды на человеческий организм;

Д) примерное соответствие САФФ-границе.

Остальные критерии могут быть использованы для уточнения в случае существенных противоречий между перечисленными выше ведущими критериями.

В соответствии с изложенным в состав АЗРФ целесообразно включить:

1. Мурманскую область и Ненецкий автономный округ – целиком. Полностью соответствует критериям А, В и D и практически полностью – критерию С.

2. Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа – целиком. Полностью соответствуют критериям А и В, полностью или в основном – критерию D, частично выходят за пределы Заполярья, но разделять их не целесообразно с учетом удобства и сложившейся практики государственного управления, природной специфики данных территорий.

3. Приморский муниципальный район и городские округа Архангельск, Северодвинск и Новодвинск Архангельской области. Полностью соответствуют критериям А и В, расположены в приполярье и имеют большое значение для геостратегических интересов в Арктике, обеспечения судоходства по трассам СМП и ресурсной деятельности на арктическом шельфе.

4. Городской округ Воркута Республики Коми. Полностью соответствует критериям А, В, С и D. Отсутствие в перечне, определяемом решении Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г. вызвано технической ошибкой.

5. Таймырский (Долгано-Ненецкий) муниципальный район и Муниципальное образование город Норильск. Полностью соответствуют критериям А, В, С и D, являются единым промышленным узлом.

6. Городское поселение Игарка Туруханского муниципального района Красноярского края. Полностью соответствует критериям А, С и D. В течение долгого времени было конечной точкой маршрута СМП на реке Енисей и городом краевого подчинения до 2005 г. После переориентации направлений импорта лесоматериалов на некоторое время утратило свое значение в качестве порта СМП и включена в состав Туруханского района, но в настоящее время его восстановило в качестве операционной базы снабжения ванкорской группы месторождений и нефте-газового комплекса севера Красноярского края в целом. В части статистического наблюдения по Игарке можно принять индивидуализированный инструктивный документ.

7. Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский районы (улусы) Республики Саха (Якутия). Перечисленные улусы полностью соответствуют критериям А, В и D, полностью или

частично – критерию С. В части горнорудного производства улусы в достаточной мере автономизированы, межрайонные кластерные связи начинают формироваться. Хозяйственное единство в существенно большей мере проявляется в сфере традиционного хозяйства, в первую очередь – крупнотабунного арктического оленеводства, требующего в существующих экономических условиях особой поддержки. Связь систем снабжения с трассами СМП высока. В качестве корректирующих критериев учитываются экстремально высокая жесткость климата в зимний период и то обстоятельство, что САФФ-граница охватывает даже еще большее количество улусов (дополнительно Кобяйский, Оймяконский и Томпонский улусы, экстремально дискомфортные, но лежащие за пределами Заполярья).

Литература

1. *Исаченко, А.Г.* Ландшафты СССР / А.Г. Исаченко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 320 с.
2. *Алисов, Б.П.* Климатология / Б.П. Алисов, Б.В. Полтораус. – М. : Изд-во МГУ, 1974. – 299 с.

Виталий АЛЕКСЕЕВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ ПО ОСВОЕНИЮ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

THE MAIN TRENDS OF FEDERAL POLICY ON THE CANADIAN NORTH DEVELOPING IN THE END OF 20TH CENTURY-BEGINNING OF 21ST CENTURY

Автором систематизированы политические аспекты важнейших событий на Севере Канады, выявлены основные направления государственной политики на Севере страны, представлены таблицы, помогающие понять тенденции в общественно-политической жизни Севера Канады.

Ключевые слова: основные направления государственной политики на Севере Канады, изменение политической и экономической карты Севера Канады, систематизация политических аспектов основных событий при освоении северных территорий, развитие аборигенного управления и правительства.

The article resumes Bone's main trends and events which have caused the drastic political and economic changes on the map of the Canadian North. One of them is formation of the new territory, Nunavut, with the aboriginal governing. Comprehensive land claim agreements, impact and benefit agreements, aboriginal corporations which may participate in mega-projects realization have made the federal government and aborigines as the mutual equal partners. Though, this partnership has not solved yet all social problems of indigenous people and the North.

Keywords: main trends of federal policy in territorial North of Canada, political and economic changes on the map of the North, political issues of North developing, developing northern aboriginal governing, northern challenges and problems.

В статье поставлена задача анализа основных направлений государственной политики Канады по развитию северных территорий, которые приводятся в трудах известного ученого-географа, профессора Университета Саскачеван Роберта Боуна.

На основе анализа трудов Роберта Боуна можно выделить следующие основные направления реализации федеральным правительством государственной политики на канадском Севере:

1. Достижение поддержки населением территорий Канады политики федерального правительства по промышленному освоению северных территорий путем реализации комплексных договоров по земельным требованиям, а также договоров по

охране окружающей среды и мест традиционных видов хозяйствования коренных народов.

2. Поддержка политического движения коренных малочисленных народов Севера путем образования новых этнических административно-территориальных единиц с аборигенным правительством под общим контролем федерального центра в Оттаве.

3. Стимулирование коренных малочисленных народов к участию в реализации мегапроектов, мероприятиях по обеспечению суверенитета Канады в Арктике.

Каждое направление реализуется федеральным центром в неразрывной связи, логически дополняя друг друга.

Итак, остановимся подробнее на каждом из вышеприведенных направлений государственной политики Канады.

После полного игнорирования Оттавой интересов населения Севера, особенно коренных малочисленных народов в течение многих десятилетий, вплоть до 70-х гг. прошлого столетия, федерального правительство решило прибегнуть к другой стратегии. От стратегии конфронтации и пренебрежения интересов аборигенов под давлением общественности, в том числе международных экологов, руководители Канады в конце XX века перешли к стратегии социально-экономического развития коренных народов, поддержки культуры и традиционных видов хозяйствования, но с условием исключения требований о политической независимости от Оттавы [1]. При этом федеральное правительство Канады при реализации мегапроектов стремилось получить полную лояльность коренных народов, осознавая, что программы по разработке месторождений природных ресурсов неизбежно наносили ущерб природе и традиционным территориям природопользования аборигенов, заставляя их менять районы своего проживания и хозяйствования.

Поэтому лидеры коренных народов в течение многих лет безуспешно пытались получить в собственность земли, которые как они считали, были их исконными. Первоначально лидеры коренных народов стремились сохранить за собой традиционные районы проживания, обеспечить защиту окружающей среды. Договоры содержали такие положения, как передача в собственность аборигенов земельных участков, обязательное согласование корпорациями условий по защите природы. Другие положения, такие как компенсационные выплаты от федерального правительства организациям коренных народов, создание корпораций аборигенов, которые должны были принимать активное участие в реализации мегапроектов обусловили комплексность договоров по земельным требованиям.

Первые такие договора в 1970-х гг. были подписаны в северном Квебеке при реализации гидроэнергетического проекта в Джеймс Бей, а также строительстве газопровода в долине Маккензи на северо-западе страны. В таблице 1 приведены основные экономические показатели договоров по земельным требованиям.

Показатели комплексных земельных договоров на Севере Канады

Коренные народы	Даты заключения договоров	Стоимость договоров (\$)	Земли для передачи коренным народам (кв. км)
Инувиалуиты	1984	45 млн (1977)	90 650
Гвичин	1992	75 млн (1990)	22 378
Сахту / Метисы	1993	75 млн (1990)	41 000
Инуиты (Нунавут)	1993	580 млн (1989)	350 000
Первые нации Юкона	1993	243 млн (1989)	41 440

Примечание: стоимость договора по инуитам (при создании территории Нунавут) впоследствии выросла почти вдвое.

Общий объем финансовых средств, полученных общинами через комплексные договора по земельным требованиям на территории Севера, превышает 5 млрд долларов. Только в северном Онтарио сумма договоров, подписанных в 1970-х гг. с коренными народами кри, инуитами и наскапи, составила 234 млн долларов. В 2002 г. общины кри и инуитов подписали новые земельные соглашения с правительством Квебека. Согласно данным договорам, инуиты приобрели право на получение 1,25% от реализации ежегодных объемов электроэнергии, производимых в рамках гидроэнергетических проектов в Нунавике – северном районе провинции Квебек. В то же время, общая стоимость договоров между народом кри и правительством Квебека на период в 50 лет составила 3,6 млрд долларов в течение следующих 50 лет.

В свою очередь, в апреле 2002 г. инуиты Квебека достигли другого долгосрочного договора с правительством Квебека, по результатам которого власти провинции получили разрешение на строительство гидроэлектростанций в бассейне залива Гудзона. Согласно договору, в течение 25 лет корпорация инуитов Квебека – «Макивик» – получит средства в размере 90 млн долларов, и уже в июне 2002 г. корпорация получила первый транш на сумму 7 млн долларов.

В июле 2007 г. народы кри, которые в течение долгого периода времени жаловались, что Оттава не выполняет свои обязательства по договору Джеймс Бей – северный Квебек, подписали новое соглашение с федеральным правительством. Результат этого договора – финансовые средства в размере 1,4 млрд долларов, которые должны выплачиваться общинам народа кри в течение 20 лет.

На первый взгляд, федеральное правительство идет на явные уступки требованиям общин коренных народов. Вместе с тем Оттава преследует стратегическую цель, а именно – достижение полной лояльности и поддержки населением Севера федеральной политики по промышленному освоению путем реализации мегапроектов. Таким образом, федеральный центр и транснациональные корпорации могут разрабатывать богатейшие месторождения природных ресурсов, в большинстве своем невозобновляемых, для извлечения огромных доходов.

К явному неудовольствию канадского правительства комплексные земельные договора обусловили и дальнейшие, уже политические требования коренных народов. Так, в 1970-80-е гг. народы дене/метисы стремились получить широкую автономию – территорию под названием Дененде с созданием собственного правительства. Путем различных манипуляций и переговоров федеральному правительству удалось разбить единое политическое стремление народов дене/метисы на несколько небольших, ссуженных требований. В результате появились пять отдельных, чисто экономических требований, за каждым из которых стояла отдельная община. Так федеральному центру удалось переиграть лидеров народов дене/метисы по отдельности.

Однако в случаях, когда политическая воля была достаточно сильной, и, что немаловажно, выражалась единой позицией лидеров коренных народов, Оттава вынуждена была опять-таки идти на уступки. Это достаточно четко проявилось в процессе создания новой этнической административно-территориальной единицы коренных народов – территории Нунавут, что в переводе с инуктитута, языка эскимосов-инуитов, обозначает «наша земля». Нунавут приобрел практически такие же органы власти, как и другие территории Канады – Юкон и Северо-Западные территории: правительство, законодательную ассамблею.

Помимо достижения политической цели, инуиты также получили и следующие выгоды, в основном, экономического характера: правособственность на территорию общей площадью 335 842 кв. км, из которых 35 257 кв. км земли содержат минеральные ресурсы, компенсации в виде финансовых средств в размере 1,1 млрд долларов, которые должны были выплачиваться в течение 14 лет, начиная с 1993 г., долю в доходах федерального правительства от освоения нефтяных, газовых и минеральных месторождений, располагающихся на землях территории, право пользоваться благами животного и растительного мира и водными ресурсами по всей территории Нунавут. Кроме того, согласно соглашению, федеральная сторона обязывалась предварительно согласовывать вопрос по реализации любых мегапроектов, которые могут принести не только выгоду коренному населению, но и иметь негативный эффект на инуитов, в частности на окружающую среду, традиционные места природопользования [2].

Такие впечатляющие результаты были достигнуты благодаря более чем 20-летней борьбе лидеров инуитов, всего народа за право распоряжаться своей землей, и в конечном итоге, и своей судьбой. Первая общественная организация инуитов Нунавута – Тапирисат инуитов Канады – начала движение по земельным вопросам коренных народов. Несмотря на то, что согласно ст. 35 Конституции Канады от 1982 г., закреплялись права коренных народов страны, не было четких нормативных актов, по которому права аборигенов на земли бы реализовывались. Эта правовая необеспеченность по земельному вопросу являлась ключевым фактором во взаимоотношениях между инуитами и некоренным населением в 1980-х и 1990-х гг. прошлого столетия [3].

В 1993 г. парламент Канады принял Акт о Нунавуте и, наконец, 1 апреля 1999 г. была официально образована территория Нунавут. Многие эксперты считают создание новой территории Канады как специальную программу «Нунавут». В основе этой

программы – создание и развитие собственного так называемого аборигенного правительства, которое наделяется полномочиями, не отличающимися от полномочий других территорий, как то: разработка и реализация бюджета, реализация социальных программ, решение задач культурного развития населения.

Таким образом, создание Нунавута предполагает национальное самоопределение коренного населения северной территории Канады. Если в первой книге Роберта Боуна планы по созданию новой территории Нунавут рассматриваются в качестве единичной уступки федерального правительства, то в книге с аналогичным названием, вышедшем в 2009 г., – как политический проект, который приобрел системность и большое будущее. В таблице 2 приведены основные события, которые привели в итоге к созданию новой северной территории [4].

Таблица 2

Создание территории Нунавут

Год	Событие
1973	Тапирисат инуитов Канады проводит исследование об использовании земель инуитов и их занятию под руководством профессора Мильтона Фримена
1976	Тапирисат предлагает создать отдельную арктическую территорию для инуитов Северо-Западных территорий
1976	Инуиты западной Арктики заявляют о своих собственных земельных претензиях, разделяя таким образом требования инуитов на две части
1990	Как результат многолетних переговоров, Федерация Тунгавик Нунавута, Северо-Западные территории, федеральное правительство подписывают принципиальное соглашение, которое содержит в себе создание отдельной территории инуитов в центральной и восточной Арктике через разделение Северо-Западных территорий путем референдума
1992	Жители Северо-Западных территорий соглашаются на разделение территории на две части
1992	Федерация Тунгавик Нунавута и федеральное правительство подписывают политическое соглашение по Нунавуту
1992	Инуиты Нунавута ратифицируют договор по земельным требованиям
1993	Федеральный парламент утверждает договор по земельным требованиям Нунавута и Акт о Нунавуте
1993	На смену Федерации Тунгавик Нунавута приходит Нунавут Тунгавик Инк
1997	Создан специальный офис комиссара для помощи по созданию Нунавута
1999	Жители Нунавута избирают членов Законодательной Ассамблеи и премьер-министра Пола Окалика
1999	Сформировано правительство, которое начинает свою деятельность

Вместе с тем политическое движение коренных народов Севера Канады остается под контролем и регулированием федерального правительства.

Нунавут, несмотря на получение статуса территории, является наиболее отсталой среди всех территорий по уровню социально-экономического развития. Отсутствие собственного производства, за исключением некоторых традиционных видов хозяй-

ствования, неразвитость северного туризма, невысокий уровень профессиональной подготовки аборигенов, который не позволяет им участвовать в реализации проектов в горнодобывающей отрасли, обуславливают зависимость Нунавута от Оттавы. Если территория Юкон в 2003 г. получила право на распоряжение собственными природными ресурсами, то в Нунавуте об этом приходится только мечтать. В течение так называемого переходного периода, когда шел процесс формирования территориальной системы управления, в Нунавуте фактически распоряжалась федеральная власть. Несмотря на этнический, аборигенный состав правительства, собственно инуиты занимают в основном позиции среднего и низшего звена менеджмента. Такая ситуация приводится в таблице 3.

Таблица 3

Инуиты в системе правительства Нунавут, 1999–2005 гг.

Позиции	Июнь 1999		Июнь 2001		Июнь 2003		Июнь 2005	
	Инуиты	Не инуиты	Инуиты	Не инуиты	Инуиты	Не инуиты	Инуиты	Не инуиты
Исполнители-служащие	61	39	48	52	50	50	47	53
Старшие менеджеры	22	78	20	80	18	82	25	75
Менеджеры среднего звена	24	76	19	81	19	81	23	77
Технические работники, администраторы	64	36	78	22	81	19	86	24

Желание лидеров инуитов сделать инуктитут доминирующим государственным языком, наряду с английским и французским, в свое время наталкивалось на жесткое противодействие федерального центра. Даже демократическая пресса Канады, в частности газета National Post, выпустила ряд материалов, изобличающих «сепаратизм» инуитов, как, например, статья «Они (инуиты) хотят сделать инуктитут доминирующим языком, как французский в Квебеке» [5].

Действительно, до 90 % доходов Нунавута формируются за счет межбюджетных трансфертов из Оттавы. В Нунавуте нет ни диверсифицированной экономики, ни развитого собственного производства. Такая финансовая и экономическая зависимость не позволяет инуитам делать шаги в сторону большего суверенитета или более широкой автономии. Для сравнения: Северо-Западные территории, развивая собственные производства, значительно продвинулись в сторону расширения своей налогооблагаемой базы, резко снизив зависимость от «финансовой иглы» Оттавы. Однако и Юкон, и Северо-Западные территории пока не сумели обрести широкие полномочия канадских провинций.

Также следует отметить, что Оттава в ходе переговоров по земельным вопросам достаточно успешно отстаивает свои интересы. Например, в 80-х гг. прошлого сто-

летия первые нации (зарегистрированные индейцы) в Юконе предъявляли права на все земли этой территории, но в итоге получили в собственность только 41440 кв. км – 8,6 всей земли Юкона.

Как продолжение политической борьбы коренных народов, в ближайшем будущем между правительством Квебека и общинами инуитов в Нунавике будет подписано соглашение о создании этнической административно-территориальной единицы в составе провинции Квебек с общественным правительством. Принципиальная договоренность об этом была достигнута сторонами 31 августа 2006 г. Перекладывая ответственность на провинцию за социально-экономическое развитие инуитов, основываясь на реализации комплексного земельного договора Джеймс Бей – Северный Квебек, федеральное правительство оставляет за собой право на дальнейшую реализацию мегапроекта на севере Квебека.

Большая роль в создании собственных видов производства отводится корпорациям аборигенов, которые действуют по принципу «дуализма», обеспечивая сохранение традиционных видов хозяйствования и вместе с тем активно участвуя в разработке месторождений природных ресурсов на севере Канады.

С одной стороны, корпорации коренных народов преследуют благую цель, создавая рабочие места для аборигенов, с другой стороны, действуют в рамках реализации государственной политики на Севере, привлекая представителей коренных малочисленных народов к проектам глобальной экономики, когда для нужд мировых рынков добываются ресурсы в уникальной экосистеме – Арктике и северных территориях Канады.

Есть примеры успешной деятельности этнических корпораций. Как, например, Региональная Корпорация инувалуитов, известная как успешная инвестиционная компания по поддержке различных видов бизнес-деятельности. Эта корпорация является держателем пакетов акций в таких сферах как транспорт, нефтяная промышленность, строительство, северные услуги, природоохранная деятельность, недвижимость, туризм. Если в 1977 г. первоначальные инвестиции составили 10 млн долларов, то уже через 10 лет инвестиции выросли до 135 млн долларов. В 2005 г. корпорация задекларировала свои доходы в размере свыше 187 млн долларов.

Другая корпорация аборигенов – Китсаки менеджмент партнершип – начинала свою деятельность пассивно, но к 31 марта 2006 г. общие доходы компании превысили 70 млн долларов.

Очевидно, что изменение политической и экономической карты Севера обусловлено действием собственных правительств коренных народов и созданием региональных бизнес-предприятий, а также с появлением нового поколения успешных менеджеров из числа аборигенов.

С помощью комплексных договоров по земельным требованиям, договоров по защите окружающей среды и традиционных видов хозяйствования и культуры аборигенов, действия этнических корпораций коренные народы находят свое место в северной экономике. Такие корпорации, как Макивик Корпорейшн и Региональная корпорация инувалуитов превратились во влиятельные экономические силы. Так,

строительное подразделение Макивика успешно осуществляет жилищное строительство в общинах Нунавика.

Таким образом, привлечение коренных народов к реализации мегапроектов через участие в корпорациях аборигенов стало не только позитивным фактором для социально-экономического развития аборигенов, но и способом плавного «вхождения» аборигенов в канадское западное сообщество, одним из средств для динамичного освоения Севера и, что особенно важно, Арктики.

Освоение Севера, защита суверенитета Канады в Арктике стало одним из главных направлений «Северной стратегии: наш Север, наше наследие, наше будущее», которая была обнародована в 2009 г. Профессор Роберт Боун упоминает о новой стратегии Канады в своей последней книге – «География канадского Севера: вопросы и вызовы» от 2009 г. Данный труд вообще содержит контуры будущей политики Оттавы в отношении Севера, которые не были отмечены в предыдущих книгах Роберта Боуна. Профессор отмечает, что на будущее северной политики окажут решающее значение два новых фактора, или вызова: продвижение глобального потепления и истощение невозобновляемых ресурсов в субарктической зоне, усиленное высокими ценами на газ и нефть [5].

Глобальное потепление, уменьшая толщину вечной мерзлоты, не только сильно влияет на мировой энергетический баланс и запасы невозобновляемых ресурсов, но и сокращает прибрежную зону арктического региона Канады, как это произошло, например, в сентябре 2007 г. Тем самым усиливается проблема Северо-Западного пролива, который, как считает Оттава, является исконно канадским. Ряд других стран, включая США, настаивают на придании международного статуса проливу, который имеет стратегическое значение. При глобальном потеплении пролив расширяется, значительно увеличивая свою пропускную способность. Все это, безусловно, не может не вызвать беспокойство руководства Канады. Также таяние льдов и уменьшение прибрежной зоны наносят угрозу запасам природных ресурсов Канады, расположенных по шельфу.

Сокращение материковой части также наносит ущерб и традиционным местам охоты инуитов, негативно влияя, соответственно, на культуру эскимосов. В этой связи федеральное правительство предпринимает шаги для того, чтобы привлечь инуитов для защиты суверенитета Канады в Арктике. Согласно Северной стратегии, Оттава будет усиливать вооруженное присутствие в арктической зоне. Так, объявлено о строительстве на берегу Северо-Западного прохода в местечке Ресолют-Бэй (595 км от Северного полюса) военного тренировочного центра. Для усиления возможностей службы береговой охраны запланировано строительство глубоководного причала (населенный пункт Нанисивик), нового ледокола «Дифенбейкер» и трех патрульных кораблей, способных действовать в ледовой обстановке. Для мониторинга арктических пространств будет использоваться новейший канадский космический спутник типа РАДАРСАТ-II, а также возможности совместной канадско-американской системы НОРАД и разведывательной станции перехвата сигналов в местечке Элерт (о. Элсмир, Канадский арктический архипелаг). Намечены программы по модернизации и увеличению подразделений канадских рейнджеров к 2012 г.

до 5 тыс. чел. Они набираются в основном из инуитов и должны вести наблюдение и проводить поисково-спасательные операции в арктических условиях. Предполагаемое строительство глубоководного причала в Икалуите будет не только преследовать военные цели, он также должен сыграть и значительную роль в развитии рыболовства – традиционного вида занятия эскимосов [6].

Таким образом, можно отметить то, что интересы коренного населения в Арктике, в основном, инуитов, и стратегические цели федерального правительства по защите суверенитета Канады в арктической зоне во многом совпадают. Не случайно в Стратегии федеральное правительство выражает признание народам Крайнего Севера (инуитам) за то, что они, проживая в экстремальных условиях, обеспечивают суверенитет Канады в Арктике [7].

Профессор Роберт Боун в трех трудах, указанных в начале данной статьи, подчеркивает одну ключевую мысль – роль коренных малочисленных народов в социально-экономическом развитии всей страны кардинально возросла, и федеральное правительство не только начинает взаимодействовать с ними как равноценными партнерами, но и признает их стратегическую роль в обеспечении суверенитета Канады в Арктике. При этом федеральный центр во взаимодействии с аборигенами последовательно отстаивает свои позиции, а также интересы транснациональных корпораций, действующих в добывающей отрасли.

При этом социальные проблемы коренных народов решаются медленно. Это и незанятость местного населения, их сложная адаптация к работе в корпорациях, новым местностям, вдали от районов традиционного проживания. Также обнажаются и другие проблемы: невысокий уровень подготовленности и образованности аборигенов, не позволяющий развить собственные производства и перерабатывающую промышленность, управлять социально-экономическими процессами, даже несмотря на наличие аборигенных правительств.

С развитием ресурсной промышленности на Севере количество постоянных рабочих мест остается ограниченным. Одна из главных причин такой ситуации – экспорт минералов и энергетических продуктов в другие, южные районы страны для последующей переработки, что не приносит должного социального эффекта от реализации мега-проектов на севере страны.

Другим важным выводом в трудах Роберта Боуна является то, что борьба коренных народов за свои права вышла за рамки только экономических, земельных и природоохранных требований. Сегодня общественные организации аборигенов все чаще не только предъявляют политические требования федеральному центру, но и начинают реализовывать их. Примерами этому являются образование новой территории Нунавут, достижение принципиальной договоренности о создании Нунавика.

Итак, рассмотрение основных стратегических направлений политики Канады по развитию северных территорий, приведенных в трудах профессора Роберта Боуна, дает возможность анализа государственной политики, проводимой в Российской Федерации по отношению к северным районам страны. Следует отметить, что оба государства имеют стратегические подходы, которые с различной степенью успешности реализуются в странах. И в Российской Федерации, и в Канаде стратегические

видения схожи – достижение устойчивого роста экономики, повышение уровня жизни на северных территориях, решение социальных проблем населения районов Севера, особенно коренных малочисленных народов. Обе страны реализуют официальные стратегические документы. В Российской Федерации это, в первую очередь, Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера от 7 марта 2000 г., Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации от 4 февраля 2009 г., Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу, утвержденные Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № Пр-1969.

В Канаде основные направления государственной политики содержатся, прежде всего, в уже упоминавшейся «Северной стратегии: наш Север, наше наследие, наше будущее», которая была обнародована в 2009 г.

Вместе с тем, на наш взгляд, в стратегиях стран существуют и очевидные различия. Во-первых, если в Канаде население Севера, и особенно коренные малочисленные народы, считается гарантом суверенитета этой страны на Севере и в арктическом регионе, и на этом строится государственная политика, то в Российской Федерации стратегические подходы основаны по патерналистскому принципу, то есть на односторонней поддержке регионов Севера, в которых должны быть обеспечены условия для достойного проживания северных народов. Так, целью Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера является формирование внутренних факторов экономического развития северных территорий, обладающих необходимым природно-ресурсным потенциалом, и активное поощрение поиска новых возможностей экономического развития дотационными субъектами Российской Федерации [8]. А целью Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока является создание в Российской Федерации условий для формирования устойчивого развития малочисленных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов [9]. В Канаде же цель Северной Стратегии – добиться того, чтобы северяне стали хозяевами своих судеб, жили в безопасности, комфортных условиях, самостоятельно решали социальные проблемы на основе помощи, оказываемой федеральным правительством.

Во-вторых, если Россия в стратегических документах подчеркивает свою роль в качестве государства, односторонние усилия которого направлены на решение проблем коренных народов Севера через реализацию социальных программ, то в Канаде федеральный центр рассматривает коренные народы как равноправного партнера и привлекает их к совместному решению социальных проблем.

Стоит отметить, что коренные народы добивались равноправия в течение длительного периода, и оно соблюдается далеко не всегда. И все же очевидным фактом является то, что коренные народы активно участвуют в реализации мегапроектов в добывающей отрасли. При этом обращают внимание условия, по которым идет реализация проектов в добывающей отрасли. Так, корпорации не могут начать освоение

месторождений без согласования с аборигенами, а также без непосредственного участия представителей коренных народов и в распределении доходов, и в планировании и разработки промышленных проектов не реализуется ни один мегапроект.

В-третьих, если федеральное правительство Канады поддерживает создание корпораций, которые, находясь под контролем организаций коренных народов, активно участвуют в реализации проектов в добывающей отрасли, то в России создают условия для того, чтобы коренные народы Севера продолжали заниматься традиционными видами хозяйства и природопользования с учетом рыночных условий. Согласно Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, необходимо создать условия для формирования развития коренных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов.

Отдельно стоит отметить о договорах по земельным отношениям между общинами коренных народов и федеральным правительством и правительствами регионов в Канаде. Договора, помимо удовлетворения чисто экономических требований аборигенов, являются выразителем политических стремлений коренных народов в борьбе за свое самоопределение. В результате внедрения договоров аборигены получали не только земли в собственность и многие другие блага, но и создавали новые территориально-административные единицы с аборигенными правительствами. В этом состоит ключевое различие от политики по развитию коренных малочисленных народов Севера в Российской Федерации.

Так, согласно Земельному кодексу РФ, территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера не закрепляются им в постоянное безвозмездное пользование, а выставляются для продажи на аукционы [10]. Естественно, у общин отсутствуют средства для выкупа земельных участков, и территории традиционного природопользования, как правило, переходят в собственность сторонним организациям, в том числе и транснациональным корпорациям.

Север, в основном, по-прежнему мыслится как сырьевая база и финансовый источник развития РФ вне стратегии обживания и развития самого Севера как уникальной территории России. Даже Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу, утвержденные президентом Российской Федерации еще 18 сентября 2008 г., имеющие такие главные цели, как расширение ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья; а также защиту и охрану государственной границы Российской Федерации, пролегающей в Арктической зоне Российской Федерации, не реализуется правительством России. На сайте федерального министерства регионального развития в течение долгого периода времени был размещен приказ о создании рабочей группы по разработке проекта государственной программы «Экономическое и социальное развитие Арктической зоны Российской Федерации на 2011-2020 гг.», который вышел еще 5 августа 2010 г. Но результатов этой работы не видно и поныне [11].

Если в Канаде уже третий год идет реализация мер по реализации Северной Стратегии, основная цель которого – комплексное развитие канадских территорий и народов Севера, то в России решение проблемы Севера находится на начальном этапе, а именно на стадии концептуального осознания того, что северные районы необходимо развивать для устойчивого роста всей страны.

И все же можно отметить, что последние инициативы организаций коренных малочисленных народов в Хабаровском крае и на Сахалине, поддержанные региональными правительствами, а именно в части закрепления за коренными народами территорий традиционного природопользования и хозяйствования, обеспечения участия аборигенов в деятельности крупнейших корпораций, осваивающих нефтяные и газовые месторождения, можно отметить, что и в Российской Федерации постепенно приступают к реализации концептуального понимания того, что северные районы необходимо развивать не в качестве сырьевой базы страны, а как уникального региона, от которого зависит благополучие страны и который обеспечивает суверенитет государства на Севере, Арктике и Дальнем Востоке.

Литература

1. Боун, Р.М. География Канадского Севера / Р.М. Боун. – Oxford University Press, 1992. – 218 с.
2. Правительство территории Нунавут [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. – URL: <http://www.gov.nu.ca> (дата обращения: 28.08.2013).
3. Руководство по Нунавуту. – Икалуит : Nortext Multimedia Inc., 1998. – 102 с.
4. Боун, Р.М. Региональная география Канады / Р.М. Боун. – Oxford University Press, 2000. – 507 с.
5. Боун, Р.М. География канадского Севера: вопросы и вызовы / Р.М. Боун. – Oxford University Press, 2009. – 352 с.
6. Проблема канадоведения в российских и зарубежных исследованиях : сборник статей. – Вып. 4. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – 216 с.
7. Правительство Канады [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. – URL: <http://www.canada.gc.ca> (дата обращения: 01.09.2013).
8. Гарант [Электронный ресурс] : [Информационно-правовой портал]. – URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 27.08.2013).
9. Подкомитет по делам Севера и малочисленных народов Комитета Совета Федерации Российской Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. – URL: <http://www.severcom.ru/law/item28-1.html> (дата обращения: 02.09.2013).
10. Портал правовой информации [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2013).
11. Министерство регионального развития Российской Федерации [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. – URL: <http://www.minregion.ru> (дата обращения: 09.09.2013).

УДК 37(=1.71-81)

Вера СОЛОВЬЕВА

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАНАДЫ

PROBLEMS OF EDUCATIONAL SYSTEM OF INDIGENOUS PEOPLES OF CANADA

Статья подготовлена в рамках проекта СВФУ «Форсайт-исследование будущего народов Республики Саха (Якутия) на период до 2050 г.»

В статье рассмотрены проблемы образовательной системы коренных людей Канады и надежды, связанные с ее перестройкой. Проанализированы причины, приведшие к сложившейся катастрофической ситуации, при которой 51 % аборигенных студентов бросают школу, ее не заканчивая, а также почему многие из коренных народов, даже проживающие в резервациях, не помнят и не знают свою культуру и/или язык.

Ключевые слова: коренные народы Канады, система образования, традиционное знание, колониализм, постколониализм.

This article reviews the problems of the educational system of indigenous people of Canada and expectations related to its restructuring. Analyzed the causes that led to the current disastrous situation in which 51 % of Aboriginal students drop out of school without completing it, and why many of the indigenous peoples, even living on reserves do not remember and do not know their culture and/or language.

Keywords: Indigenous peoples of Canada, the education system, traditional knowledge, colonialism, post-colonialism.

По статистическим данным 2006 г., в Канаде насчитывалось 623 780 зарегистрированных индейцев (из 1 172 785 аборигенных людей). 48,1 % зарегистрированных индейцев Канады проживают в резервациях (из доклада Правительства Канады «Демографический и социоэкономический портрет коренных народов Канады», 2009, с. 9, 11). Однако многие из них, даже проживающие в резервациях, не помнят и не знают свою культуру и / или их язык и слабо осознают свою принадлежность к коренным людям (Kirkness, 1999, с. 4; Ball, 2004). Jessica Ball (2004, с. 455) объясняет сложившуюся ситуацию результатом многолетней практики помещения детей аборигенных народов Канады в школы-интернаты, а также других действий, проводимых якобы в «интересах» коренных народов Канады.

Несмотря на то, что время принудительного перемещения детей в школы-интернаты уже закончилась (последние из них закрылись в 1996 г.), негативные ее послед-

ствия в виде разрушения семейного уклада и механизма преемственности, разрыва связей между поколениями, незнания родного языка, потери интереса к своим национальным обычаям и др. повсеместно распространены до сих пор (Ball, 2004, с. 455). И только недавно, с принятием в 1973 г. закона «Образование индейцев под управлением индейцев», когда коренные народы начали вовлекаться в процесс образования (как, например, составление учебных планов), ситуация с образованием аборигенных народов Канады немного улучшилась. Это можно судить по тому, что улучшилась посещаемость школьников, повысилась успеваемость, начали вводиться обучающие программы для взрослых, началось обучение родному языку и другое (Kirkness, 1999, с. 13). А также по тому, что в 2006 г. среди коренных народов Канады у поколения возрастом 25-44 лет, количество людей, имеющих по меньшей мере диплом высшей школы, составляло 68,1 % по сравнению с 37,4 % из поколения с возрастом 65-74 года (из доклада Правительства Канады «Демографический и социально-экономический портрет коренных народов Канады», 2009, с. 12).

Но несмотря на это видимое улучшение, до сих пор имеются очень большие проблемы практически на каждом уровне системы образования коренных народов Канады. По выкладкам Robert Laboucane (2010), в настоящее время в резервациях Канады имеются 518 государственных школ, но 51 % аборигенных студентов бросают школу, ее не заканчивая. В школах резерваций нет достаточно средств для школьных библиотек и для достойных зарплат учителям, нет средств для проведения спортивных соревнований и активного отдыха учащихся. Эти школы не помогают выработать в детях аборигенных народов Канады положительного самовосприятия, а школьные программы практически не предусматривают раскрытие правдивой истории, культурного и языкового многообразия коренных народов Канады и их вклада в развитие страны. Более того, преобладающая часть выборки учителей не смогла дать ответы на большинство вопросов опросника из 20 простых вопросов на тему терминологии, культуры, географии и истории коренных народов Канады (Laboucane, 2010).

Таким образом, вопрос улучшения качества образования аборигенного населения Канады назрел давно и, как многие признают, требует безотлагательных решений. В связи с этим Правительство Канады и Ассамблея Первых Людей Канады пришли к соглашению о выработке к 2014 г. плана улучшения качества образования для коренных людей Канады «Ottawa's plan to create a First Nations Education Act by 2014», в котором предусматривались серьезные денежные вливания, исчисляемые в миллионах долларов, в школьную систему образования и постройку школьных инфраструктур в резервациях Канады, для того чтобы поднять образование аборигенных народов Канады на качественно новую ступень и помочь детям стать более конкурентоспособными в современном мире. Первые финансовые средства предполагалось выделить весной 2013 г. (Ottawa's plan to create a First Nations Education Act by 2014, 2012). Однако, когда правительство предложило первоначальный проект в октябре 2012 г., лидеры аборигенных народов Канады неожиданно отказались принять этот план (cbc; news Canada).

Диалог между правительством и коренными народами зашел в тупик.

Почему?

По информации, данной в средствах массовой информации (cbc; news Canada), проблема заключается в том, что предварительное обсуждение плана по улучшению образования в резервациях правительство Канады проводило за закрытыми дверями и без соответствующих консультаций с лидерами и главами аборигенных народов Канады, тем самым проигнорировав желания и права коренных народов Канады. Лидеры коренных народов также утверждают, что Оттава не готова к глубокому диалогу с представителями аборигенных народов Канады по поводу нового законодательства в сфере образования и намеревается вести с ними только поверхностные переговоры. Другими словами, государство в лице правительства Канады и лидеры аборигенных народов Канады имеют различные мнения в вопросе улучшения ситуации в школах резерваций (cbc; news Canada). Для того чтобы разобраться в глубине этого расхождения, необходимо первоначально разобраться в истории развития системы образования коренных народов Канады.

Как описывают многие специалисты в области образования коренных народов Канады, включая Verna J. Kirkness (1999), историю образования аборигенных народов Канады можно разбить на несколько этапов:

1. Доколониальное образование.
2. Образование в период колонизации.
3. Постколониальное образование.

Доколониальное образование

До колонизации предки коренных народов Канады имели свою собственную форму обучения, где окружающая среда была классной комнатой, а члены общины были учителями, и каждый взрослый был ответственен за то, чтобы дети учились правильной жизни. Центральной фигурой образования была вера в великого Духа. Развитие и становление взрослого человека часто шло через рассказы и сказания о великих людях, через которые дети учились быть честными, смелыми, добрыми и уважительными. Традиционное образование было связано также с выживанием семьи и племени. Обучение было направлено на знания, необходимые для ежедневного выживания. С ранних лет мальчики и девочки обучались наблюдению, бережному использованию ресурсов и уважительному отношению к природе. Ценились и передавались от поколения к поколению такие качества, как независимость и уверенность в своих силах. Через наблюдения и непосредственное участие дети учились искусству охоты, рыболовства, сбору еды, уходу за детьми и строительству. Они учились всему, что им предлагала окружающая среда путем непосредственного участия.

Практиковались также и обряды, сопровождавшие этапы взросления, иногда очень сложные официальные церемонии. Это было важное время для мальчиков и девочек, которые переходили из стадии детства во взрослую жизнь. Обучение было естественным процессом, которое осуществлялось с помощью ежедневных действий и упражнений. Однако формальное образование, принесенное и внедренное колонизаторами, безжалостно все это разрушило (Kirkness, 1999, с. 1-2).

Образование в период колонизации

Лидеры коренных народов, активисты и ученые часто называют канадскую систему индейских школ-интернатов, функционировавшую с 1879 по 1996 г., как колониальный проект, призванный помочь белому населению осесть на землях коренных народов (Chrisjohn, R. et al, 2001; Thielen-Wilson, 2012, с. 2). Вначале, когда европейцы находились в зависимости от того или иного аборигенного племени, помогающих им добыть еду и кров и помогающие им советами, взаимодействие коренных народов Канады и вновь прибывших европейцев было кооперативным (Vick-Westgate, 2002, с. 29-31; Batiste, 2004, с. 4). Со временем, после того, как европейцы обосновались на канадской земле более уверенно, они установили свои традиции и ценности и начали подчинять себе других людей (Batiste, 2004, с. 4).

Batiste (2004) описывает, что примерно в это время лидеры аборигенных народов Канады, осознав необходимость приобретения дополнительных знаний для гармонизации отношений с европейцами, договорились с правительством Канады о постройке школ в резервациях, однако, считая при этом, что образование детей должно в первую очередь исходить от их родителей. Они не были согласны отправлять детей в школы, расположенные вне их общин. Первоначально школьное обучение велось на языке коренных народов и практиковало обмен локальных знаний на европейские, но со временем дух сотрудничества исчез, и учебные заведения превратились в школы-интернаты репрессивного типа, негативно показывающие культуру коренных народов Канады и их историю, и одновременно восславляющие европейскую. В результате такого подхода была разрушена не только связь детей с самими собой, с семьями и общинами, но также была разрушена связь с их землей и с окружающей средой. И последствия такого пагубного подхода ощущаются повсеместно до сих пор и будут ощущаться еще в течение многих лет (Batiste, 2004, с. 4 -5).

Chrisjohn (2001) отмечает, что вопреки первоначальным обязательствам правительства о постройке школ в резервациях и провинциях, которые были бы полезны в первую очередь самим общинам и не способствовали бы ассимиляции, оно мало обращало внимания на качество образования и на свои же обещания. Так, в начале оно передоверило обучение детей коренных народов церкви, затем передало право администрирования Первым Нациям. Период обучения детей коренных народов представителями церкви, осуществляющееся вплоть до 1986 г., скорее был процессом «ассимиляции», чем процессом «обучения», в ходе которого основные усилия преподавателей были направлены на подавление культурной самоидентификации детей, их принадлежности к коренному населению Канады. Потерянные дети легче поддаются вредным привычкам, о чем свидетельствуют и непомерно высокие статистические данные по сравнению со среднестатистическими показателями по стране: по суициду, сексуальным преступлениям, более высокий уровень заболевания СПИДом, юношеским преступлениям, детской смертности и другим показателям (Chrisjohn, R. et al, 2001, с. 1-2). После принятия в 1973 г. акта «О передаче права управления школьного образования администрации коренных народов» (Indian control of Indian education, 1973) было проведено достаточно много работы и

вложено достаточно много денег в школьную систему аборигенных народов. Однако сама программа обучения, основанная на негативных стереотипах культуры коренных народов, к сожалению, практически не изменилась. Учащиеся в школах учатся читать, писать и считать, но их мнение о том, какое именно знание они хотели бы получить – игнорируется, потому что это решается не ими, это решается другими. Поэтому не удивительно, что процесс получения знаний в современных школах Канады зачастую служит процессу маргинализации детей коренных народов. Современные программы обучения не включают изучение традиционного знания, и путей его познания. Учителя, заинтересованные в изучении и пропагандировании традиционного знания часто работают в изоляции и в атмосфере непонимания со стороны окружающих, поскольку они не вписываются в существующие европеизированные стандарты обучающих программ (Batiste, 2004, с. 13-15).

Таким образом, как указывают литературные источники, ситуацию с формальным образованием аборигенных народов Канады можно описать как исторически неэффективную, несмотря на то, что оно было доступно коренным народам в той или иной форме в течение более чем 300 лет (Kirkness, 1999, с. 27; Batiste, 2004, с. 5-9).

Постколониальное образование

В 1998 г. Правительство Канады приняло и озвучило «Gathering Strength – Canada's Aboriginal Action Plan», призванный обновить партнерство с коренными народами Канады путем признаний и извинений за ошибки и несправедливость, допущенные по отношению к первым людям Канады, чтобы примириться, исцелить и восстановить отношения, а также заняться строительством совместных планов на будущее («Gathering Strength – Canada's Aboriginal Action Plan», 1998). И этим самым дав коренным народам Канады надежду на создание совершенно новой системы образования (постколониального образования).

Интересно, что «постколониальное образование» некоторые авторы связывают не с собственно постколониальным временем, а, скорее, с надеждой и идеей некой стратегии, которая отличалась бы от колониального и империалистического образования, которая еще не достигнута, но желаемая (Batiste, 2004, с. 1). Здесь, как считает Batiste (2004), речь идет о переосмыслении концептуальных, культурных, законодательных, структурных и других границ, которые достались коренным народам Канады как наследство колониального прошлого, и которые до сих пор воспринимаются как должное и нечто незыблемое для всех. Постколониализм – это не только критика и разрушение колониальных и доминантных схем, но это также реконструкция и трансформация, оперирующая как форма освобождения от колониального гнета. Задача новой системы образования заключается в том, чтобы научить детей не только академическим знаниям, но и духовным; дать ощущение их неразрывной связи с природой; помочь детям понять самих себя, их место в мире и в то же время понять и принять существующее разнообразие и различие как особенность современного мирового сообщества; (Batiste, 2004, с. 2-15). И, как утверждает Ball (2004), оно должно быть направлено на укрепление культуры аборигенных народов

Канады, на правдивое освещение истории: что было и как обстоят дела сейчас. Для создания радикально другой системы образования Ball (2004, с. 456–466) предлагает основные шаги в создании новой постколониальной системы образования, в число которых входят следующие:

- определить, какие ценности важны для коренных народов в первую очередь, что должны учить и каким образом;
- дать возможность пожилым членам общины активно участвовать на уроках, чтобы передать им свои знания, взгляды и представления о жизни;
- новое направление должно твердо базироваться на традициях аборигенных народов Канады и в то же время должно давать качественное современное образование, позволяющее успешно конкурировать им во «внешнем» мире («walk in both worlds»).

Пилотный проект, приведший к Программе Сотрудничества Первых Наций, начатый по инициативе Meadow Lake Tribal Council в провинции Саскачеван (Канада), был начат в 1989 г. и стал отправной точкой инновационного подхода к дошкольному образованию, вовлекшему в процесс обучения и пожилых членов общин коренных народов Канады. Это имело немедленный положительный эффект не только по результатам процесса воспитания, наращиванию потенциала общин, но и возрождению культурных и социальных структур (Pence and Ball, 2011, с. 10).

Создание такой системы образования, интегрирующей знание общин и современную науку, важно потому, что традиционное знание коренных народов все более и более часто признается на самых высоких уровнях как фундамент устойчивого развития человеческого общества, поскольку коренные народы имели духовную связь с окружающей средой и знали, как жить устойчиво, в гармонии с природой.

Литература

1. Canada (1998). Gathering strength: Canada's Aboriginal action plan: a progress report, year one. Ottawa: Minister of Indian Affairs and Northern Development. URL: <http://www.ahf.ca/downloads/gathering-strength.pdf> (accessed: 06.11.2013).

2. Chrisjohn, R., Loiselle, P., Nussey, L., Smith, A., & Sullivan, T. (2001). Darkness visible: Canada's war against Indigenous children. Peacemedia Special Report Spring. Available website (Chrisjohn education site). URL: http://www.nativestudies.org/native_pdf/darknessvisible.pdf (accessed: 06.11.2013).

3. www.cbc.com <http://www.cbc.ca/thecurrent/episode/2012/10/31/improving-aboriginal-education/>

4. A Demographic and Socio-Economic Portrait of Aboriginal Populations in Canada. Published under the authority of the Minister of Indian Affairs and Northern Development and Federal Interlocutor for Métis and Non-Status Indians Ottawa, 2009. © Minister of Public Works and Government Services Canada.. URL: http://publications.gc.ca/collections/collection_2010/ainc-inac/R3-109-2009-eng.pdf (accessed: 06.11.2013).

5. Ball, J. (2004). As if Indigenous Knowledge and Communities Mattered: Transformative Education in First Nations Communities in Canada. *The American Indian Quarterly* 28(3), 454-479. University of Nebraska Press. Retrieved November 6, 2013, from Project MUSE database.
6. Indian Control of Indian Education, Policy Paper, 1973. URL: <http://64.26.129.156/calltoaction/Documents/ICOIE.pdf> (accessed: 06.11.2013).
7. Leslie Thielen-Wilson (2012) *White terror, Canada's Indian residential schools and the colonial present: from law towards a pedagogy of recognition*. Department of Sociology and Equity Studies in Education University of Toronto. URL: https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/32328/1/Thielen-Wilson_Leslie_201203_PhD_thesis.pdf (accessed: 06.11.2013).
8. Marie Battiste, Professor University of Saskatchewan CSSE Plenary Address May 29, 2004 Manitoba, MB «Animating Sites of Postcolonial Education: Indigenous Knowledge and the Humanities» URL: http://www.usask.ca/education/people/battistem/pdf/csse_battiste.pdf (accessed: 06.11.2013).
9. News Canada. URL: <http://news.ca.msn.com/canada/cp-article.aspx?cp-documentid=254044900> (accessed: 06.11.2013).
10. Ottawa's plan to create a First Nations Education Act by 2014. URL: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1349181459617/1349181525055> (accessed: 06.11.2013).
11. Pence, A, Ball, J. Supporting indiegnous children's development: Community –University Partnership. UBC Press, Jan.1 – 152 p.
12. Robert Laboucane, Canada's Aboriginal education crisis [Column] Volume: 28; Issue: 7; Year: 2010. URL: <http://www.ammsa.com/publications/windspeaker/canada's-aboriginal-education-crisis-column> (accessed: 06.11.2013).
13. Verna, J. Kirkness, Aboriginal Education in Canada: A Retrospective and a Prospective. Volume 39 Number 1 Fall 1999 Special Issue 2.
14. Vick-Westgate, A. (2002). *Nunavik: Inuit controlled education in Arctic Quebec*. Calgary: University of Calgary Press.

ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

УДК 811.163.1'276(571.56)

Татьяна БЕРДНИКОВА

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ

ON PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF MODERN RUSSIAN DIALECTS IN THE NORTH-EAST OF RUSSIA

В статье рассматриваются исторические условия формирования старожильческих русских говоров на территории Якутии и их бытование в современных условиях. Особое внимание автор обращает на то, что диалекты литературного языка – это не только факты языка, прошлого и настоящего, но и ценнейшее культурное достояние нации. Проводимая языковая политика в области сохранения народных говоров осуществляется в недостаточной мере. Приводятся примеры применения специальных мер по поддержке территориальных диалектов в некоторых зарубежных странах.

Ключевые слова: русский язык, литературный язык, территориальные диалекты, старожильческие говоры, языковая политика.

This article explores the historical conditions of formation of old- Russian negotiations on the territory of Yakutia and their existence in the modern world. He paid special attention to the fact that the literary dialects of the language – it's not just the facts of language, past and present, but also the most valuable cultural heritage of the nation. The ongoing language policy in the field of conservation folk dialects is not sufficiently . Examples of application of special measures for the support of regional dialects in some foreign countries.

Keywords: Russian language; literary language; territorial dialects; long-time residents dialects; language policy.

Русский язык на разных своих территориях представлен устойчивыми разновидностями – говорами, или диалектами. Удивительно, но факт: любой русскоговорящий от Калининграда до Камчатки адекватно понимает другого русскоговорящего, чего нельзя сказать о говорящих на одном национальном языке, например, в Германии или во Франции. В качестве языка межнационального или международного общения в настоящий исторический период в Российской Федерации выбран законодательно принятый в качестве государственного внетерриториальный литератур-

ный язык. Однако так было не всегда. Достаточно вспомнить средневековые Псков и Новгород, которые имели активные зарубежные контакты, используя в качестве общения свои диалекты.

Как отмечают известные исследователи народной речи О. Крючкова и В. Гольдин, «русские народные говоры – это не только территориальные варианты русского национального языка, составляющие его собственно лингвистическое богатство и многообразие, но и ценнейшее культурное достояние России». Так как русское языковое пространство формируется совокупностью территориальных языковых пространств, то и русское культурное пространство сформировано совокупностью территориальных культурных пространств. Поэтому, делают вывод ученые, уделяя внимание изучению только лишь литературного языка, мы тем самым обедняем не только национальный язык, но и национальную культуру. Язык как бы является организующим стержнем культуры, которая, являясь информационной системой, использует язык для хранения и трансляции информации.

На территории Республики Саха (Якутия) функционируют территориальные диалекты русского языка, которые, согласно типологии М.Ф. Дружининой, можно разделить на 2 зоны: 1) приленскую (населенные пункты Ленского, Олекминского, Хангаласского районов, частично Амгинского, город Якутск) и 2) колымо-индигирскую (арктическая зона и селения Усть-Янского района). Обе группы представляют собой говоры вторичного образования, они разнородны по своему происхождению, что связано с особенностями освоения русскими Северо-Востока.

Исследователи отмечают, что говоры арктической зоны менее подвержены влияниям извне, нежели говоры приленской зоны. Оказавшись на Крайнем Северо-Востоке Азии, говорящие не испытывали влияния литературного языка и вынуждены были пользоваться тем запасом лексики, который они перенесли вместе с собой. В их речи можно заметить довольно заметное влияние языков малочисленных коренных народов Севера, прежде всего в лексике, имеется также ряд черт, не свойственных русскому языку в области фонетики и грамматики. Всех переселенцев отличало большое пристрастие к старине и традициям дедов, а оторванность от «большого мира», обособленная жизнь среди узкого и ограниченного круга людей вынуждало сохранять старорусский язык и культуру своих предков.

Среди говоров этой зоны выделяют 2 локальные субэтнические группы русскоустыинцев и походчан, которые, в свою очередь, являются носителями русскоустыинского, нижеиндигирского говора и походского говора (по названиям мест компактного проживания старожильческого населения – поселок Русское Устье в устье реки Индигирки и г. Походск). Эти группы появились в результате длительного – почти 4 века – и сложного смешения русских первопроходцев с аборигенами и представляют сегодня особую этническую популяцию – арктических русских старожилков. Сравнительно-типологические исследования лексики новгородских, архангельских и колымо-индигирских говоров дают возможность предполагать, что русские арктические говоры Якутии в основе своей имеют северновеликорусское наречие.

Яркими представителями русских арктических старожилов являются жители известного во всем мире поселка на Индигирке Русское Устье. Впервые этот осколок древности на Крайнем Севере обнаружил в 1912 г. политический ссыльный В.М. Зензинов. Пробыв там год, он написал этнографический очерк «Старинные люди у Холодного океана», который открыл научному миру этот край. В его записях отмечается, что «когда за чаем завязался разговор, я не мог не подметить особенных слов и выражений, иногда не совсем понятных, но, несомненно, русских, которых никогда до этого не приходилось встречать в живой речи, и которые почему-то смутно напоминали старинные русские книги. Все эти впечатления были особенно ярки в первые дни моей жизни в Русском Устье, и я не мог отделаться от мысли, что попал в какой-то странный уголок Древней Руси, сохранившейся на далеком севере как обломок далекой и чуждой для нас жизни».

В местах компактного проживания потомков русских старожилов с конца 50-х до начала 90-х гг. XX столетия силами преподавателей и студентов филологического факультета Якутского государственного университета проводились научные изыскания. Собранный материал был подвергнут лексикографической обработке, результатом чего явилось издание «Словаря русских старожильческих говоров на территории Якутии» (1997–2007 гг.). Однако уже около 20 лет не производится дальнейшее целенаправленное изучение «сколков русской старины». Причина кроется, прежде всего, в отсутствии финансирования подобного плана исследований.

Отметим, что отношение к народным говорам как к незначимым, второсортным формам национального языка сформировалось в отечественной лингвистике в течение XX века. Веком ранее, в XIX веке, в российском обществе, напротив, наблюдался бурный рост интереса к народной культуре и к русским диалектам в том числе. Специалисты, филологи-любители, многие просто грамотные люди увлеченно собирали местные слова, описывали региональные особенности быта, обычаи, верования и другие элементы народной культуры. Мощным толчком для понимания красоты и величия родной речи стал выход «Толкового словаря живого великорусского языка» в 4 томах (1863–1866 гг.) В.И. Даля. На говоры стали смотреть как на самую богатую форму русского языка и живое воплощение русских национальных черт, воплощение духа народа. В образовательных учреждениях рекомендовалось наряду с литературным языком изучать и диалектную речь, знакомить учащихся с богатствами местных говоров, с народной культурой.

И сегодня мы снова приходим к пониманию, что родная речь – одно из наиболее сильных начал, объединяющих людей, прежде всего – родственников и земляков, это важный субстрат патриотизма и хранитель специфики национальной культуры. Человек с вытесненной родной речью оказывается эмоционально и интеллектуально обедненным, лишенным своих корней, теряющим прочную социальную ориентацию.

Изучение территориальных диалектов не должно сегодня сводиться только лишь к фиксации тех или иных особенностей (фонетических, лексических, грамматических и т.п.), а представлять собой комплексное лингвокультурологическое исследование, в результате чего станет отчетливо видна специфичность языковой картины мира,

воплощенной в диалектной речи, что и позволит оценить ее как компонент общей национальной культуры. Безусловно, что без специальной помощи государства и широкого общественного движения за сохранение русских народных говоров и популяризацию знаний о них существенно изменить отношение к русскому языку, культуре русской речи и вообще российской культуре едва ли удастся.

В европейских странах с не менее глубокой, чем в России, языковой традицией, принимаются специальные меры по поддержке территориальных диалектов. Например, в Германии поощряются СМИ, публикующие часть материалов на местной речи, выделяется телевизионное время для вещания на диалектах, организуется знакомство учащихся с народными говорами их регионов. Результатом такой языковой политики является то, что общество чрезвычайно ценит местные говоры как общественное богатство, как яркое выражение национальной самобытности народа и живую основу национально-языкового развития.

Страны Востока, Китай и Япония, также демонстрируют примеры удачного сочетания главенства литературного языка при сохранении самобытности диалектов. Например, в КНР диалекты воспринимаются как объект, который имеет самостоятельную ценность. В современной Японии широкое распространение литературного языка не привело к исчезновению диалектов, средством коммуникации в семье по-прежнему служит территориальный диалект. Государственная языковая политика по отношению к диалектам в современной Японии такова: все чаще пишут о том, что диалекты, как и другие особенности народной культуры Японии, – национальное достояние, которое необходимо сохранять; перед школой и СМИ поставлена задача – обучить правильному пользованию диалектами: в школах введен курс местного диалекта, в рамках которого школьников учат правильному пользованию диалектом и осознанию его отличий от литературного языка, подобные передачи ведутся по телевидению и радио, в печати разворачиваются дискуссии о том, как обучать детей диалекту.

В целях сохранения накопленного материала, частично еще не опубликованного, на филологическом факультете Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова в 2008 г. при поддержке Министерства науки и профессионального образования РС (Я) и Совета по языковой политике при Президенте РС (Я) был создан учебный Музей русских старожильческих говоров. На сегодняшний день Музей выполняет не только учебные функции, но и проводит ряд мероприятий, направленных на сохранение русских народных говоров и поощрение интереса к народно-речевой культуре (экскурсии по Музею для старшеклассников, иностранных студентов и гостей университета, проведение Дней русского языка, тематических встреч, др.). Методическое сопровождение функционирования Музея готово к проведению и других мероприятий, например, образовательного характера, таких как издание методических материалов для включения в программу школьного курса русского языка тем о местных разновидностях русской речи; разработка принципов изучения местных говоров на специальных уроках, а также в кружках и на факультативных курсах образовательных учреждений разных типов; издание сборника очерков

об исследователях речи старожиллов Якутии; организация конкурсов по языковому краеведению и др.

Важно отметить и рост языкового самосознания диалектоносителей. В поселке Чокурдах, районном центре Аллаиховского района республики, для учащихся средней школы была разработана и выпущена в печать «Рабочая тетрадь», содержащая материалы по языку и традиционной культуре русскоустыинцев. Община при поддержке специалистов в течение ряда лет ведет активную работу по сохранению среди молодежи языковых традиций, песен и других форм фольклора, реконструкции народных костюмов, восстановлению связи с исторической родиной – Великим Новгородом. В 2013 г. поселок Русское Устье отметил 370-летнюю официальную дату открытия этого места на карте России. Отрадно осознавать, что сколок русской старины продолжает жить, развиваться, планировать научное освещение своих нематериальных богатств.

Подводя итоги, хочется отметить, что в современных условиях «языкового нигилизма» знание и понимание основ родной речевой культуры, ее взаимодействие и взаимосвязь с другими языками в поликультурном обществе – то начальное звено в языковом и культурном сознании, которое способствует сохранению общей российской культуры и достижению единства в культурно-коммуникативной среде.

Литература

1. *Крючкова, О.* Национальное богатство / О. Крючкова, В. Гольдин // Стратегии России. – 2010. – № 6.
2. *Алпатов, В.М.* Япония: язык и общество / В.М. Алпатов. – М. : Муравей, 2003. – 138 с.
3. *Зензинов, В.М.* Старинные люди у холодного океана / В.М. Зензинов. – 2-е изд. – Якутск : Якутский край, 2001. – 350 с.

Альбина ЖУЛЕВА

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХАНТОВ

LEGEND OF THE ORIGIN OF THE KHANTY

В статье рассмотрен один из мифопоэтических аспектов романа хантыйского писателя Еремея Айпина «Божья мать в кровавых снегах» – трансформация легенды о происхождении хантов. Содержит дискуссионный материал по теме отражения исторических событий в литературе.

Ключевые слова: мифопоэтика, легенда, история хантов, Еремей Айпин.

This article describes one of the aspects of the novel mifopoeticheskikh Khanty writer Jeremiah Aipin «Mother of God in the bloody snow» – the transformation of the ancient legend about the origin of the Khanty. Contains a discussion paper on the topic of accounts of historical events in the literature.

Keywords: mythopoeitics, legend, history, Khanty, Jeremiah Aipin.

Исторический роман «Божья мать в кровавых снегах» известного хантыйского писателя Еремея Айпина, написанный на рубеже первого века третьего тысячелетия (1996–1999) и изданный в самом начале его (2002), является художественной декларацией автора любви к своему народу, желания отразить судьбоносные события, трудности и противоречия в его жизни.

В основе произведения восстание, о котором до конца XX века лишь вскользь упоминали некоторые историки, трактуя его как сопротивление «раскулачиванию» богатых остяков и ненцев. О подробностях этой своеобразной гражданской войны в далеком северном крае, довольно длительной по времени – с 1931 по 1935 г., не мог знать никто в связи с закрытостью документов. Вернее было бы сказать, что об этих событиях, конечно, знали и устно передавали свою трактовку их из поколения в поколение те, кто пострадал, или те, кто был очевидцем. Однако говорить открыто, а тем более описывать эти события не решался никто. Появившаяся в девяностые годы XX века возможность рассекречивания архивных документов позволила Еремею Айпину воспользоваться ими, активно разбавив фольклором и художественным домыслом. Собранные автором мифы и легенды о происхождении своего народа позволили представить читателю своеобразный вариант.

Для Еремея Айпина, как и для других писателей, а также ученых-этнографов, историков, лингвистов, вопрос о происхождении хантов остается волнующим вооб-

ражение, весьма животрепещущим. Одна из нераскрытых тайн, интересующих лингвистов – близость хантыйского языка к венгерскому. Каким образом оказались два живущих на столь дальнем расстоянии друг от друга народа так близки? Обращение же Еремея Айпина в романе к проблеме происхождения своего народа в годы перестройки – явление исторически оправданное. Именно в эти годы, когда начался поиск нового, осознание своего места, активизировалось этническое самосознание, творческие люди обратились к прошлому, к корням, порой забытым и стертым из памяти. Их стремления ясны: нужно обрести свое историческое прошлое, которое оправдало бы нынешнюю борьбу за преобразование жизни народа, его уклада, его устоев, его жизненных границ.

Токи современности пронизывают содержание названного романа, несмотря на отдаленность тех событий, которые в нем изображены. Актуальные для современников вопросы осознанно или бессознательно нашли свое место в содержании исторического произведения в завуалированном виде. Веяниями Нашего времени пронизана и легенда о происхождении хантов, представленная в романе.

Латинское слово *legenda* – церковно-религиозного происхождения и обозначало первоначально священное предание, поверье с чудесным событием. Позднее этим словом стали называть особый фольклорный жанр, уже не связанный с религией, – рассказы о чудесных, необыкновенных подвигах исторических или вымышленных лиц. Главное в этом жанре – элемент чудесного, вымышленного.

Что из представленной в романе Айпина легенды о происхождении хантов соответствует истории народа, а что является художественным вымыслом? Каковы данные исследований ученых-этнографов?

В ходе анализа представленной автором легенды было уделено внимание также тому, удалось ли избежать опасности, о которой предупреждал Джавахарлал Неру: «В эпоху пробуждения национального самосознания каждой нации и каждому народу, видимо, свойственно позолотить и подправить прошлое, исказить его в свою пользу».

Легенда о происхождении остяков многоаспектна по содержанию и разбросана по всему роману. Автор использует древнее название народа остяк, а не самоназвание хант (человек). Историю остяков автор рассматривает в романе как совместную с вогулами, называя оба народа уграми. Уточняет, что вогулы (манси) – это угры, которые «оказались на окраинных вотчинах», мало общались с другими представителями угорского племени, поэтому у них появился свой язык, близкий к остяцкому.

Уже в первой главе «Божьей матери в кровавых снегах» есть эпизод, который подводит читателя к мысли найти ответ на вопрос о происхождении остяков. Командир красноармейцев Чухновский среди раненных жителей стойбища видит человека, в котором отмечает сходство с Золтаном, известным мадьярским интернационалистом. Вместе с ним он когда-то воевал в Сибири против Колчака. Золтан в те годы спас красноармейца, вытащив из-под льдины. Сравнивая раненого с венгерским героем, автор уже как бы проводит параллель внешнего сходства остяков с венграми.

Что же общего с венгром увидел командир у раненного остяка? Прежде всего, разрез глаз – не азиатский и не европейский, «а какой-то средний, остяко-мадьярский», кроме того, «выдающиеся надбровные дуги; приподнятые к вискам скулы; чуть вздернутый на кончике массивный нос; черные кучерявые волосы». И далее мыслями героя автор подводит читателя к тому, чтобы он задумался вместе с ними – автором и героем – когда и почему два этих народа – остяки и мадьяры – разошлись по разным землям.

Наиболее обстоятельно изложена версия о происхождении остяков в четырнадцатой главе романа. Рассказывает ее Отец Детей интересующемуся жизнью остяков Белому человеку, которого спас и привез в свой чум.

Как же появились угры в Сибири, почему их сородичи оказались в Венгрии? По предположениям рассказчика, давным-давно угры жили на берегу Тепловодного Океана. Почему из тех краев «вечного лета» они ушли в северные края, герою не известно: «Может, земля провалилась в бездну – ушла под воды Океана, может, мор какой напал на народ, может, какие завоеватели захватили теплое побережье».

Двинувшись на север, угры были вынуждены защищаться от древних и воинственных племен. В тяготах и лишениях привыкали угры к новым условиям. И однажды, чтобы выжить, разделились на три группы. Их дальнейшие действия описаны художественно и весьма выразительно. «Одни пошли в сторону заката, держа полуденное солнце на левой стороне лица. Дошли до реки Дунай, обосновались там и стали мадьярами... Вторая группа тоже ушла в сторону заката, держа полуденное солнце на левой стороне затылка. Они ушли очень далеко, до самого края земли, до Закатноостровного Океана и обосновались там, на приполярном побережье Атлантики, и стали называться саамами... А наиболее выносливая и хладостойкая часть угров все продолжала двигаться дальше на север, неся полуденное солнце прямо на затылке. Эти стали называться обскими уграми. Сначала они жили в безлесных степях, а потом заняли всю пойму реки Обь».

Если обратимся к мнению ученых, то увидим, что существует немало предположений, высказанных этнографами и путешественниками разных стран о появлении угров в северных краях и даже на юге Европы. Так, интересовался остяками и их происхождением норвежский исследователь полярных стран, выдающийся путешественник, ученый Фритьоф Нансен. Описывая Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море в своем известном труде «В страну будущего» [1], он отметил, что остяки совершенно не похожи на «остальных сибирских инородцев». В чем отличие? Прежде всего в своеобразии языка остяков. И он предположил даже, что их язык «скорее является в первоначальном своем виде односложным языком, более сходным с китайским» [2]. Фритьоф Нансен пришел к выводу, что хотя первоначальное происхождение остяков установить нелегко, можно с уверенностью сказать, что в прежние времена этот народ был распространен гораздо дальше к югу, чем в его время, и вполне возможно, что «нынешние остяки являются последним остатком племени, широко распространенного в пределах Азии» [3]. Больше того, в своей книге Нансен приводит гипотезу норвежского ученого доктора Андреаса

М. Ганзена, согласно которой остяки могли принадлежать к тому же племени, которое населяло Скандинавию до пришествия германцев. Этот ученый приписывал остякам даже родство с хеттитами, пелазгами и другими первобытными народами, жившими на юге Европы и по берегам Средиземного моря. Гипотеза Ганзена, по мнению Фри-тьофа Нансена, может возбуждать особый интерес к происхождению остяков.

Опираясь на материалы русского путешественника доктора Радлова, его книгу «Из Сибири», норвежский ученый Ф. Нансен предполагал также, что остяки были широко распространены на северных склонах Саянских гор, поскольку название трех четвертей рек в области истоков реки Томь енисейско-остяцкого происхождения, и это можно объяснить только тем, что здесь проживал народ, говоривший на этом языке или на родственном ему наречии.

Содержание легенды Еремея Айпина в романе о южном происхождении хантов, как видим, не противоречит мнению ученых-этнографов и путешественников.

Как этот народ осваивал просторы Сибири, читатель узнает из рассказа героя романа – Отца Детей. Сибирские угры, отделившись от других соплеменников, стали успешно завоевывать окружающие земли и развивать культуру. По легенде, угорские воины-богатыри «малым числом и за короткое время закрепили за собой огромную территорию Западной Сибири. На востоке – до реки Енисея, на севере – до самого устья Оби, до вечных, не тающих снегов, до самого Ледовитого Океана. На юге – до степной зоны». При этом рассказчик оценивает угров как «справедливых воинов». Следует отметить, что автор использует особенности двойного стандарта оценки поведения. Действительно, могут ли быть в полной мере «справедливыми» завоеватели? Хотя, чтобы смягчить не очень объективную оценку захватчиков, автор словами героя утверждает, что, когда угорские богатыри установили свои границы, то с тех пор «чужое не отбирали, но и свое не отдавали». Даже самоедов (ненцев), которые периодически нападали на малые селения и одиночные семьи промысловиков, преследовать «не хотели и не могли стать подлыми убийцами». И были угры «честными и доверчивыми», и постоянно были вынуждены отражать нападки то татар, то самоедов.

Создавая легенду о прошлом своего народа, Айпин подчеркивает необычайно высокий уровень материальной и духовной культуры остяков в прошлом, развитую государственность.

Легенду озвучивает Отец Детей с участием Матери Детей. В основе – древние предания и легенды, в том числе о богатыре Мадур Вазе и богатыре-шамане Танье. Можно сказать, что именно на их основе создан в романе оценочный нарратив: в древние-преддревние времена угры были не только стройными и высокими, но и бесстрашными, как медведи, проворными и ловкими, как горностаи, быстрыми, как лоси. Угорские богатыри были также «живучи, как семиголовые великаны, благородны, как угорские боги».

Возможно, автору известны не только мифы и легенды, но и материалы ученых. Историк Герард Фридрих Миллер, которого называли «отцом сибирской истории», с 1733 по 1743 г. путешествовал по Сибири и сделал записи о самобытной цивилиза-

ции остяков: «На нижнем течении Иртыша и на Оби можно найти много следов старинных городков... Когда я расспрашивал остяков, кем сделаны эти городки, они отвечали единогласно, что в них во время неприятельских нападений жили их предки, а неприятелями были частью татары с Верхнего Иртыша, частью самоеды с Нижней Оби, которые нередко беспокоили их, губили их добро и уводили в полон их жен и детей. Если татары... и совершали частые набеги на остяков, то из этого еще не следует, что они покорили себе этот народ...» [4].

Профессор Миллер изучал и приводил в порядок архивы сибирских городов, описывал нравы и обычаи народов. Он утверждал, что жители Сибири с древнейших времен старались прославить себя больше оружием, нежели описанием своих деяний. «В ней не процветали ни наука, ни искусство, да и умение писать большей частью было мало распространено. Поэтому легко рассудить, что о древнейших событиях этой громадной азиатской страны трудно рассказать много достоверного или основанного на неопровержимых фактах» [5].

Привлекает особое внимание в изложенной героем романа легенде интерпретация разорения угорского государства с самобытной цивилизацией, которым правили «мудрые князья-предводители», и было у них до ста городов-крепостей.

Известно, что литература не только создает, но и утверждает мифы, в особенности литература об исторических событиях, подтвержденных реальными фактами и документами. Рассматривая сущность современного мифа, Ролан Барт, известный французский литературовед XX века, утверждал, что миф превращает историю в природу, в реальность, в объективное основание. «Читатель переживает миф как историю одновременно правдивую и ирреальную» [6]. И в этом глубина его психологического воздействия. Миф носит императивный, побуждающий характер, способен оказать влияние на социальную обстановку.

Исходя из утверждений Р. Барта, представленная в романе легенда возвышает хантыйский народ. И в этом достоинство талантливого современного писателя Еремея Айпина.

Однако кажется излишне категоричной интерпретация исторического превращения цивилизованных владений угров в отсталый и почти полностью неграмотный этнос. Сочинитель легенды находит виновников – это русские, которые разорили города-крепости, с помощью обмана победив угорский народ. В отличие от угров, у которых «считалось позором обмануть врага и одолеть его в нечестном бою», русские привозили и оставляли у стен городов-крепостей бочки с «дурной водой». И доверчивые угорские богатыри напивались и слабели. И однажды русское войско ворвалось в город. Воины «перебили князей-военачальников и воинов-богатырей, а женщин и детей взяли в плен». С тех пор угры стали жить в бедности в малых селениях по берегам озер и рек. Больше того, русские привезли болезни, а от русской водки и табака перевелись рослые богатыри.

В действительности, согласно историческим документам, остяки в прошлом широко взаимодействовали с различными окружающими их народами. Так, они имели торговые связи и с народами Средней Азии (казахами, узбеками, туркменами),

и с народами Саяно-Алтайского нагорья. Об этих связях пишет, например, Н.В. Лукина в статье «Южные черты в пищевых традициях восточных хантов» [7]. Известно южное воздействие и влияние татар на использование остяками наркотических средств: настойки мухомора и сухих грибов. Исследователь считает возможным, исходя из лингвистического обоснования названий дурмящих грибов, табака и способов их употребления, наличие финно-угорско-иранских торговых связей, а также влияние на остяков древних индоиранцев. В качестве одного из факторов обоснования своей идеи этнограф проводит аналогии необычного способа курения восточными остяками табака – пропускание дыма через набранную в рот воду – с кальяном, наиболее популярным у иранцев.

Военные действия остяки вели против завоевателей разных мастей. Так, татарский хан Кучум, например, пришел из Бухары, наложил тяжелый ясак на угров и принуждал их к участию в своих походах. Об этом свидетельствует, в частности, картина русского художника Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком», написанная на основе исторических материалов, которая воссоздает знаменитую битву за городок Искер.

На высоком косогоре расположилось татарское войско во главе с ханом Кучумом. Под косогором стоят остяки в яркой национальной одежде с деревянными щитами, обтянутыми мехом. По реке приближаются на лодках казаки, вооруженные пищальями и ружьями, с хоругвями и знаменами. Дружина Ермака устремлена вперед, не задумываясь о потерях или неравенстве сил. Их лица решительны и бесстрашны. Мансийский поэт Юван Шесталов в книге «Сибирское ускорение» размышлял об увиденном на картине: «Северяне, прижатые двумя стихийными силами, растеряны. Кто охвачен страхом, кто опечален смертью или раной соплеменника, кто жаждет боя... Бой... Но с кем? Кто истинный враг, а кто может стать другом?» [8].

Действительно, никому не известно, как могли бы развиваться события, если бы победил хан Кучум. Как писал Барт, в Истории победа одного противника над другим никогда не бывает полной; «ход истории приводит к совершенно непредвиденным результатам, к непредсказуемым синтезам» [9].

Югорские княжества – свидетельство феодального правления достаточно высокой организованности, действительно, став частью российской территории, постепенно потеряли внутреннюю самостоятельность. Ассимиляция, приобщение к другой культуре, иному быту стали характерными явлениями, отразившимися в материальной и духовной жизни остяков.

Как сохранить небольшим по численности этносам для будущих поколений все, что было накоплено предками, в особенности язык и культуру? Эти проблемы всего цивилизованного мира нуждаются в творческом подходе и обсуждении. Обоснован ли и разумен ли их возврат к былому традиционному бытованию в условиях глобализма? Связь с прошлым ценна тем, что помогает осмыслить мир настоящего, не отторгая старины. Однако возвращать народ к уже потерявшим силу истокам, предлагать ему жить с головой, повернутой назад, в условиях цивилизации третьего тысячелетия – рационально ли это?

Легенда об истории остяков проникнута тревогами Айпина о судьбе народа ханты в современных условиях. Многие из них перекликаются с идеями, с которыми он выступает на трибунах власти, например, его волнует вопрос сокращения численности хантов, увеличения числа новопоселенцев, пришельцев из других мест, «из городов-селений, где людей больше, чем деревьев-трав».

Роман «Богоматерь в кровавых снегах» проникнут художественно-философскими исканиями, метафизическими воззрениями, расширяет наш горизонт, открывая перспективы знаний о мировосприятии богатого духом хантыйского народа, о его прошлом и настоящем. Следует отметить, что не менее лестное представление о своем народе в прошлом, возникающее обычно из легенд и сказаний, бытует у большинства жителей Земли. Фольклор становится источником исторических сведений, которые зачастую трактуются буквально и передаются из поколения в поколение, проникают порой в литературу. Фольклорные данные зачастую подтверждаются сведениями ученых.

Естественно, что легенду о происхождении хантов и о связях этого народа с русскими, представленную автором в романе, читатель может трактовать как вымышленную историю, изложенную автором с определенной, соответствующей духу времени фантазией. Однако, чтобы созданный в романе современный миф не оказался единственным и действенным, было бы важно узнать мнение, услышать убедительные слова в оценке содержания изложенной в романе легенды об остяках от историков, этнологов и культурологов.

Литература

1. *Нансен, Ф.* В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Ф. Нансен ; авториз. пер. с норв. А. и П. Ганзен. – Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1969. – 302 с.
2. *Миллер, Г.Ф.* История Сибири / Г.Ф. Миллер. – М. ; Л., 1937. – Т. 1.
3. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт. – М., 1994. – С. 95.
4. Фольклор и этнография народов Севера // Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1986.
5. *Шесталов, Ю.* Сибирское ускорение / Ю. Шесталов. – Л., 1982.

Юлия ХАЗАНКОВИЧ

КОНЦЕПТОСФЕРА ПОЭЗИИ Г.Н. КУРИЛОВА-УЛУРО АДО (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

CONCEPTOSPHERE OF G.N. KURILOV'S POETRY: STATEMENT OF A QUESTION

В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость исследовать национальную литературу с новых позиций – с точки зрения концептуализации мира авторами. Впервые это осуществляется на материале поэзии юкагира Г.Н. Курилова-Улуро Адо.

Ключевые слова: Г.Н. Курилов-Улуро Адо, национальная литература, поэзия, юкагирский язык.

There is a need to observe «ethnic literature» from quite a new position within modern scientific paradigm: from the point of view of the authors' world conceptualization. For the first time it is realized on the materials of Yukaghir writer G.N. Kurilov-Uluro Ado

Keywords: G.N. Kurilov-Uluro Ado, national literature, poetry, Yukagir language.

В апреле 2008 г. исполнилось 70 лет юкагирскому ученому-лингвисту, прозаику и поэту Гаврилу Николаевичу Курилову-Улуро Адо. Он называет себя «старейшим юкагиром» на планете – никто из его сородичей не доживал до семидесятилетия. Это вызывает горькие раздумья о драматичной судьбе исчезнувших во времени 11 юкагирских родов, уходящем реликтовом языке юкагиров, да и самого этноса, – юкагиров осталось менее полутора тысяч человек на земле. Но количество народа не влияет на качество таланта. Эти слова, сказанные в свое время о родоначальнике юкагирской литературы Тэки Одулоке, авторе повести «Жизнь Имтеургина-старшего», остаются актуальными и по сей день. Г.Н. Курилов – сын последнего юкагирского шамана Николая Курилова. Семья Куриловых подарила юкагирскому народу целую плеяду творческих людей: старший брат, Семен, – автор знаменитого романа «Ханидо и Халерха», тогда как младший Николай реализовал свой творческий потенциал как художник и прозаик-фантаст. В Ленинграде, в стенах педагогического института имени А.И. Герцена, у Гаврилы зародился интерес к науке. Сегодня в научном мире Г.Н. Курилов известен как авторитетный ученый в области юкагирского языка, доктор филологических наук и автор академического «Юкагирского-русского словаря», который увидел свет в новосибирском издательстве «Наука». С момента основания Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН Г.Н. Курилов возглавлял отдел юкагирского филологии. Венцом его научных работ следует также считать

завершение работы в 2005 г. тома «Фольклор юкагиров» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Гаврил Николаевич Курилов дебютировал как поэт в далеком 1963 г., будучи студентом. Первые стихи, по совету переводчика Чагыла Мординова, Г.Н. Курилов опубликовал в газете «Молодежь Якутии» под псевдонимом Улуро Адо, что означает в переводе с юкагирского «сын Олеринской тундры». Сегодня в творческом багаже Г.Н. Курилова-Улуро Адо более двух десятков поэтических сборников и книг на юкагирском, русском, якутском языках. Первая книга Улуро Адо «Пока дремлют олени» была написана в Ленинграде. В одном из интервью он признался, что название книги носило метафорическое содержание: «Я имел в виду то, что носителей юкагирского языка с каждым годом убывает [1, с. 2]. Тема родного языка векторно пронизывает все творчество юкагирского поэта: Ты чист, как речь ребенка / Ты не лжив / Светла твоя глубинная основа / Пусть, может быть, не очень и велик / Запасник твой, твой арсенал словесный / Ты мне мил, водульский наш язык. / Отцовский, материнский, добрый, честный //

Г.Н. Курилов-Улуро Адо дебютировал в конце 1960-х – начале 1970-х гг. не в традиционном для себя творческом амплуа, – у него вышел цикл повествований «Рассказы Юко» [2]. Образ главного действующего героя – Юко-малыша, мальчика-поэта, был собирательным, но не был лишен автобиографичности. Отметим, что традиция автобиографического повествования имеет в прозе коренных народов Севера, в частности юкагирской, глубокие корни. Литературы малочисленных народов Севера начали свое существование с повестей, восходящих к традициям автобиографических повествований Л.Н. Толстого и А.М. Горького. В этой связи следует вспомнить первые повести юкагира Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего», эвена Н. Тарабукина «Моя жизнь», удэгейца Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай». Традиционно «Рассказы Юко» Г. Курилова относят к «детской литературе». Но это далеко не первая «детская» книга Улуро Адо. В 1967 г. им была написана на юкагирском языке поэма-сказка «Человек и Красный Зверь» [3]. В основу был положен сюжет добывания огня древним человеком: он, приручив огонь, кардинально меняет свою жизнь и жизнь на земле. В.Б. Огорокова, один из исследователей творчества Улуро Адо, указала, что данная поэма «посвящена детям ... и велико его познавательное значение: что такое огонь, откуда он взялся, как его приручил человек и что он дает человеку» [4, с. 41]. «Сказочный, фантастический» сюжет поэмы-сказки строится на авторской интерпретации архетипического мотива добывания огня. Этот мотив, на наш взгляд, имеет у Улуро Адо качественное, собственно юкагирское, содержание. Герой поэмы, добыв огонь, не вступает в борьбу с кем-либо, и огонь не становится средством достижения определенных целей. В юкагирской интерпретации огонь – Красный зверь выполняет свои основные функции – согревает и кормит человека. Такая своеобразная трактовка образа Красного зверя-огня определена особенностями национального мировосприятия и этническими ценностями: юкагирами окружающий мир воспринимается абсолютно одушевленным. Отметим, что мифологический универсум юкагиров в целом направлен на передачу молодому поколению традиционных взглядов на природу – все в ней имеет своего духа-хозяина, которые следят за тем, чтобы человек не причинил вреда всему живому и неживому на земле. Для них миф – объ-

ективная реальность, которая сохраняется и по сию пору. Огонь относится к одной из сильных и почитаемых юкагирами стихий. Они считают, что «огонь жизнь дает». Есть у юкагиров миф «Дедушка Огонь Мэру», где дух огня наказывает человека за неуважительное отношение к себе и домашнему очагу [5]. Между человеком и огнем у юкагиров выработался своего рода кодекс отношений. Так, Огонь кормят, гадают с его помощью, не бросают в него острые предметы, не плюют и, угостив, испрашивают желаемое. Такое кодифицированное поведение юкагиров по отношению к огню можно объяснить тем, что почитание духа огня и культ ушедших предков имеет у них семантическую связь. Кормление огня воспринимается юкагирами как своего рода жертвоприношение, адресуемое «мертвому человеку, родне» [6, с. 50-54]. В этой связи интересна поэма Улуру Адо «Нунни» (1970). По признанию автора, хотя она и носила заказной характер, но вместе с тем в ней отражено мифологическое представление юкагиров о реинкарнации – «человек после смерти перевоплощается в новорожденного» [7, с. 293]. Заметим, что на протяжении всего творчества Улуру Адо обращается к мифологическим поверьям своего народа, трансформируя их на сюжетном и смысловом уровнях.

Поэт Улуру Адо рожден древней юкагирской землей, культурой и языком вадулов (тундренных юкагиров). Как художник он сформировался внутри своего культурного пространства, с молоком матери усвоив накопленный юкагирами мировоззренческий опыт. На его основе у него были сформированы личностные ценности, смысловые представления о мире и человеке в нем, которые сложились в определенную авторскую картину мира. Но он не замыкается как человек, поэт только в своей культуре. Как настоящий Художник Улуру Адо вкладывает свою личность в свои тексты и тем самым продлевает свое бытие далеко за пределами своей жизни, тем самым сохраняет и укрепляет культуру своего народа. Юкагирский поэт доносит миру ощущения и чувства юкагиров посредством своеобычной образно-концептуальной сферы. В свое время Д.С. Лихачев предложил ввести в литературоведение продуктивное понятие концептосфера [8]. Она представлена концептами, которые представляют собой своего рода сгустки понятий, мотивов, образов, из которых, видимо, складывается поэтический мир национального автора. Концепт – это то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и посредством чего вообще входит в культуру своего народа. Концепты изучает новое направление современной лингвистики – лингвокультурология. Но в рамках нашей статьи мы только обозначим постановку вопроса, сознательно сконцентрировав свое внимание исключительно на образно-концептуальном уровне, не затрагивая сферы лингвистики.

Архаическая культура юкагиров при всей своей «чувственности», на наш взгляд, сохраняет свою «вещность», что во многом определяет образно-смысловую специфичность поэзии Улуру Адо. «Вещность» культуры древнего народа определяет содержание образов-концептов – река, озеро, ветер, солнце, мать, олень, костер. Через эти образы преломляется и тема любви, дружбы, верности, возвращения, вины. Возможно, этим объясняется и отсутствие доминирования столь знакомых из русской поэзии концептов «любви», «разлуки», «мороки» и т.д. Как настоящий поэт Улуру Адо в своей поэзии имеет дело напрямую со стихиями – огня, солнца, ветра, он находит

ся как будто внутри стихии и переносит свое юкагирское ощущение в поэзию. Хотя это ощущение рождено глубинами бессознательного, но в плане выражения образы лишены привычной нам «европейской» чувственности – эмоциональной избыточности и символичности. В них – безмерное жизнелюбие, собственно юкагирская темпераментность (от бунта до покорности), энергетика, ведь мир в представлении юкагиров живет «по законам света и тепла, холода и тьмы»: Тальники, стоите вы в печали / С серым обмороженным лицом. / Ваши песни летние упали / С губ дрожащих золотым листом // Пусть случилось это превращение / По законам холода и тьмы, / Пусть для солнца нет и малой щели / В низких сводах / Ледяной тюрьмы // Сердце и в оковах не сдается: / Знает – как не тяжелы они, / А наступит срок – / И свет пробьется... И опять ручьев воскреснет пень, / И закусят реки удила. / И случится это превращенье / По законам Света и тепла //. Одушевление «неживой» природы, пантеистическое мироощущение автор сохраняет и образно воплощает в своих стихах, – потому они столь близки мировосприятию его сородичей и понятны инациональному читателю.

Основными концептами любой культуры является время и пространство. Причем концепт времени в поэзии народов архаической культуры, к которым относятся и юкагиры, является доминантным. Так, время северянами воспринимается в связи с потоком значимых событий и цепью поколений. При этом понятие времени в поэзии северных народов зачастую выражается «пространственной» метафорой «пути» – жизнь человеческая есть путь, равно как кочевье с оленями есть тоже путь. С метафорой «пути» на семантическом уровне связано представление юкагиров и о «нунни» – время и поколения людей появляются из прошлого и уходят в будущее: нунни, нунни... / хорошее поверье / среди моих сородичей живет. / Большой имеет смысл оно: / потери / не нарушают жизни стройный ход. / Вот ты – / живое воплощение деда, тебе его надежда как своя... / От жизни-к жизни, / словно в эстафете, / не сыщешь где начало, где конец. / Но сыновья – / они всегда в ответе / за то, что не доделали отцы //. Специфичное восприятие времени Улуру Адо, который наделяет эту категорию определенными смыслами и коннотациями, определено мифологической традицией, которая имеет выход на бессознательном уровне. В его поэзии время не носит линейный характер: ощутима цикличность мифологического времени, к которому апеллирует автор. Обращенность в мифологическое прошлое есть устойчивая черта художественного сознания Улуру Адо. Оно становится средством культурной самоидентификации. Заметим, что в лексическом составе юкагирского языка доминирует темпоральная лексика со значением «абсолютного, мифологического прошлого». В поэзии Улуру Адо время обратимо: автор акцент ставит не на связи времен, а на движении – от настоящего не в будущее, а в прошлое. Оно метафорически обозначает одну из важнейших парадигм художественного сознания северян: стремление прикоснуться к истокам, нащупать свой культурный «корень», восстановить связь времен: Я боюсь этих стойбищ немых, / где ни знака, ни слова, ни гула, / где последняя песня уснула / под золой далекой зимы. / Стаял призрак печальных тех лет /, но в полях я все слышу рыданья, / И опять оживает преданье, / и мертвец луны бледный свет / И я вижу, как древний старик / Мне навстречу идет от стоянки... / И в лицо мне уставься, смеется / странным смехом, похожим на крик. / Вот, вина меня в вечной вине, / из

лохмотья достанет он гордо / ту убитую песню народа / и швырнет ее под ноги мне! / Я тех стойбищ боюсь, но молчу / И зачем говорить мне о страхе? / Просто листья – осенние птицы / вздули память мою, как свечу // («Память»). «Голос» прошлого исходит извне – это крик, песня, дыхание, но обязательно у Улуру Адо этот «голос» резонирует со струнами его души, и тогда голос «прорезывается» и изнутри человека.

Концепт пространства у Улуру Адо представлен достаточно широко. Быть может, это связано с тем, что культуры кочевых народов относят традиционно к «пространственным культурам» [9, с. 34-36]. Образной доминантой поэзии Улуру Адо является природа. Она единственная реальность, источник неисчерпаемой красоты и вдохновения. Юкагирский поэт создает образы зримые и пластические, в которых много света и чистоты. У него все сливается: и закат, сотканный из лучей заходящего солнца, и серебристый иней, покрывший спины оленей: Вы знаете ли край, / Где в зимнем небе мгlistом / Мерцают ручейки, смерзаясь на бегу, / И быстрые следы, / Подобно прелым листьям, / Чеканны на снегу? / Впервые в том краю, морозом опаленном, / Узнал я, как сладка весна в хмельном чаду, / Там, в том краю, стремительны и чисты реки, / Огромное небо заполнено звездами до седины, / там целуются с землей олени, / целуются всю жизнь – так в землю влюблены //. Так видит природу тундренный кочевник, потому что «если следовать таежным законам, все, на что ни посмотришь в тайге и тундре, – красиво и правильно» [6, с. 39]. Отметим, что концепт пространства у Улуру Адо художественно воплощен в образах Тундры, Ветра, Озера, Реки. Все эти образы семантически связаны с понятием Простор. В рамках статьи мы остановимся только на двух концептах – Тундры и Воды. Просторы тундры не простое географическое место – это жизненное пространство тундренного юкагира, пространство его духа: Вы знаете тот край, / Где серебром течет / ночное небо, прячась в облака, / где заблудилась среди звезд / старинной песни нежная строка //. У Улуру Адо тундра разнолика: то она «просыпается в серебряном звоне / и росой холодной умывает лицо... / И веселой улыбкой награждает меня», то она угрюма, где «небо, как в насмешку, прикрывает / тебя дырявой серою дохой». Но тундра для кочевника-северянина ассоциирована со свободным выбором своего пути, свободой движения, свободой выражения. Потому тундра вдохновляет поэта, зовет «в далекую даль... / к тем словам, что пока еще мной не открыты, / к тем стихам, по которым всю жизнь тосковал //. Мифообраз воды получает в поэзии Улуру Адо свою художественную проработку. Не случайно сборник стихов «Милая Лабунмэдэну», посвящен реке Лабунмэдэну – так называют юкагиры реку Большая Чукочья. Отметим, что стихотворение «Милая Лабунмэдэну», на наш взгляд, по содержанию восходит к личной песне-монологу, которая имеет широкое распространение у тундренных юкагиров. Личные песни зачастую носили импровизационный характер и исполнялись от себя и о себе. У тундренных юкагиров «Песня о реке Лабунмэдэну», где воссоздается поэтический образ юкагирской реки-бабушки Лабунмэдэну, напоминающая во время ледохода аргиш с белыми оленями, имеет широкое бытование и нередко исполняется именно на тот или иной личный напев. Причем сочетается в исполнении собственно пение и речитатив. Эта манера юкагирского исполнения получила поэтическую трансформацию у Улуру Адо, а переводчику стихотворения И. Фоякову удалось передать собственно

юкагирскую интонацию: Милая Лабунмэдэну, / Вдруг – с чего, не знаю – / Постарела ты, родная... // Милая Лабунмэдэну, / Без тебя у юкагира / Песня планая не льется, / В сердце холодно и сирое. / Милая Лабунмэдэну, / Счастья нашего гнездовье! / Уберечь тебя хочу я, / Охранить своей любовью // У юкагирского поэта есть привычное наполнение образа Воды, который семантически коррелирует с понятиями текучести, норовистости, подвижности: Весь день вчера / Стонало озеро, / плевалось пеною / весь день. / А к вечеру / метаться бросило, / легло, / как раненый олень / ...А нынче утром, / Льдом затертое, / Под оболочкою литой, / Оно уже лежало мертвое, / Придавленное, как плитой // Но мифобраз воды имеет у Улуро Адо связь с концептом Памяти. Нам видится, что в поэзии Улуро Адо, согласно мифологической традиции юкагиров, река-озеро есть даже своего рода структурирующий элемент «своего» пространства: Блещет озеро, легкие волны качая... / Тут рыбачил с отцом я в бывалые годы... / Как мне дорого все, как знакомо и люблю, / Как созвучно душе моей немолодой! / Я склюняюсь – и вздрагивают мои губы, / Наконец-то встречаясь с озерной водой. / В мелких брызгах лицо мое... / Что это значит? / Не понять мне в сияньи белого дня – / Я ли плачу, друзья, или озеро плачет / Словно мать, ожидавшая долго меня? // Погружение в прошлое и уход в будущее связано с лейтмотивом нахождения у воды. В этом проявляется одна из важнейших мифомагических функций воды, которая столь образно нашла выражение в поэзии Улуро Адо. За рамками нашей статьи остались не рассмотренными концепты Матери и костра, Поэта и поэзии, оленя и пастуха. Мы только обозначили доминантные концепты времени и пространства в творчестве Улуро Адо и попытались их интерпретировать в культурологическом ключе. Но вместе с тем нам видится продуктивность данного подхода в исследовании лирики юкагирского поэта, прозаика, пишущего на родном юкагирском языке. Таким образом, поэзия Г.Н. Курилова – весьма богатый материал для лингвокультурологических исследований. Безусловно, наивно полагать, что обозначенные нами концепты исчерпывают все творчество редкого таланта Улуро Адо. Но однозначно одно – чем больше вглядываешься в творчество юкагирского поэта, тем дальше отодвигается линия горизонта его познания.

Литература

1. Курилов, Г.Н. Интервью / Г.Н. Курилов // Илкэн. – 2003. – №6.
2. Курилов, Г.Н. Рассказы Юко / Г.Н. Курилов. – М., 1973.
3. Курилов, Г.Н. Человек и Красный Зверь / Г.Н. Курилов. – Якутск, 1974.
4. Огорокова, В.Б. Северное созвездие / В.Б. Огорокова. – Якутск, 2002
5. Дедушка Огонь Мэру // Фольклор юкагиров. – Новосибирск, 2005.
6. Жукова, Л.Н. Религия юкагиров: языческий пантеон / Л.Н. Жукова. – Якутск, 1996.
7. Курилов, Г.Н. Юкагирско-русский словарь / Г.Н. Курилов. – Новосибирск, 2001.
8. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность : антология. – М., 1997.
9. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М., 1988.

«РОББЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
Материалы I Всероссийской студенческой конференции,
посвященной Международному дню родного языка.
25 февраля 2014 г.

УДК 811.512.112'36

Александр ПЕТРОВ

ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ РОББЕК В ЛЕНИНГРАДЕ-САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

VASSILY ROBBEK IN LENINGRAD AND ST.-PETERSBURG

В статье в форме воспоминаний изложены основные этапы жизни и научного творчества В.А. Роббека (1937-2010), д.филол.н, заслуженного деятеля науки РФ и РС (Я), директора Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, связанные с городом на Неве.

Становление личности В.А. Роббека произошло в студенческие и аспирантские годы в Ленинграде. Позже он неоднократно посещал этот город и был непрерывно связан с Альма-матер – Институтом народов Севера РГПУ им.А.И.Герцена.

Ключевые слова: В.А. Роббек, Ленинград, Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, РГПУ им. А.И. Герцена.

The paper in the form of recollections describes the main periods of life and scientific activities of V.A. Robbek (1937-2010), Doktor of Philology, Honoured Scientific Researcher of the Russian Federation and Republic of Sakha (Yakutia), Director of the Institute for the Problems of Aboriginal Peoples of the North of the Siberian branch of RAS (Russian Academy of Science) linked with the city on the Neva river.

Development of V.A. Robbek's personality took place during his student and postgraduate years in Leningrad. Later he visited this city many times and was always tied with his Alma Mater – the Institute of the Peoples of the North of Herzen Russian State Pedagogical University.

В.А. Роббек (1937-2010) – доктор филологических наук, академик АН Республики Саха (Якутия), заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Саха (Якутия), директор Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН – всю свою сознательную жизнь посвятил североведческой науке, исследованию тунгусских языков и культуры, эвенского языка и фольклора, а также организации научной работы во благо всех коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в российском и международном масштабах.

Роббек Василий Афанасьевич родился в Байдунском наслеге Среднеколымского района Якутской АССР в семье кочевника-оленевода. Вместе с тем значительная часть его жизни и научной деятельности была связана с городом на Неве – Ленинградом-Санкт-Петербургом. Здесь он стал студентом Альма-матер народов Севера – Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (ныне РГПУ им. А.И. Герцена), был аспирантом ЛО Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН), создал свою семью, напечатал свои научные статьи и монографии, осуществлял огромной важности координационную работу в масштабах СССР по мобилизации научных и учебно-методических кадров для создания и деятельности единственного в мире и стране Института проблем малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (ИПМНС СО РАН).

Несмотря на то, что основные вехи жизни и творчества В.А. Роббека связаны с родной Якутией (трудовую деятельность он начал в 1956 г. воспитателем в школе-интернате, затем был учителем Байдунской начальной школы, инструктором РК ВЛКСМ, заведующим Красным чумом Березовского кочевого совета Среднеколымского района), с поступлением в ЛГПИ им. А.И. Герцена у него начинается совершенно другой этап жизни: знакомство с легендарным городом, его неповторимой культурой и необыкновенными людьми, преподавателями института, которые передали ему не только огромный багаж знаний, но и уважение к ветеранам-блокадникам, корифеям североведческой науки... Одной из них была его научный руководитель в аспирантуре профессор, доктор филологических наук Вера Ивановна Цинциус.

В 1966 г. Василий Афанасьевич окончил ЛГПИ им. А.И. Герцена (факультет народов Крайнего Севера). Позже он с юмором рассказывал нам веселые истории о приключениях студенческой жизни (о покупке апельсинов на Невском проспекте, о казусе в парикмахерской на улице Желябова и другие), однако он всегда был очень серьезным и вдумчивым студентом, немногим из некоторых он был активным членом общества «Знание» и ему доверяли даже чтение лекций о международном положении в Центральной лектории города на Литейном проспекте... Он активно участвовал в художественной самодеятельности под руководством заслуженного работника культуры РСФСР, бессменного руководителя студенческого фольклорно-хореографического ансамбля «Северное сияние» Татьяны Федоровны Петровой-Бытовой. Роббек был лидером по натуре, всегда был впереди важных событий, имел собственное мнение и был по-юношески ершист. Кто-то из воспитателей грозился его “обтесать” или выгнать из института, но все обходилось благополучно благодаря мудрости молодого человека, его высоко поставленным требованиям к себе и другим, помощи друзей и родных...

После окончания института В.А. Роббек работал директором Налимской восьмилетней школы родного Среднеколымского района. Но снова город на Неве манит к себе любознательного и целеустремленного молодого человека. Роббек В.А. поступает в аспирантуру и становится с 1969 по 1973 г. аспирантом Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР под научным руководством профессора Веры Ивановны Цинциус. Научная работа, атмосфера академических исследований

захватили Василия Афанасьевича. Он окунулся с головой в теоретические изыскания на базе практического владения эвенским языком, участвовал в заседаниях отдела алтайских языков, в научно-практических конференциях, публиковал статьи и тезисы докладов по теме своего исследования. С глубокой благодарностью всю свою жизнь он вспоминал своего научного руководителя – профессора В.И. Цинциус, крупного ученого – тунгусо-маньчжуроведа, исследователя широкого научного профиля и кругозора, создателя в качестве ответственного редактора непревзойденного «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (Л.: Наука, 1975-1977 гг.).

В 1974 г., несмотря на некоторые препятствия со стороны руководства отдела алтайских языков, В.А.Роббек успешно защищает в Ленинграде, в диссертационном совете ЛО ИЯ АН СССР, диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, позже опубликованную им в виде монографии в ЛО издательства «Наука» на тему «Виды глагола в эвенском языке» (ЯФ СО АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории, отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1982. 113 с.). Далее публикуются в этом же издательстве крупные монографии В.А. Роббека: Категория залоговости в эвенском языке (ЯФ СО АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории, отв. ред. Н.И. Гладкова. Л.: Наука, 1984. 188 с.); Язык эвенов Березовки (ЯФ СО АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории, отв. ред. Н.И. Гладкова. Л.: Наука, 1989. 205 с.).

В 1992 г. в Санкт-Петербурге В.А. Роббек публикует монографию «Грамматические категории эвенского глагола» (ЯФ СО АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории, отв. ред. Д.М. Насилов. СПб.: Наука, 1992. 166 с.) и в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте». Начинается путь в большую науку, неведомыми путями, неизведанными тропами; этой дороге ученый-исследователь В.А. Роббек был верен до конца своей жизни, много сделав как в области академической науки, так и в прикладных научно-методических работах.

Совершенно неисследованной областью вклада В.А. Роббека в науку остается его кипучая деятельность в учебно-методической работе, издании учебно-методического комплекса для эвенских школ, педучилищ и вузов. Будучи заведующим кафедрой северной филологии Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова (ныне СВФУ им. М.К. Аммосова), он много сделал в подготовке программ, курсов лекций, учебников и учебных пособий, в том числе по эвенскому языку и фольклору. Как автор концепций «Проблемы сохранения и развития языков народов Севера на период 1991-2005 гг.» (Якутск, 1988. 36 с.), «Развитие языков народностей Севера» (1990), «Языковая политика» (1991, 1993), «К концепции национальной школы народов Крайнего Севера» (1992), «Возрождение и развитие эвенской национальной школы» (1993), «Проблемы сохранения и развития языков арктических народов РФ» (1994) и многих своих статьях, выступлениях и докладах он актуализировал в теории и реализовал на практике основные базовые положения политики в области языкового строительства, сохранения и развития языков народов Арктики.

В.А. Роббек – автор многих учебников, пособий и словарей для эвенских школ. В соавторстве с В.И. Цинциус, К.А. Новиковой, Х.И. Дуткиным, Н.И. Гладковой, М.Е. Роббек и другими авторами им подготовлен и издан в Ленинградском отделении издательства “Просвещение” почти весь комплекс пособий, начиная с добукварного периода обучения, заканчивая школьным и для ССУЗов и вузов. До сих пор перед глазами наши теплые встречи с редакторами Северной редакции издательства «Просвещение» в Доме книги на Невском проспекте, а позже и на Литейном проспекте Санкт-Петербурга. Старейшие редакторы Нина Ивановна Гладкова, Зоя Ивановна Ковалева, а позже их молодые коллеги, носители языков, такие как Евгения Егоровна Беглова (Балаганчик) внесли значительный вклад в дело издания учебной литературы для школ Севера.

Многие годы дружбы и сотрудничества связывали наши семьи. Василий Афанасьевич был хорошим семьянином, много внимания уделял своим детям и внукам, обязательно покупал им подарки и сувениры. Неоднократно останавливаясь у нас вместе с Х.И. Дуткиным, прогуливаясь по микрорайону Маршала Казакова Красносельского района Санкт-Петербурга мимо семнадцатизэтажных высотных домов, он говорил Христофору Иннокентьевичу: «Как высоки эти дома, как наши горы...». Часто объявлялись задержки рейсов самолетов, и мы снова ехали домой с рюкзаками... Это было в трудные годы перестройки. Вместе с тем Василий Афанасьевич всегда был большим оптимистом, мог вовремя дать мудрый совет, поддержать не только словом, но и реальным делом.

Много сделал В.А. Роббек и для подготовки научных кадров. При его помощи и поддержке защитили свои диссертационные исследования ныне успешно работающие В.Г. Белолобская, А.В. Кривошапкин, А.А. Винокурова и другие. Только в диссертационном совете Д.212.199.09 при Институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена защитилось несколько его аспирантов: Р.П. Кузьмина, Е.В. Нестерова, Г.В. Роббек, С.Н. Саввинова, И.И. Садовникова.

Василий Афанасьевич и Мария Егоровна очень любили Ленинград-Санкт-Петербург, город их студенческой любви. Часто приезжали в гости, очень дорожили дружбой с ленинградцами. Нина Ивановна Гладкова, наш учитель, ветеран Великой Отечественной войны, блокадница, ее супруг Феликс Брониславович Барановский, тоже ветеран войны и труда, жили в Пушкине – бывшем Царском Селе, и мы часто гуляли вместе по аллеям и паркам этого очень красивого города. Когда был юбилей Нины Ивановны, Василий Афанасьевич инициировал издание в ее честь сборника научных трудов, а еще при ее жизни опубликовал диссертацию учителя в виде научной монографии без купюр. Верными свидетелями наших встреч были кот Пуська и пес Бимка, закадычные друзья Нины Ивановны.

Были мы в гостях и у хлебосольной семьи Таксами Чунера Михайловича, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РС(Я), профессора, директора Кунсткамеры, и ее супруги Ольги Петровны Астраханцевой. Здесь шли глубокоиинтеллектуальные беседы о судьбах народов Севера, о судьбах страны.

Дружили они и с семьей Семов Юрия Александровича и Лидии Ивановны, известных ученых-североведов. Ю.А.Сем – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой языков, фольклора и литературы РГПУ им. А.И. Герцена, нанаевед, а супруга, Лидия Ивановна, преподавала ульчский, нанайский, орокский, удэгейский языки. Дочь, Татьяна Юрьевна Сем, – к.и.н., этнограф, с.н.с. Российского этнографического музея. Как-то раз собрались Василий Афанасьевич, Мария Егоровна и Христофор Иннокентьевич Дуткин в гости к Семам, а в комнате, где они сидели, – подозрительная тишина... Заглядываю к ним и вижу картину: двое мужчин растягивают дипломат (в нем документы и книги), а Мария Егоровна «расшифровывает» захлопнувшийся нечаянно кодовый замок дипломата. И что вы думаете? Сильна герценовская математическая школа! Мария Егоровна открыла дипломат. Вот радости-о было!

Незабываемо счастливыми запомнилась супружеская чета Роббеков, когда они вернулись с праздничных торжеств в честь 300-летия Санкт-Петербурга. В числе почетных гостей города они присутствовали на праздновании в ложе Гостиного двора на Невском проспекте, а вечером смотрели большой праздничный фейерверк на Неве.

Конечно, многое хотелось бы рассказать о Василие Афанасьевиче, великом патриоте Севера, истинном гражданине России. Со временем его образ отдаляется от нас, но тем ближе и крупным планом встает его скромная фигура, оставившая неизгладимый след в истории отечественного североведения.

Светлана ЧЕРНЫШОВА

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ
ТАНЦЕВАЛЬНО-ПЛАСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА**

**INTERCULTURAL INTERACTION AS A FACTOR IN THE MODERN DEVELOPMENT
OF DANCING-PLASTIC CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH**

В статье сопоставляются и выявляются этнорегиональные особенности и типологические черты традиционной танцевально-пластической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, возникшие в процессе межкультурных взаимодействий этих народов, а также приводятся некоторые примеры развития современной танцевальной культуры у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в процессе заимствования танцевальной пластики.

Ключевые слова: танцевально-пластическая культура, межкультурные взаимодействия, художественная коммуникация, культурно-исторический процесс, интерпретация танцевальной пластики, реконструкция танцевального фольклора, трансляция искусства.

The article compares and identifies the ethno-regional peculiarities and typology lines of traditional dancing-plastic culture of native small in numbers people of North, Siberia and Far East arising up in the process of cross-cultural cooperations of these people, and also some examples of development of modern dancing culture are made at the people of North, Siberia and Far East in the process of borrowing of the dancing plastic arts.

Keywords: dancing-plastic culture, intercultural interaction, artistic communication, cultural and historical process, interpretation of the dancing plastic arts, reconstruction of dancing folklore, translation of art.

Процесс обмена между этническими общностями продуктами их культурной деятельности, духовными и материальными ценностями является важным условием существования и дальнейшего развития традиционной культуры. Собственно это и является основным содержанием межкультурной коммуникации или межкультурного взаимодействия. Значение танцевального искусства в процессах межкультурного взаимодействия изучалось многими российскими исследователями. Это научные исследования Аркиной Н.Е., Атитановой Н.В., Бурнаева А.Г., Давыдовой И.С., Жиленко М.Н., Жорницкой М.Я., Карабановой С.Ф., Кириллова А.П., Королёвой Э.А., Лёвоч-

киной Н.А., Луговой Е.К. и многих других. Танец выступает важнейшим средством художественной коммуникации, средством связи между людьми. Например, проживая на огромных расстояниях друг от друга и имея свою собственную систему жизнеобеспечения, коренные северные народы при этом обнаруживают некоторые сходства и в языке, и в традиционной культуре, и в быте, и фольклоре и т.п. Эти сходства складывались и на основе генетических контактов, и на основе конвергентности этносоциумов и культур на разных исторических этапах их развития.

Изучение процессов межкультурных контактов и взаимодействий коренных малочисленных северных народов в пределах одного региона и на межрегиональном уровне позволяет сопоставить и выявить этнорегиональные особенности и типологические черты в их художественных традициях, в данном случае в традиционной танцевально-пластической культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [1].

Обращение к конкретному материалу традиционной танцевальной культуры даёт возможность более глубоко анализировать и понимать проблему соотношения общего и особенного в культурно-историческом процессе, увидеть особенности их проявления в данной области творческой деятельности, углубить понимание механизмов становления, функционирования и изменения культурного пространства.

Влияние процессов межкультурного взаимодействия на развитие танцевально-пластической культуры очень ярко проявляется, например, у коренных малочисленных народов, населяющих Чукотский автономный округ (эскимосов, чукчей, коряков, юкагиров, эвенов). В основе чукотского и корякского танцевального искусства лежит единый пласт, в котором прослеживаются общие устойчивые специфические танцевальные элементы. В развитии народного искусства чукчей и эскимосов, по мнению В.А. Лыткина, «большое значение имеет их взаимное влияние друг на друга. Живя с древнейших времён по соседству, постоянно общаясь между собой, они обменивались не только продуктами и орудиями своего труда, но и культурными ценностями» [2]. Эскимосскому танцевальному фольклору присущ свой традиционный набор средств выразительности в танцах-пантомимах, в которых в пантомимических, подражательных элементах изображается окружающий мир (природные явления: море, волны, торосы, скалы; характер поведения морских животных и птиц; трудовой и бытовой жизни людей и т.д.). Длительные культурные взаимодействия и эскимосов, и чукчей оказали значительное влияние на их танцевально-пластическую культуру. Влияние эскимосской танцевальной культуры отразилось на традиционной пластике приморских, оседлых чукчей. «Близость танцевальных приёмов и характерных особенностей танцев, – отмечала Л.Я. Жорницкая, – у различных народов может наряду с другими свидетельствами служить важным дополнительным аргументом для суждения в историко-этнографическом плане о близости или отдалённости сопоставляемых народных культур, а также о прошлых контактах и этнических взаимосвязях между народами» [3].

В качестве примера можно привести хороводные танцы «Ёхорьё» у эвенов и «Хедьэ» у эвенов. В основе большинства традиционных эвенских, эвенкийских танцев

лежит хоровод, исполнявшийся по ходу часовой стрелки, повторяющий естественное движение солнца. Так как это близкие народы, то и танцевальная пластика, рисунок и манера исполнения танца схожи. Взаимосвязи с соседствующими народами не могли пройти бесследно. Так, в танце того или иного народа можно обнаружить признаки взаимодействия с танцами других этносов.

Выявляя значение межкультурных взаимодействий на развитие танцевально-пластической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, необходимо обратить внимание на их характерные особенности, сложившиеся в силу определённых исторических, географических, экономических и социальных условий. К таким характерным особенностям можно отнести, например, процесс, который связан со стремлением сохранить и развить особенности танцевальной пластики своего народа путём корректного заимствования танцевальных элементов и форм танца иной этнической группы.

Ярким примером служит танцевально-пластическая культура эвенов, в которой отчётливо выделяются танцевальные элементы, навеянные чукотскими, корякскими и якутскими национальными мотивами. Например, тесно соседствуя с чукчами (Чукотский автономный округ и Республика Саха (Якутия)), эвены заимствовали у них манеру исполнения имитационно-подражательных танцев с использованием традиционного горлохрипения. В хороводном и парном танцах эвенов, проживающих в Верхоянском и Момском районах Республики Саха (Якутия), отчётливо заметно якутское влияние» [4]. А, живя в тесном контакте с коряками (Камчатский край), они заимствовали некоторые элементы их танцевальной пластики – это своеобразные энергичные движения головы, плеч, рук, бёдер. Все эти танцевальные элементы трансформировались в танцах эвенов, став органичным компонентом их танцевально-пластической культуры.

Следующей особенностью межкультурного взаимодействия является процесс, результатом которого становится применение народом наиболее понравившихся танцевальных движений иной этнической группы и утрачивание при этом своих. «Заимствуемые» у соседей танцевальные движения, обычно перерабатываются и видоизменяются по мере того, как встраиваются в уже существующую культурную систему. Однако некоторые коллективы Севера (Якутии, Таймыра, Ненецкого автономного округа и Ямало-Ненецкого автономного округа), заимствуя танцевальную пластику палеоазиатских народов, не пытаются расшифровать семантику их движений, адаптировать их к своей танцевальной традиции. Т.е., не стараясь сохранить исполнительский стиль, манеру движения, художественные и национальные особенности, они просто «внедряют» их в свою танцевальную практику, порой игнорируя их содержание, смысл и назначение. Например, у некоторых танцевальных ненецких коллективов наблюдается тенденция использования в своей танцевальной практике пластических движений палеоазиатских народов (чукчей, коряков, ительменов), при этом не воссоздаются собственно аутентичные ненецкие танцы. Характерно то, что исполнители таких танцевальных композиций порою не знают семантику заимствованной традиционной пластики. В результате получается набор наиболее ярких

по характеру танцевальных движений, лишённый смысловой и функциональной нагрузки.

Интересен также процесс, связанный с возможностью реконструкции «исходных», наиболее аутентичных танцевально-пластических элементов своего народа, путём изучения опыта трансляции традиционного танцевального искусства другого народа. Здесь можно говорить об инновационности. По мнению Г.В. Бурцевой, «инновационность как один из принципов педагогики для практиков-руководителей хореографических коллективов явление не новое. Давно известно, что основной смысл понятия «инновация» в хореографическом творчестве состоит в создании и распространении художественных проектов, преобразований и изменении содержания профессиональной деятельности, способов и приёмов хореографического мышления. К этому также следует отнести самобытность, оригинальность, готовность воспринимать перемены в области искусства, внедрять творческие идеи в сознание зрителей, в хореографическую практику. Благодаря проявлению в профессиональной деятельности такого рода действий специалиста-хореографа идёт накопление социокультурного творческого опыта, который обуславливает развитие и прогресс в хореографическом искусстве» [5].

В другой ситуации источником информации служат очень часто современные интерпретации, часто очень далёкие от аутентичных основ и основанные на внесении в традиционный танец элементов классической или современной хореографии. Практика самодеятельного танцевального искусства показывает, что наиболее ходовые приёмы и штампы профессиональной сценической хореографии оказывают серьёзное воздействие на мышление народных исполнителей, заставляя их иногда даже отказываться от пришедших из прошлого традиционных пластических решений. Это касается, в частности, и многих танцевальных коллективов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В многолетней практике фольклорных коллективов народов Севера наблюдаются две основные особенности существования танцевальных и музыкальных традиций: в их собственной естественной среде и в сценическом искусстве. Первая из них связана с попыткой максимально точного этнографического воспроизведения материала. К этой группе относятся этнографические коллективы, участники которых исполняют аутентичный танцевальный и музыкальный фольклор той географической местности, где проживают они сами. Они реконструируют фольклор того или иного народа путём воссоздания живых традиций или, если они уже не функционируют, на основе изучения имеющихся материалов. Вторая особенность определяется потребностью сценического показа фольклорного материала, позволяющего выводить его в широкий культурный контекст, делать доступным для представителей других культур. К этой группе относят самодеятельные коллективы, которые строят свою творческую деятельность на принципах художественной обработки, разработки и стилизации фольклора [6, 7].

Таким образом, танцевально-пластическая культура коренных малочисленных северных народов заслуживает самого серьёзного исследовательского внимания не только в историко-этнографическом плане. Такое исследование может серьёзно по-

мочь в осмыслении современной культуры, для которой характерны сложные, разнородные этнокультурные контакты и взаимодействия.

Литература

1. *Чернышова, С.Л.* Традиционная танцевально-пластическая культура как объект культурологического анализа (на материале народов крайнего Севера) / С.Л. Чернышова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 23 (54): Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – С. 251-256.
2. *Лыткин, В.А.* Новая жизнь – новые песни. Современная национальная музыка Чукотки и пути её развития / В.А. Лыткин. – Магадан : Магаданское книжное изд-во, 1970. – С. 95-96.
3. *Жорницкая, М.Я.* Состояние и задачи изучения народного хореографического искусства в СССР / М.Я. Жорницкая // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). – М., 1973. – С. 15-16.
4. *Жорницкая, М.Я.* Народные танцы Якутии / М.Я. Жорницкая. – М., 1966. – С. 81-82.
5. *Бурцева, Г.В.* О новой модели профессионального хореографического образования / Г.В. Бурцева // Культурная традиция и современный танец в образовательном хореографическом пространстве сибирского региона. – Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2006. – С. 92.
6. *Чернышова, С.Л.* Творческое переосмысление традиционной танцевальной культуры народов Севера (к 100-летию со дня рождения Т.Ф. Петровой-Бытовой) / С.Л. Чернышова // Реальность этноса. Образование как фактор устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К 80-летию Института народов Севера : сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20-23 мая 2010 г.) : в 2 ч. – Ч. 1. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 47-50.
7. *Давыдова, И.С.* Фольклорный театр-студия «Северное сияние»: этнокультурологическая концепция сохранения и актуализации фольклора народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / И.С. Давыдова, И.Л. Набок, С.Л. Чернышова // Североведческая наука и образование в перспективе XXI века : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб., 2006. – С. 137-143.

Сардана ШАРИНА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ЭВЕНОВ

LINGUISTIC FACTS OF ETHNOCULTURAL RELATIONS OF THE EVENS

В статье предпринимается попытка анализа материализации процессов пресечения культурных границ, межкультурных взаимодействий, выражаемых в языке эвенов, в функционировании эвенского языка у эвенов-билингвов. Раскрывается лингвистический аспект различных социокультурных процессов.

Ключевые слова: эвенский язык, межкультурные взаимодействия, интерференция, заимствования.

The analysis of materialization of the processes of the suppression of the cultural boundaries and cross-cultural interactions expressing in the functioning of the Even language by the bilingual Evens attempts in the article. The linguistic aspect of various socio-cultural processes reveals.

Keywords: the Even language, intercultural interaction, interaction, interference, borrowing.

Проблема этногенеза тунгусо-маньчжуров, этническая история тунгусской группы, формирование предков севернотунгусских народов является предметом научных изысканий многих исследователей, тем не менее до сих пор среди исследователей нет единого мнения об их происхождении. В настоящее время сложились две концепции этногенеза севернотунгусских народов, первая из них известна как прибайкальская теория этногенеза тунгусов, вторая точка зрения смещает предполагаемую прародину тунгусов на юго-восток – Дунбэй (Маньчжурия) и Средний Амур. Имеющиеся данные археологии и палеоантропологии не дают основания выделять тунгусов или их предков древними насельниками Сибири. Исследователи предполагают, что предки тунгусов – увани – выходцы с юга, оказались в Забайкалье и Приамурье, отделившись от народа хи под давлением со стороны лесостепных соседей [З. С. 16]. Так, характерное для всех тунгусо-маньчжурских языков большое число монголизмов (определяемые как стародавние заимствования) можно объяснить их ранними тесными контактами с монголами.

В настоящее время тунгусо-маньчжурские народы, к которым относятся и эвены, расселены на огромном ареале от Енисея до Охотского моря. Эвенами же освоена северо-восточная часть указанного пространства. Данная территория является

областью культурного и экономического взаимодействия разных народов на протяжении многих столетий. Северо-Восток Азии – регион с уникальными природно-климатическими, экологическими условиями, где в результате сложных этногенетических процессов сформировались определенные этнические общности с присущими им антропологическими особенностями, со своеобразной системой природопользования, этнографическим комплексом, собственными языками и самосознанием. Начало освоения тунгусами тундры Северо-Восточной Якутии датируется XII – началом XIII вв. В процессе исхода на север тунгусы ассимилировали аборигенные племена: коряков и юкагиров. В фольклоре эвенов сохранилось немало сюжетов о военных столкновениях с коряками, но впоследствии вражда уступила место культурному взаимодействию с коряками, часть эвенов Охотского побережья переняла палеоазиатскую культуру. Так, эвены, будучи включенными в массив иных культур, становятся субъектами различных социокультурных процессов, межкультурных взаимодействий, что находит отражение почти на всех уровнях языка эвенов.

Численность эвенов, по данным Всероссийской переписи 2010 г., составляет 21830 человек. Динамика численности такова: в 1959 г. эвенов насчитывалось 9121 человек, в 1970 г. – 12029 человек, в 1979 г. – 12529 человек, в 1989 г. – 17199 человек, в 2002 г. – 19071. По данным переписей населения, в 1959 г. родным языком считали эвенский язык 77,5% эвенов, в 1989 г. – 43,8%, в 2002 г. – 37,6%, в 2010 г. – 25,9 %. Снижение количества лиц, считающих родным языком язык своего этноса, связано с распространением русского языка как языка межэтнического общения повсеместно в районах проживания эвенов, а также распространения якутского языка как языка титульного этноса Республики Саха (Якутия), который обладает большей престижностью и также является средством межэтнической коммуникации в этой республике.

В настоящее время эвены проживают в шести административно-территориальных образованиях Российской Федерации: в Магаданской области – в Ольском, Северо-Эвенском, Среднеканском, Сусуманском, Тенькинском районах и г. Магадане; в Хабаровском крае – в Охотском районе; в Чукотском автономном округе – в Анадырском, Билибинском районах и г. Анадыре; в Камчатской области – в Быстринском районе, в Корякском автономном округе – в Олюторском, Пенжинском и Тигильском районах и пос. Палана; в Республике Саха (Якутия) – в Абыйском, Аллаиховском, Булунском, Верхнеколымском, Верхоянском, Кобяйском, Момском, Нижнеколымском, Оймяконском, Среднеколымском, Томпонском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском улусах.

Состав диалектов и говоров эвенского языка до настоящего времени полностью не выявлен. В настоящее время известны 3 классификации эвенских диалектов и говоров, существенно отличающихся и по составу, и по их номенклатуре, которые требуют уточнений и дополнений по неизвестным и новым материалам, поскольку появляются новые данные, полученные в результате полевых исследований ранее не описанных говоров эвенского языка. По языку ряда территориальных групп эвенов существуют только отрывочные сведения и наблюдения, это касается, в первую очередь, говоров и диалектов эвенов Якутии. На сегодня хорошо изучен лишь вос-

точный ареал проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край), на территории же Якутии диалектологические исследования далеки от завершения. Поэтому характеристика говоров и диалектов эвенов Якутии, выявление ареала распространения, лингвистических особенностей, систематизация и классификация имеющихся данных, отличающих данные языковые формации друг от друга, имеет большое значение для описания исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера. При этом важно учесть специфику функционирования языка в современных условиях. Для большинства эвенов Якутии исторически характерно эвенско-якутское двуязычие, а в XX в. – эвенско-якутско-русское трехязычие. Например, среди представителей ламунхинской группы эвенов, проживающих в с. Себян-Кюель Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия), уровень владения родным языком довольно высок, однако в повседневной речи все они используют якутский и русский языки. Для отдельных улусов, таких как Нижнеколымский, характерно многоязычие, выраженное в распространении эвенского, юкагирского, чукотского и якутского языков и диалекта русских старожилов-колымчан за пределами соответствующих этносов.

В 30-е гг. XX столетия был положен письменный эвенский язык на основе ольского говора (от названия поселка Ола Ольского района Магаданской области), распространенного по всему Охотскому побережью, по верхнему и среднему течению реки Колымы, на Чукотке. С этим же говором сближается язык эвенов Улахан-Чистайского наслега Момского района Якутии [4. С. 109-110].

Исследователями отмечаются следующие черты в области лексики данной языковой формации:

- относительная редкость заимствований из якутского языка;
- присутствие корякских заимствований в результате межкультурных взаимодействий эвенов с коряками: атват «долбленая лодка» (< коряк. г`ытвэт), уткучэн «капкан, мышеловка» (< коряк. уткучг`ын), конайтэ « меховые брюки» (< коряк. конайтэ), око:нчи «плащ-дождевик» (< коряк. уккэнчи), кэнкэр «шест для понукания оленей при езде на нартах» (< коряк. кэнкэл), мункэл «застежка в упряжи» (< коряк. мумкыл) и др. [1. С. 72].

В эвенском языке редко встречаются и слова эскимосского происхождения: в арманском диалекте слово тумтий «звезда» соотносится с эскимосским тунту «Большая Медведица» [1. С. 83].

Диалекты и говоры эвенов Якутии характеризуются наличием своеобразных фонетических черт, отличающих их от диалектов эвенов Магаданской области, Камчатки, Хабаровского края, Чукотки и Корякии. Ряд таких черт может рассматриваться как прямое влияние якутского языка – например, переход инлаутного сибиллянта [с] в фарингальный [h]: аналогичный переход характерен для якутского языка (сарсын/һарсын `вчера`, осикат/оһикат `звезда`). В якутской же речи билингвов-ламунхинцев в анлаутной позиции отмечается широкое употребление фарингального [h] вместо спирантного [с]: һынтага от як. сынтаҕар «курносый, вздернутый», һайын от як. сайын «лето, летом», һибэкки от як. сибэкки «цветок», һегэн от як. сизгэн «росомаха», һеп от як. сизеп «карман», һол от як. суол «след», һылас от як. сылаас «тепло, теплый» и др.

Для носителей эвенских диалектов Якутии, владеющих якутским языком, в особенности для молодежи, характерно интенсивное влияние якутской фонетики на звуковую строй эвенского языка, в их произношении дифтонгируются эвенские долгие гласные, переднерядный гласный [э] заменяется якутским гласным [э], имеющим значительно более переднюю артикуляцию, переднерядный гласный [у] заменяется также значительно более продвинутым вперед, нежели эвенский гласный, звуком, похожим на якутский [Y]».

Наличие в русском языке фонемы [ы] и заднерядного гласного [ы] в якутском языке при отсутствии сходных звукотипов в эвенском обусловило ассоциации с этими гласными редуцированных оттенков кратких гласных [а] и [э] в непервых слогах эвенских слов, хотя данные гласные не являются ни реализациями одной особой фонемы, ни оттенками двух фонем – это всего лишь позиционные оттенки кратких гласных [а] и [э] (эвыһыл вместо эвэһэл «эвены», амтылкан вместо амталкан «вкусный»). Обратное воздействие эвенского языка на якутский язык отмечается в речи билингов. У старшего поколения эвенов якутский [Y] заменяется переднерядным гласным [у]. Щелевой заднеязычный глухой [x] заменяется смычным глухим [к] (барекка-кэлеккэ вместо барыаха-кэлиэххэ, досл. «уходить-приходить, не оставаться на одном месте»). Смычный и щелевой звонкий заднеязычный [ɣ] ассоциируется со звонким заднеязычным [г] (доҕор-догор «друг», бэҕэһээ-бэгэһээ «вчера», баҕар-багар «может быть»).

Воздействие эвенского языка на русскую речь якутских эвенов минимально, можно отметить только произношение русской аффрикаты [ч] как [т'] и замену аффрикаты [ц] щелевым [с] даже в позиции начала слова. В русской речи эвеноязычные информанты иногда выговаривают переднеязычный [л] как [л']. То же можно сказать про сонорный губной [w], которым заменяется звук [в].

В языке якутских эвенов отмечается большая частотность лексических заимствований из русского, якутского, и, отчасти из юкагирского языков. Заимствования в большей массе составляют лексические варианты, то есть разные обозначения одного и того же понятия – явление, которое может быть присуще языковой формации и быть терпимым; помимо всего прочего, лексические варианты могут составлять отдельный тип или части синонимических рядов слов (школа, но хупкучэк «школа»; рабочайил, но гургэвчимнэл «рабочие»).

В крайне-западных говорах эвенского языка (аллаиховский, нижнеколымский) функционируют юкагирские заимствования, например: налима «нарта», амун «кость», киэ «друг, товарищ», сакла «сова» и др. [2. С. 74].

В говорах эвенов Якутии отмечаются и случаи интерференции на морфемном уровне: не используется направительно-местный (-кла/-клэ) и направительно-продольный (-кли) падежи. Их значение, равно как и в якутском, передается с помощью послелогов хат, холи «около, вблизи»: Дётис хатлин орчакаар онкогарар. «Около наледи много оленей паслось». Во всех западных говорах эвенского языка отмечается отсутствие формы 1 лица множественного числа бу «мы (без вас)» (исключительная форма). Характерно также отсутствие словообразовательного суффикса -с для обозначения шкуры зверя, как и в якутском языке, используется словосочетание (уямкас – уямкан нандан «шкура горного барана», хуличас – хуличан нандан «шкура лисы»).

На синтаксическом уровне в эвенском языке интерференция проявляется в отсутствии согласования определения с определяемым в падеже и числе, равно как и в якутском: Бэргэ буюр төнэр далилин елтэниэтэн. «Жирные дикие олени прошли вдоль озера». Акму надан хусилбу эмун. «Старший брат семь гусей принес».

В языке северных якутов используется эвенский суффикс субъективной оценки -ндя с оттенком увеличения (хайандьаа «большая гора», киһиндьээ «большой человек, человечество»), суффикс -кан/-чан с оттенком уменьшительности. Это явление наблюдается и в якутской речи эвенков, где суффиксы -ндя, -чан активно функционируют. Также в северных диалектах якутского языка отмечается довольно значительное количество эвенизмов, в особенности в сфере оленеводства (туруку «сани», ньуобуһут «передовой олень»), рыболовства (чыныгыт «удочка»), охоты (хойобунна тыы «ранить зверя»), природы (уорбат «черная смородина», хабдыы «куропатка»).

Итак, в результате межкультурных взаимодействий эвенков с другими народами в эвенском языке обнаруживаются следующие особенности:

1. Для эвенского языка, как и для других тунгусо-маньчжурских языков, характерно большое число монголизмов, определяемых как стародавние заимствования.

2. У определенных территориальных групп эвенков в области лексики отмечается большая частотность лексических заимствований из русского, якутского языков.

3. В восточных говорах эвенского языка регистрируется бытование незначительного количества корякских заимствований и единичные слова эскимосского происхождения.

4. В крайне-западных говорах эвенского языка обнаруживаются юкагирские лексические заимствования.

5. В эвенских говорах Якутии почти на всех уровнях эвенской языковой системы прослеживается интерференция, которая особенно заметна в фонетике, лексике. Интерференция в данном случае является неизбежным фактором или неким промежуточным уровнем при постепенной утрате языка, что демонстрируют говоры эвенков Якутии различной локализации.

С другой стороны, в результате территориального сближения и тесного этнокультурного взаимодействия в течение длительного времени народы Северо-Востока Азии демонстрируют способность к продуктивному сотрудничеству и взаимообогащению, насколько это позволяет доминантное общество в силу отсутствия/присутствия их полноценного диалога.

Литература

1. Бурыкин, А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме / А.А. Бурыкин. – СПб., 2004. – 373 с.
2. Дуткин, Х.И. Аллаиховский говор эвенков Якутии / Х.И. Дуткин. – СПб. : Наука, 1995. – 144 с.
3. История и культура эвенков. Историко-этнографические очерки. – СПб. : Наука, 1997. – 180 с.
4. Лебедев, В.Д. Язык эвенков Якутии / В.Д. Лебедев. – Л. : Наука, 1978. – 208 с.

Варвара ТИУНОВА

В.А. РОББЕК – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГРАММАТИКИ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

V.A. ROBBEK – THE RESEARCHER OF GRAMMAR OF EVEN LANGUAGE

В статье рассказывается о вкладе в изучение эвенского языка выдающегося ученого-североведа В.А. Роббека а также совершается краткий обзор научных трудов этого ученого, посвященных грамматике и глаголам эвенского языка. В частности, говорится о труде «Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте», являющемся обобщающим, включившим в себя многолетние исследования грамматических категорий эвенского глагола. Также в статье говорится о фундаментальности научных работ В.А. Роббека и об их актуальности для студентов, преподавателей и исследователей эвенского языка.

Ключевые слова: филология, грамматика, эвенский язык, ученые-североведы, В.А. Роббек.

In this article speaks about contribution to researching of Even language, speaks about northern scientist V.A. Robbek. Performed a brief overview of scientific works of this scientist, which focused on grammar and verbs Even language. Specifically says about labor «Grammatical categories of the Even verb in the functional – semantic aspect». It is a general work, including a many years of study of grammatical categories of Even verb. The article also speaks about the fundamental nature V.A. Robbek's scientific works and their relevance for the students, teachers and researchers of Even language.

Key words: philology, grammar, Evenki Language, North studies, V.A. Robbek.

Заслуженный деятель РС (Я), доктор филологических наук, академик АН РС (Я) и Международной Академии Северного Форума, директор Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН... Талантливый человек талантлив во всем! Глядя на этот список достижений, можно смело говорить, что Василий Афанасьевич Роббек был именно таким человеком.

Как только вы беретесь за изучение тунгусо-маньчжурских языков, в том числе и эвенского, вы всегда сталкиваетесь с фамилией этого ученого. Остается только удивляться тому, сколько сил и труда было вложено в такое количество научных работ и как нужно «гореть» высшей идеей просвещения.

Всего им написано более ста научных трудов, в том числе 15 монографий и учебников, 10 учебно-методических пособий и 5 словарей по эвенскому языку для школ, педучилищ и вузов. Из них 16 трудов посвящены актуальным проблемам коренных малочисленных народов Севера, внесших значительный вклад в североведение [1]. Его труды были переведены на английский язык, и имя его известно не только в России, но и за рубежом. Студенты ИНС РГПУ им. А.И. Герцена также продолжают изучать эвенский язык, пользуясь трудами В.А. Роббека, или трудами, вышедшими под его редакцией, Это, конечно же, его монографии о видах глагола в эвенском языке (1982), о категории залоговости в эвенском языке (1984), о языке эвенов Березовки (1989), грамматических категориях эвенского языка (1992), а также словари и учебники по родному языку.

Его работы по глаголу эвенского языка стали одними из первых трудов, в которых глагол выступает как предмет специального исследования. Именно Василий Афанасьевич, используя свои полевые материалы и литературу на эвенском языке, стал одним из первых ученых, который рассмотрел эту часть речи, как сам он писал, являющуюся центральной и самой сложной во всех отношениях [2]. Помимо него, о глаголах писали также Алексей Алексеевич Бурыйкин («Категория переходности-непереходности глагола в эвенском языке» – кандидатская диссертация, которую он защитил в 1984 г) и Мальчуков Андрей Львович (в 1990 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Структура простого глагольного предложения в эвенском языке»), но именно Василий Афанасьевич посвятил этой части речи большое количество своих работ, которые послужили фундаментом для дальнейшего изучения эвенского языка.

В 2007 г. вышла монография В.А. Роббека «Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте». В ней Василий Афанасьевич обобщает многолетние исследования грамматических категорий эвенского глагола, включающие в себя уникальные языковые данные, привлекает сведения из других тунгусо-маньчжурских языков и использует материалы 14 говоров и диалектов эвенского языка. Работа интересна именно тем, что представляет собой часть уникального проекта «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», выдвинутого Институтом проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Институтом народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена. В этой книге автор рассматривает не только категории глагола эвенского языка, опираясь на теорию функциональной грамматики профессора А.В. Бондарко, но и дает подробную характеристику языка эвенов Березовки. По словам Роббека, язык эвенов Березовки является наиболее цельным, неассимилированным языком одной из групп, что дает возможность показать взаимную обусловленность категорий глагола в системе языка и речи, раскрыть эти грамматические категории в их функционально-семантическом аспекте в отдельно взятом говоре эвенского языка [3]. В работе представлен и фольклор эвенов – нимкана «Нёлтэк», что делает эту монографию уникальным, богатым сборником сведений о языке эвенов и незаменимым инструментом для всех, кто изучает эвенский язык.

О Василии Афанасьевиче была написана и литература, раскрывающая его не только как ученого-североведа, но и как личность. Благодаря таким трудам мы можем понять, что Роббек был потрясающим человеком, который еще в молодости осознал свое предназначение – сохранение, защита и возрождение коренных малочисленных народов Севера. Все его работы – это огромный вклад в историю и культуру не только коренных малочисленных народов, но и всей России.

Благодаря таким ученым, как В.А. Роббек, которые полностью посвящают себя доброй цели, такой как служение своему народу, развивается все общество в целом.

Понимая, с какой самоотдачей работал Василий Афанасьевич, мы, студенты ИНС, с воодушевлением беремся за изучение родных языков, за совершение новых открытий, и мы очень горды тем, что будем заканчивать тот же университет, что когда-то окончил Василий Афанасьевич Роббек.

Литература

1. Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 3 (11) // Роббек Василий Афанасьевич (Некролог) // URL: <http://www.hcprncr.com/journ1110/journ1110person-1.html>
2. *Роббек, В.А.* Виды глагола в эвенском языке / В.А. Роббек. – Л. : Ленингр. отд. изд-ва «Наука», 1982. – С. 3.
3. *Роббек, В.А.* Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте / В.А. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2007. – С. 451.

Мария БЕРЕЛЬТУЕВА

**КОНЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА БАРГУЗИНСКОГО ГОВОРА ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНЫХ ПРАКТИК)**

**HORSE-BREEDERS' VOCABULARY OF THE BARGUZIN DIALECT OF THE EVENKI
LANGAUGE (BASED ON THE CPT)**

Исследуется коневодческая лексика баргузинского говора эвенкийского языка. В результате полевых практик выявлены различные наименования лошади по масти, половозрастные наименования, а также лексика наименований сбруи.

Ключевые слова: эвенкийский язык, баргузинский говор, коневодческая лексика, информанты.

Investigated stud vocabulary Barguzin dialect of Evenk. As a result, field practices identified by different names horse color, age and gender of the name, as well as vocabulary items harness.

Keywords: Evenk language, barguzin speaking, vocabulary stud, informants.

Статья посвящена анализу наименований лошадей в коневодческой лексике баргузинских эвенков, не получившей полного лексикологического и лексикографического описания.

Исследование выполнено на основе материалов, собранных в период учебно-выездных практик в с. Улюнхан Курумканского района Бурятии.

Эвенки разделяются на различные этнические группы, каждая из которых характеризуется специфическими особенностями традиционного хозяйства: орочены (эвенки-оленоводы), мурчены (конные эвенки), ламучеры (береговые или прибайкальские). Прибайкалье и Забайкалье были той областью, где особенно активно проходили процессы формирования тунгусоязычных групп, а также процессы смешения с нетунгусскими народами, так как эвенки находились в течение длительного времени в тесном взаимодействии с тюркоязычными и монголоязычными народами, основным занятием которых было скотоводство, в частности, коневодство. Группы конных тунгусов также с древних времен занимались разведением домашнего скота.

Баргузинские эвенки – представители конных тунгусов – являются потомками аборигенного населения Баргузинской долины. Рассматриваемая нами этническая группа баргузинских эвенков имеет два самоназвания – эвенки и мурчены. Первое из них восходит к древнему этнониму эвен, второе – более позднего происхождения

и связано с одним из традиционных занятий этой группы эвенков – коневодством (от эвенк. *мурин* – конь).

Лошадь – одна из первых домашних животных древних скотоводов и название ее «морин ~ мурин» имеет параллели во всех монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Оно возводится к единому прототипу *morin* [3. С. 68]. В научной литературе существует несколько точек зрения на исходность этой формы. Одна из них – данная форма является монгольской, а тунгусо-маньчжурская заимствована у монголов [4. С. 180]. По мнению других, тунгусо-маньчжурское, монгольское, корейское наименование лошади, коня является общеалтайским, восходящим к единому прототипу *morin* [3. С. 68]. Мы находим языковые факты, подтверждающие вторую версию, не только в эвенкийском языке, но и в других тунгусо-маньчжурских языках и их диалектах, в которых это слово образует большие гнезда производных слов. Среди них *мурды* – деревянное изображение коня, которое возлагалось на могилу некоторыми группами эвенков, *мурикса* – конская шкура, *мурилкан* ~ *мурлан* ~ *мурчен* – имеющий коня, конный. Сравнить с монг. *морьтой*, бур. *моритой* имеющий коня, с конем, монг., бур. *морирхуу* – похожий на лошадь, вроде лошади и т.д. [1. С. 490-491]. Также имеются историко-этнографические и археологические данные, свидетельствующие об исконности этого вида хозяйственной деятельности конных тунгусов. С лошадью у них связаны древние верования, обряды. Например, в середине XVII в. Идес Избрант писал о конных тунгусах Еравнинского острога, что «возле могилы они воздвигают столб, у которого убивают и кладут лучшую лошадь покойного» [2. С. 12]. Также известно, что в старину баргузинские тунгусы шкуру лошади с головой и ногами развешивали над могилой, а мясо, изрубив в мелкие части, бросали на съедение птицам и собакам. Сравнить: у эвенков-оленоводов так было принято делать со шкурой оленя.

Общеалтайские корни прослеживаются в наименованиях жеребца: (*адирга* эвенк., *азирхан* маньч., *азарга* ~ *азрага* монг., *азарга* бур.), мерина (*хакта* ~ *акта* тунг.-маньч., *агт* монг., *агта* ~ *акта* тюрк.), теленка (*тукучан* тунг.-маньч., *тугал* монг., бур., *туһл* калм.).

В языке баргузинских эвенков имеются наименования лошади по масти, полорожденные наименования, а также лексика наименований сбруи.

В ходе учебно-выездных практик в Курумканском районе у баргузинских эвенков нами были выявлены многочисленные наименования, относящиеся к лошади:

а) названия лошади по возрасту: *мурин* – лошадь, *акта* – мерин, *адирга* – жеребец, *гог* – кобыла, *унукан* – жеребенок до 6 месяцев, *дакан* – жеребенок до 1 года, *чарпер* – жеребенок до 2 лет, *тунтугур* – жеребенок до 3-х лет, *дунун* – жеребенок до 4 лет;

б) наименования по масти: *алаг* – пегий, *багдама* – белый, *буро* – желтый, *бурул* – чалый, *дёрдо* – рыжий, *кара* – вороной, черный, *кэер* – гнедой, *конгор*, *коор* – соловый, *кула* – саврасый, *курин* – в яблоках, *чавидар* – игрневый, *чокур* – пестрый;

в) наименования упряжи: *тонок* – сбруя, *кадамар* – уздечка, *кадамарни сэлэ* – удила, *куптулга* – попона, *дуроки* – стремя, *гулму* – чепрак, *дюрум* – подпруга, *кудурга* – шлея, *эмэгэн* – седло, *кидэр* – путы, *токум* – потник;

г) наименования лиц по их занятиям, связанным со скотоводством: *авдучен* – скотник-пастух, *адувучен* – табунщик.

Информант М.И. Берельтуева отметила названия этого домашнего животного и по характеру назначения в хозяйственной деятельности: *хортохой мурин* – молодой конь, только что объезженный конь, необученный конь, *катарчи* – рысак, *дыгар* – беговая лошадь, *дирэ* – иноходец, *чинэчи мурин* – богатырский конь, *угучапки мурин* – верховая лошадь, *аченни мурин* – грузовая лошадь, *дирэ* – иноходец. Записали мы также от нее слова, относящиеся к частям тела лошади: *муринги дылин* – голова лошади, *доли* – конская грива, *така* – подкова, *кокчон* – копыто, *сол* – конский хвост, *туһа* – путы для передних ног, *урола* – путы для передней и задней ноги, *укурга* – длинная веревка.

Нами продолжается работа по этимологии слов, выявлению исконных эвенкийских и тунгусо-маньчжурских наименований, связанных с коневодством, а также заимствований из монгольского и бурятского языков, проникших в эвенкийский язык в разные исторические периоды.

Информант: Берельтуева М.И., 1938 г.р., уроженка с. Улюнхан Курумканского района Республики Бурятия.

Научный руководитель: к. филол.н., доцент Е.Ф. Афанасьева.

Литература

1. *Афанасьева, Е.Ф.* Монгольские заимствования в эвенкийском языке / Е.Ф. Афанасьева // Чингисхан и судьбы народов Евразии : матер. межд. конф. – Улан-Удэ, 2003. – С.489-493.
2. Из глубины веков... Путешественники, исследователи об эвенков / Сост. Е.Ф. Афанасьева. – Улан-Удэ : Бэлиг, 2009.
3. *Новикова, В.А.* Наименования домашних животных в тунгусо- маньчжурских языках / В.А. Новикова // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С. 53-134.
4. *Санжеев, Г.Д.* Маньчжуро-монгольские языковые параллели / Г.Д. Санжеев // ИАН, отд. гуманитарных наук. – 1930. – № 9.

Дарья ВАЧЕЛАНОВА

ИМЕНА БАРГУЗИНСКИХ ЭВЕНКОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

NAMES OF THE BARGUZIN EVENKIES: THE PAST AND THE PRESENT

На материале учебных практик исследуются имена баргузинских эвенков. Выявлены имена эвенков, употреблявшиеся в начале XX века, также имена современных эвенков, проживающих в местах компактного проживания баргузинских эвенков.

Ключевые слова: эвенки, баргузинские эвенки, личные имена.

On a material of educational practices are investigated names Barguzin Evenki. Revealed the names of the Evenki, which were used in the early twentieth century, the names of modern Evenki living in areas where Barguzin Evenki.

Keywords: Evenk Evenk Barguzin, personal names.

Имя играет важную роль в жизни эвенка. Без него он не может существовать. В системе мировоззрения эвенков имя выражает сущность человека, является как бы его частицей. И оно не могло повторяться. Поэтому имя ребенка в большинстве случаев является вообще новым словом. Имя не выбирали заранее, считалось большим табу, а давали его уже родившемуся ребенку. Если его родители нарушали запрет, то злые духи могли убить или навредить ребенку после рождения. В таких случаях на помощь приходили шаманы, которые играли особую роль в жизни своих соплеменников. Они являлись защитниками и посредниками между миром людей и миром духов. Каждый род имел своего шамана. И поэтому в имянаречении баргузинских эвенков участвовали не только близкие родственники, но и шаманы. Для имен использовались названия, явления, признаки всего, что окружало ребенка во время его рождения.

Если рождение ребенка было связано с каким-либо событием, то оно отражалось на выборе имени ребенка. Например, *Куриммадин* (от *курим* – свадьба) – ребенок, родившийся во время подготовки или на самой свадьбе; *Пота* (от *пота* – сумка) – возможно, ребенок родился во время кочевки и его везли в сумке; *Геркен* (от *гирки* – друг) – ребенок, родившийся, когда в доме-чуме гости, друзья; *Дёлбо* (от *долбо* – ночь) – ребенок, родившийся ночью; *Бираул* (от *бира* – река) – ребенок, родившийся возле реки.

Имена также давали по сходству внешностью или характером с каким-либо животным. В этом случае нарекали такими именами, как *Делэки* (от *делэки*) – горностаи; *Куркан* (от *куркан*) – ягненок; *Куликан* (от *куликан*) – змея; *Орочен* (от *орон*) – олень;

Боро (от *боро*) – бычок; *Митчан* (возможно, от мужского *микчан*) – дикая коза, кабарга, мальчик родился с длинными ногами, прыгучий, как коза. Были имена, которые обозначали части тела животных: *Ивул* (от *иел*) – имеющий рога; *Кокчонду* – копыто.

Ребенок мог быть назван в честь родственника, в кого он сильно был похож. Тогда к имени старшего добавляли уменьшительный суффикс *-кан*. Например, *Делэки* – *Делэткэн*, *Куркан* – *Куркаткан*.

Также могли наречь ребенка по его внешности. Например, такие имена, как *Бэридин* (от *бэрдимэ*) – шершавый; *Мукча* (от *мукчэмэ*) – круглый; *Мукту* (от *муктума*) – укороченный (ребенок с рукой без кисти), *Хокочин* (от *хагачан* ~ *хага*) – берестяная коробка, при рождении лицо девочки, возможно, было похоже на такую коробку – квадратное, морщинистое, да еще и грустное, как будто она хочет заплакать.

В именах баргузинских эвенков мы также обнаружили отражение одного из основного вида их хозяйственной деятельности – охоты. Например, *Удаул* (от *удя*) – оставляющий след; *Берелту* (от *бэр*) – лук, лучник.

Кроме приведенных выше имен в нашем словнике также немало и других имен, этимология которых уточняется. Источником информации по имянаречению баргузинских эвенков послужили наши материалы фольклорной и диалектологической практик в селах Алла, Улюнхан Курумканского района и архивы сельских поселений.

Отметим и тот факт, что в конце XVII-XIX вв. в ревизорских сказках и архивах стали появляться среди баргузинских эвенков не только эвенкийские имена, но и бурятские, тибетские. Например, такие имена, как *Цырен*, *Мунко*, *Дулма*, *Цыден*, *Бадма*, *Гарма* и др. Объясняется это тем, что эвенки стали тесно контактировать с бурятами. Например, эвенкийское имя *Ороткон* – «Маленький русский» заимствовано от бурятского «ород» русский + эвенкийский уменьшительно-ласкательный суффикс. На имянаречение эвенков повлиял и буддизм. По настоянию лам эвенки стали соблюдать буддийские каноны и при выборе имени следовали их советам.

Вместе с тем баргузинские эвенки проповедовали не только буддизм, но и православие. Появились имена, как *Микола*, *Макута*, *Лапка*, *Василий*, *Степан*, *Афанасий*. Поэтому в настоящее время среди баргузинских эвенков мы обнаруживаем фамилии *Степанов*, *Николаев*, *Афанасьев* и др., наряду с исконными фамилиями – *Бираулев*, *Вачеланов*, *Берельтуев*, *Мухутаров*, *Делбонов*, *Атакин* и др.

В настоящее время молодые семьи баргузинских эвенков редко используют эвенкийские имена, но вместе с тем они дают своим детям вторые имена, которые употребляются в кругу близких и друзей. Например, *Аялик*, *Олгарик*, *Болгодин*, *Тураки*, *Чипича* и др.

Все заимствованные имена из бурятского и русского языков оформляются по закону эвенкийского слова, т.е. соблюдая гармонию гласных, ассимиляцию согласных. Например, *Бато* (бур.) – *Бату* (эвенк.), *Мунко* (бур.) – *Мунку* (эвенк.), *Прасковья* (рус.) – *Паруска* (эвенк.), *Николай* (рус.) – *Микола* (эвенк.).

В настоящее время словник имен баргузинских эвенков пополняется за счет работы с информантами, продолжается исследование их этимологии.

Научный руководитель к.филол.н., доцент Е.Ф. Афанасьева

УДК 394 (= 512.212)

Мария ДЫРЧИКОВА

**РАСТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ БАРГУЗИНСКИХ ЭВЕНКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНЫХ ПРАКТИК)**

PLANTS IN THE CULTURE OF THE BARGUZIN EVENKIES (BASED ON THE CPT)

Исследуется роль растений в традиционной культуре баргузинских эвенков. В результате учебных практик в местах компактного проживания баргузинских эвенков изучены некоторые лекарственные растения и их наименования.

Ключевые слова: эвенки, баргузинские эвенки, лекарственные растения, информанты.

We investigate the role of plants in traditional culture Barguzin Evenki. As a result of training practices in places of compact residence Barguzin Evenki some medicinal plants and their names.

Keywords: Evenk, Evenk Barguzin, medicinal plants, informants.

Необходимость выживания на лоне природы выработала у эвенков восприятие самих себя как части этой природы. Олицетворение сил природы стало источником формирования образов духов-хозяев природы – гор, озер, рек, матери-земли, неба, планет, созвездий, грозы, молнии, ветра и других предметов и явлений. Разнообразие растений давало и дает возможность эвенкам использовать в своем рационе почти все природные витамины.

В каждой семье имеются необходимые современные лекарства, но все же эвенки предпочитают местные целебные травы. Например, до сих пор широко используются ими кедровый стланик в лечебных целях в виде отвара хвои, ванн при ревматизме, смолу применяют как средство для заживления ран.

Целебные травы лучше воспринимаются организмом, действуют мягко и не дают побочных осложнений. Информант М.К. Елбонова говорит: «Мы, эвенки, живем в тайге среди лечебных трав, и наши предки передали нам опыт – какие травы те или иные болезни человека лечат. Раньше наши предки наблюдали за поведением больных животных, какие травы они поедали, какую воду пили, и этот опыт дает нам знания о целебных свойствах растений и минеральных вод. Поэтому эвенки хорошо знают свойства растений». Вот что Мария Куркановна рассказала о целебных свойствах растений: «Учэлэ сагдыл туги кэнкитын: нантэт мэни нутувки, дьви

һутувки, Һантэвэ кэрчиксэ, уловкил, умиммен. Доду Һукитэду ая) (Раньше старики делали так: брали кору кедра, об которую медведь поцарапал свои когти, и ставили как дымокур. Еще она полезна для желудка, ее нарезали и варили, потом пили как настой). Про чабрец рассказала следующее: «*Гангава Һутувун дюдю овканинҕкитын, Һутувунонҕкитын, бунил дюдук юдатын. Ганга со ая бэе додун, улукса умми* (Богородскую траву ставили как дымокур в дом, чтобы изгнать чертей из него, также использовали при кашле, она была хорошим отхаркивающим средством)». Полынь также полезна в повседневной жизни: «*Гочи эрмэһун со аят Һукитэду, учэлми тар уминҕки. Гочи эрмэһундит унюкучардук, болоскэдук ая сэктэми, увэй овкил*» (Полынь хорошо помогает от диареи. Полынь – хорошее средство против мышей и блох).

Если глубокая рана не затягивается, то кедровая или еловая живица, перемешанная с медвежьим салом и толченой хвоей, – незаменимая мазь. Успокоит нервы кедровый орех. Если охотник не мог достать рукой больное место – на помощь приходила собака. Каждый эвенк знает, что раны или ожог, залезанные собакой, быстрее заживают и не гноятся.

До сих пор эвенки используют мумие (*ингани тоһун* – каменное масло). Оно очень хорошо помогает при переломах, быстрее срачиваются кости. Каменное масло добывается высоко в горах, в труднодоступных местах. При болезни в суставах применяют березовые листья (*чалбан авданналин*). Раньше эвенки вместо чая применяли чагу – березовый нарост (*силтэ*) или иван-чай (*аникта*). Чага также используется как мочегонное средство, а иван-чай содержит много витаминов, в основном его давали пить детям. Чай из листьев брусники (*тыкули авданналин*) обладает мочегонными и вяжущими свойствами. Настой из них используют при мочекаменной болезни, ревматизме, при недержании мочи у детей.

Растения широко применялись и до сих пор применяются при различных обрядах (рождении ребенка, похоронах, очищении и др.), в традиционной эвенкийской кухне.

Эвенки не имели своей письменности, поэтому духовная жизнь их удовлетворялась устной передачей преданий, сказок, загадок, умной шутки, веселого анекдота или тут же на ходу сочиненной песней. В устном народном творчестве у эвенков в основном были темы об окружающей природе, то, что они видели, слышали и чувствовали, и все это было передано из уст в уста.

Эвенки давали названия периодам года по определенным признакам развития животного и растительного мира в течение года. Например, период *илага* соответствует концу мая и началу июня, получил название, когда можно с любого дерева снять кору. *Ирин* у баргузинских эвенков соответствует августу, когда созревали ягоды и различные растения. Это слово означает «зреть, созревать, поспевать».

Также эвенки использовали тему растения в пословицах, загадках, поговорках и приметах. Например, в приметах: «В мороз верхушки деревьев поднимаются – будет тепло, в тайге много рябины – осень дождливой будет, деревья трескаются, будто они пуговицы расстегают, – скоро тепло наступит».

Из принципа единства мира, неотделимости человека от природы вытекал и другой важный момент миропонимания эвенка – миру изначально присуща гармония. Мир устроен не нами, и человек не может безнаказанно менять и переделывать его по своему желанию и усмотрению. У эвенка с раннего возраста воспитывалось уважение ко всему живому, отношение к каждой букашке и былинке как к самому себе. Поэтому в традиционном мировосприятии эвенков вся природа жива, а все предметы, воспринимаемые нами как неживые, для эвенка обладают силой *мусун* – живой силой, силой энергией.

Информант Елбонова М.К., 1930 г.р., жительница с. Алла Курумканского района Республики Бурятия.

УДК 391=512.212(571.54)

Аяна НИКОЛАЕВА

ПРИРОДА В МИРОВОСПРИЯТИИ БАРГУЗИНСКИХ ЭВЕНКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНЫХ ПРАКТИК)

THE NATURE IN THE ATTITUDE OF BARGUZIN EVENK

Рассматриваются вопросы мировосприятия природы баргузинскими эвенками. Вселенная, Буга, человек – в их понимании.

Ключевые слова: баргузинские эвенки, мировосприятие, природа, информанты.

The questions of the nature of attitude Barguzin Evenk. Universe, Bug, people – in their understanding.

Keywords: Barguzin Evenk, attitude, nature, informants.

Долина реки Баргузин располагается на северо-востоке Бурятии, в самом сердце Центральной Азии. Здесь столетиями, сохраняя свою самобытность, проживают эвенки.

Эвенки до сих пор остаются охотниками, рыболовами и собирателями, поэтому сфера природного для них всегда была и есть на первом плане. Так, природа в эвенкийском языке обозначается словом *Буга*.

Слово *Буга* имеет значение «родина», «страна», т.е. место, где эвенк родился и живет. Говорят: «*Бугалавар Нэнэрэ*» – Поехали в свою страну (родину). *Буга* может означать «небо», «небесный свод»: *Бугат коннорин туксулди купуврэн* – Небо обложилось темными тучами. *Буга* – это также «земля», «место»: *Куһикит буга* – Место битвы. *Буга* имеет значение «погода»: «*О, эр бугат он оллан?*» – Ой, что случилось с погодой? Но основополагающее значение слова *Буга* в системе мировоззрения эвенков – «вселенная», «мир», «космос».

Эвенки делят Вселенную на три мира: *верхний мир*, соответствующий истоку (*угу буга* или *угу дуннэ*), есть мир душ, предназначенных родиться; *средний мир*, соответствующий среднему течению (*дулин буга* или *дулин дуннэ*), является миром живых людей; и *нижний мир*, соответствующий устью (*һэргу буга* или *һэргу дуннэ*), является миром мертвых.

Эвенк не выделяет себя из природы как что-то уникальное и особое, он ставит себя в один ряд со всем, что создано природой. От *Буга* зависит вся жизнь эвенка, все нравственные законы и обычаи. Так, эвенки говорят: «*Буга улундиви дуннэвэ токтаван иргивки. Буга ичэчивки, угинык нямалгивки, бээлвэ бээлуки. Буга эвки аявра эрувэ. Буга бунэвэн бээду экэл мулана, нимадыкал. Буга тыгдэрэн – уларан, Буга нендэлэрэн*

– *Буга олгиран* – Небо Буга теплом своим все соринки земли растит. Буга видит, сверху греет, человека человеком делает. Буга не любит плохого. То, что тебе Буга дает, не жалея для людей, соблюдай обычай равного дележа со всеми. Дождь идет – Буга мочит, небо прояснится – Буга высушило» [1. С. 51-52].

Эвенк постоянно помнит о *Буга*. *Буга* – источник всего, из Буга и от Буга все происходит. Согласно представлению баргузинских эвенков, Буга – верховный правитель Вселенной, который поддерживает существование человека и воспитывает его, управляет силами природы, жизнью тайги, животных и человеческого рода.

В ходе учебных практик в местах компактного проживания баргузинских эвенков – в селах Алла, Улюнхан Курумканского района Республики Бурятия нами были произведены записи устных рассказов эвенков по разным темам. В частности, от информанта Делбоновой А.Н. нами было записано следующее: «*Баргуган эвэнкил эри дуннэвэ эвкил Буга гунэ. Бугады дуннэ гунэ. Буга дарила, угилэ, бу Бугаду мургэнтэрэп. Эва декэя дуннэду оракин, мудан оракин, эвэчин эмэрэкин, баргуган эвэнкил угискаки мургэвкил. Буга мунэвэ авракэл, гунэ. Буга угилэ нянгняду бидерэн, гундерэ* – Баргузинские эвенки эту землю не называют словом *Буга*, а говорят: земля, данная *Буга*. Говорят, *Буга* живет наверху, и мы молимся ему, смотря туда. Когда что-нибудь на земле плохое случается, наводнение, приходят болезни, баргузинские эвенки обращаются с молитвами туда наверх».

В традиционном мировосприятии эвенков вся природа жива, и ничего нет в ней неживого. Все предметы для эвенка обладают живой силой, силой энергии. Баргузинские эвенки говорят: «*Дуннэду, урэлду, биралду, ламуду мэнни Буга, эдентын биһин. Тарилва эденилва Буга буна. Һэгды Ламунги эдендүтын мургунгуруп. Биденэ, дуннэ эдендүтын мургунгуруп* – У земли, у гор, у рек, у озер есть свой хозяин-дух. Этих хозяев-духов дал Буга. Мы молимся духам озера Байкал. Молимся хозяевам-духам, живущим на земле». Следовательно, баргузинские эвенки обожествляют всю природу и ее отдельные проявления. *Бугады* – это Божье, *Бугады дуннэ* – то, что есть, вся природа.

Природа в представлениях баргузинских эвенков наделена чувствительностью. Именно на этом убеждении основана вера, что люди до определенной степени могут влиять на природу и ее явления: изменить погоду при помощи словесного обращения, приношения духам даров. Существует легенда, что в древние времена на берегу горного озера, где берет начало река Баргузин, жил великий шаман Болон-Тумэр. По преданию, в засушливые годы эвенки древней тропой уходили в Амутскую котловину, где приносили свои дары Болон-Тумэру с мольбой о дожде и полноводности реки Баргузин. Шаман был стар, но имел большую духовную силу и всегда помогал людям. Его волосы были настолько длинные, что касались земли. Приняв дары, он спускался в воды озера, как только его волосы касались водной глади, начинался дождь, река наполнялась. Дождь продолжался до тех пор, пока шаман стоял в озере.

Все, что есть вокруг нас – это создание *Буга*. Буга создал человека, создал он животный мир и окружающий мир. Все, что есть на Земле, служит *Буга*, а *Буга*, в свою очередь, служит людям. *Буга* их воспитывает, *Буга* их направляет, поэтому говорят:

«Бугава экэл валарэ – Не ругай Буга, ты сам виноват». «Бугава экэл валарэ, мэнэкэн хоктови бакакал – Ищи свою дорогу, хорошую дорогу сам себе найди, за плохую дорогу в жизни Буга не ругай» (информант А.Н. Делбонова).

Небо Буга следит за поведением человека, все поступки человека должны быть угодны небу Буга, он ничего не должен делать против его воли. Если кто-то делает что-то не так, как положено, его останавливают выражением: «Бугаскаки! Нэлумо! – Против неба Буга делаешь! Грех!».

Из принципа единства мира, неотделимости человека от природы вытекает и другой важный момент миропонимания эвенка – миру изначально присуща гармония. Существует такое выражение: *Бэе дуннэ токтан* – Человек земли соринка. Человек не может безнаказанно менять и переделывать его по своему желанию и усмотрению.

Эвенки не только считают природу живой, населенной духами, обожествляли камни, источники, скалы и отдельные деревья, но и твердо знают меру – не рубят деревьев больше, чем нужно, не убивают без необходимости дичь, не трогают маток с маленькими детенышами, стараются убирать после себя территорию, где стоял охотничий лагерь. Поэтому и воспитывается у человека с раннего возраста уважение ко всему живому.

Информант: Делбонова А.Н., 1940 г.р., уроженка с. Улюнхан Курумканского района Республики Бурятия.

Научный руководитель: к. филол.н., доцент Е.Ф. Афанасьева.

Литература

Варламова Г.И. (*Кэптукэ*). Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. – Новосибирск : Наука, 2004.

УДК 314(=511.1)(1-924.1)

Николай ВАСИЛЬЕВ

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СААМСКИХ НАРОДОВ НА ФОНЕ СОБЫТИЙ В СУВЕРЕННЫХ СТРАНАХ

SÁMI SELF-DETERMINATION ON THE BACKGROUND OF SOVEREIGN COUNTRIES EVENTS

В данной статье рассматриваются основные проблемы в жизни коренного народа Северной Европы, саамов, в прошлом и настоящем, на фоне общих событий в четырех странах, описаны различные моменты, факты, события из истории, которые повлияли на дальнейшее развитие народа. Кроме того, приведено сравнение условий проживания саамов будучи разделенными по разным странам.

Ключевые слова: Арктика, Кольский полуостров, культура, коренной народ, коренные жители, Норвегия, право на самоопределение, саамский народ, Саамский парламент, север, Лапландия, Финляндия, Швеция, Российская Федерация, цивилизация.

The article deals with main problems of indigenous people Sámi of northern Europe in the past and nowadays on the background of general events in four countries; different aspects, facts, historical events which made an effect in further people development are described in the article. Moreover there is comparison of Sámi living conditions being divided in different countries.

Key words: the Arctic Region, the Kola peninsula, culture, indigenous people, Norway, self-determination right, Sámi people, the Sámi parliament, the North, Lapland, Finland, Sweden, Russian Federation, civilization, Fennoscandia, Saapmi, Saamiland.

Проблема исчезновения и снижения численности коренных народов Севера (и не только) является на сегодняшний день наиболее актуальной. Причиной тому служат многочисленные исторические, экологические, социальные и политические факторы: геноцид, война, потеря культуры и т.п. Проблема коренных народов, населяющих Северную Европу и являющихся, по словам специалистов, дальними родственниками эвенов, эвенков и многих других северных жителей нашей республики, достигает кульминационного момента на сегодняшний день [3. С. 55]. Оценив масштабы проблемы, нами предпринята попытка составить небольшую историческую картину, как жил и как живет сегодня коренной народ северной части Европы – саамы. Они проживают в Норвегии, Швеции, Финляндии и России и составляют примерно 70 тысяч человек из 350 миллионов коренных жителей во всем мире. Их история так же полна

несправедливости, совершенной чужаками, как и история многих других коренных народов. Они не были объектом геноцида, но сталкивались с дискриминацией в повседневной жизни, а также в политике государств, в которых они проживают. Их права были подорваны не только во время коммунизма, но и во времена демократии [6]. Как и многие другие коренные народы во всем мире, они желают сохранить свои духовные ценности, культуру, фольклор и язык, имея для этого право на самоопределение.

Что же такое самоопределение? Разные науки трактуют это понятие по-разному, но общий смысл означает «право человека на установление своих собственных особенностей, намерений и целей в своей жизни» [2]. Но мы рассмотрим это понятие не в рамках одного человека, а целого народа. Как утверждает ведущий социолог А.Н. Тарасов, «самоопределение – это право народов (наций) определять форму своего государственного существования в составе другого государства или в виде отдельного государства. Кроме отделения подразумевается значительное количество возможностей самоопределения – от полного отказа от каких-то особых прав до самоуправления, автономии или различных форм культурного обособления» [4. С. 29-30]. Как и большинство коренных жителей и народов всей нашей Земли, саамский испытывает большие трудности, но не такие колоссальные и экстремальные, как в предыдущих эпохах. Для того чтобы понять, каково сегодняшнее состояние и условия их проживания, нам нужно перевернуть страницу назад и заглянуть в историю саамского народа, а также сравнить прошлую и настоящую жизнь саамов в нескольких суверенных странах.

Саамы являются одной из древнейших этнических групп в странах Северной Европы и на Кольском полуострове в России. Общее число составляет около 70 000, причем половина живёт в Норвегии, 17000 – в Швеции, 5000 – в Финляндии и около 2000 – в России. Тем не менее численность саамов может быть намного больше и достигать 100 000 человек [1. С. 40-41]. Общая перепись саамов никогда не проводилась, поэтому трудно назвать их точную численность. Четыре государства, в которых сейчас живут саамы, имеют огромный интерес в сохранении численности их населения. Ведь это общество с уникальными культурными и религиозными традициями, прекрасно адаптированное к климату и природе Арктики. С дохристианских времен религия саами представляет собой связь между человеком и природой как единой целой [3. С. 87]. Древнейшие археологические открытия, расположенные вдоль побережья Северного Ледовитого океана на севере Норвегии, датируются 10000 лет назад, которые, по словам исследователя коренных народов Севера Дога Симмса, говорят о том, что в течение нескольких тысяч лет население Фенноскандии (предки современных саамов) жили как охотники-собиратели. Четыре тысячи лет назад некоторые из этих охотников и собирателей стали заниматься земледелием вдоль Атлантического побережья. Постоянно контактируя с южной скандинавской культурой, они ассимилировались и приняли их черты и даже научились скандинавскому языку. Люди, которые продолжали жить кочевым образом, сохраняли свой старый язык и культуру. Археологи обнаружили керамические и бронзовые предметы

1500 гг. до н.э. на территории так называемой Saarpmi, или Saamiland, т.е. вся северная часть Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольского полуострова, ныне Лапландия [7]. Украшения на этих предметах были похожи на те, что были найдены в современной России. Наиболее распространенными доисторическими находками были ямы для ловли лосося и дикого северного оленя. С самого начала саамы были охотниками и рыбаками, чьими главными целями были дикие олени [3. С. 35].

Саамский язык является одним из финно-угорских языков, которые вместе с самодийскими языками составляют уральскую языковую семью [7]. Ранние саамские поселения достигали дальние южные земли, но, как и американские индейцы, саамы были вынуждены отступить от агрессивного продвижения западной цивилизации. Саамы были расположены так далеко друг от друга, живя в небольших населённых пунктах, что вскоре стали меньшинством в разных районах. Однако есть и исключения: в некоторых муниципальных районах северной Финляндии и северной Норвегии преобладает саамское население. В последнее время наблюдается активная миграция людей из саамских районов в центральные города, например, 1500 саамов сейчас проживают в Стокгольме. Культурно-социальная связь уже давно возникла между саамами и колонизаторами (норвежцы, шведы, финны и русские) и многие саамы стали вливаться в общество [8].

Деревни саамов традиционно состоят из одного или нескольких так называемых «сиидов» – коммуны саамов, образовавшейся с незапамятных времен и занимающейся исключительно оленеводством, каждая со своим собственным советом и администрацией. Община саами была основана на принципе сиидов. У каждого сиида было своё охотничье угодье и рыболовные водоёмы, которые вся деревня использовала вместе. Эти коммуны были основаны на строгих демократических принципах и имели собственную правовую систему, которая функционировала как внутри, так и между различными сиидами, со специальными судами. Сиида отвечал за права целой деревни, они решали, принадлежит ли им земля и можно ли им использовать её ресурсы [7].

Колонизация Saarpmi (далее Лапландия) и эксплуатация её ресурсов началась на заре средневековья и значительно повысилась за XIII и XIV вв., когда торговля с саамами начала процветать (следовательно, стали взиматься налоги). Поскольку несколько государств заявило о суверенитете, саамы были вынуждены платить налоги в несколько крон. Миссионеры и христианизация Северной части Европы значительно повлияли на ход торговли и размеры налогов. Первые миссионеры предъявляли довольно жёсткие требования, чтобы получить психологический, тем самым политический, контроль над саамами [11]. С 1751 по 1826 г. народы, жившие на территории Лапландии, разделились между собой. Вторая половина 19-го века была наиболее мрачной страницей в истории саамов. Индустриальная революция зависела от доступа к найденному сырью в таких местах, как Африка, Латинская Америка и Лапландия. До этого Лапландия оценивалась как бесполезная территория, не населенная человеком [7]. Теперь он стал источником сырья для Швеции, Норвегии,

Финляндии и России – т.е. выполняет ту же роль, что Африка и Индия выполняли в своё время для Англии [8].

Собственность саамов на землю и водоёмы была единственным препятствием для разработки его природных ресурсов: железной руды, древесины и многих других. Колонисты, миссионеры и их старались манипулировать законом и правами так, чтобы ослабить земельные и водные права саамов и открыть доступ к природным ресурсам для эксплуатации. В 1886 г., например, первый шведский Закон о содержании скота, оленеводстве (ориг. Reindeer Grazing Act) сужал право собственности на землю саамам, что превращало саамов автоматически в правопользователей, т.е. в людей, которые используют чужую собственность и доходы от неё без причинения какого-либо ущерба. Этот акт создавал шведское превосходство над саамами, лишая их права принятия каких-либо решений [10].

Колониальная политика по отношению к саамам имела расистскую идеологию, найдя «научное подтверждение» в дарвиновской теории естественного отбора и выживания. Странники социального дарвинизма разделили человеческие расы на верхний и нижний группы. Они утверждали, что шведская раса и культура была значительно более развитой, чем в отношении примитивных саамов и их отстающей в развитии культурой. Логическим следствием такого отношения было шведское превосходство над коренным народом [7, 10]. Сокращение численности населения коренных народов и расширение западной цивилизации являются последствиями колониализма. Первые попытки саамов в политической реорганизации жестоко пресекались.

Конец Второй мировой войны и Декларация Организации Объединенных Наций о правах человека в 1948 г. был еще одним поворотным моментом в истории саамского народа. Нацистский режим взбудоражил и поднял на ноги весь мир, а его поражение повлияло на шведскую политику по отношению к саамам. Расистские взгляды были невразумительны после войны, и после 1948 г. все ограничения шведов на расовой почве были уже неактуальны, а уже в 1950 г. был основан Национальный союз шведских и саамских народов [9].

Основной политической целью саамов на сегодняшний день является право на самоопределение, в том числе право контролировать своё общество и свою судьбу. Они активно борются за свои коллективные и личные права на родной земле, и Конвенция МОТ №169 о коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, принятая 27 июня 1989 поддерживает эту идею. Как мы уже отмечали, с незапамятных времён коренной народ живет, процветает, охотится и занимается земледелием (в том числе и оленеводством) в северных просторах Скандинавских стран, Кольского полуострова и Финляндии, а те страны, в свою очередь, по сей день пытаются ограничить «легитимным способом» их права на собственность. В соответствии с финским, шведским, норвежским, а также законодательством Российской Федерации наследственные права на землю саамов основаны на принципе непрерывного использования, чего не было на протяжении долгих лет. По крайней мере, саамы должны иметь право на автономию в рамках существующих государ-

ственных границ. «Политически мы смотрим на себя как один народ и одна нация», – заявляет представитель саамской общности Оле Хенрик [5]. Следующим шагом после создания Саамского парламента в Финляндии, Швеции и Норвегии, а также в Кольском полуострове является создание Пан-саамского парламента, т.е. объединённого единого парламента.

Рассмотрим ситуацию в Норвегии. После многих лет политической деятельности, демонстраций, протестующих против решения о строительстве гидроэлектростанции на северной части Норвегии, бывшей Лапландии, в 1980 г. норвежское правительство создало Комиссию по правам саами (ориг. Sami Right Commission) [11]. А в 1987 г. норвежский парламент принял поправку к конституции для защиты и развития языка и культуры саамов. В то же время она также приняла законопроект, который называется Закон о саами, создание Саамского парламента [9]. Норвежское правительство создало специальную систему регистрации, где народ мог избрать своих представителей в их парламенте прямым голосованием. Они избрали Оле Хенрика Магга как первого президента в парламенте в первых свободных выборах, которые состоялись в 1989 г. [5].

В соответствии с условиями Закона о саами Саамский парламент может взять на себя инициативу в решении всех вопросов, связанных с саамским народом, а также может по собственной инициативе довести дело до государственных органов, частных учреждений и других органов. В соответствии с законом другие государственные органы должны проконсультироваться с саамским парламентом, прежде чем принять какие-либо решения по отношению к коренному народу [8]. Парламент действует активно до сих пор. После нескольких лет норвежское правительство предложило парламенту использовать саамский язык как официальный. Норвежский парламент принял Закон о саамском языке в 1991 г. И наконец, последним решающим шагом норвежского правительства в защиту населения коренного народа (КН) было официальное утверждение Конвенции МОТ №169 о коренных народах, став одним из пяти стран по всему миру, которые совершили это. В прибрежных районах северной Норвегии саамы имеют право на рыбный промысел [11]. То есть Норвегия пытается делать всё, чтобы урегулировать отношения между страной и саамами.

Саамский парламент в Финляндии был впервые избран в 1973 г. и имеет только право совещательного голоса, т.е. скромные права по сравнению с норвежской стороной. Правительство предложило новый законопроект для финских саамов, который фокусируется на земельные права и авторизации парламента саами, т.е., таким образом, мы видим, что в Финляндии до сих пор не решен вопрос о правах на земли и водоёмы, которые традиционно использовались КН. Финляндия пока еще не утвердила Конвенцию МОТ №169, по причине того, что земельные права саамов в этой стране не соответствуют положениям конвенции. Но всё же финское правительство в настоящее время стремится поддерживать саамскую культуру, и несколько конституционных поправок и других законопроектов по защите саами рассматриваются в настоящее время. В 1991 г. внесены некоторые изменения в Законе об оленеводстве, а также сельского и лесного хозяйства по отношению к КН. Финский парламент

также недавно принял новый закон о саамском языке, который позволяет народу саами в Финляндии, Швеции и Норвегии использовать свой язык в официальных, служебных и деловых встречах, собраниях и в прочих других мероприятиях [8, 11].

А вот в Швеции ситуация куда сложнее, чем в Финляндии. В 1992 г. шведский парламент установил Саамский парламент, следуя примеру Финляндии и Норвегии [8]. И тут права парламента частично урезаны, и оно является по большей части близкой к финскому, хотя правительство заявило о своей готовности передать больше власти. Саамский народ признан в этой стране как этническое меньшинство, но не как отдельный народ, что ставит шведских саамов в двусмысленное положение по отношению к международному праву. А вот вместо укрепления земельных прав саами шведское правительство сейчас пытается национализировать или, как многие саами выражаются, конфисковать частные охотничьи угодья и права на рыбный промысел. Ранее основанная в Финляндии Комиссия по правам саами предложил шведскому правительству признать их хотя бы в качестве особого типа этнического меньшинства, так как они являются коренными жителями этой страны. Но шведское правительство отклонило это предложение, считая, что положение этнических меньшинств является достаточным для защиты прав саамов. Шведское правительство также отказывается утверждать Конвенцию МОТ № 169, потому что ее положения, касающиеся прав на землю, несовместимы со шведским законодательством [8].

Ситуация с коренными жителями в нашей стране в целом намного лучше по сравнению с предыдущими странами, учитывая, какое огромное количество КН находятся в самых разных частях Российской Федерации. На Кольском полуострове вопросы прав на землю и передача так называемых общественных земель в частные руки сейчас находится в решающей стадии [1. С. 41]. Действительно, ситуация в нашей стране куда прогрессивнее, например, на Международной конференции Баренцево Евро-Арктического региона в прошлом году был поставлен вопрос о коренных жителях Севера, куда вошел и саамский народ. На конференции присутствовали министры иностранных дел и другие представители таких стран, как Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, Швеция, Комиссия европейских сообществ, а также представители коренных народов. Участники выразили свою убежденность в том, что сотрудничество в регионе будет существенно способствовать прогрессу и поддерживать стабильность в отношениях между правительством РФ и представителями МНС. Представительства саамов во всех четырех странах, в свою очередь, убеждены, что от сотрудничества в Баренцевом регионе выиграют все [6].

Таким образом, в перечисленных странах отношение к коренному народу саами разное, в одной стране их поддерживают, защищают, в другой – делают то же самое, но ограничиваются определёнными рамками возможностей, а в третьей вообще пресекают и унижают какие-либо права. Но в этой интенсивной борьбе за выживание саамский народ выиграл и продолжает выигрывать больше, нежели другие коренные жители разных стран – связь между сообществами, парламентами и общинами создаёт уникальную единую коммуну, способную преодолевать трудности на

своём пути. И в этой связи их право на самоопределение не кажется недостижимым горизонтом, а, наоборот, приобретает новые дополнительные черты.

Литература

1. Богданов, Н. О демографии, численности и трудозанятости кольских саамов / Н. Богданов // Ловозерская правда. – 2005. – № 31. – С. 40-46.
2. Научно-философский словарь // <http://enc-dic.com/philosophy/Samoopredelenie-3484.html>
3. Саамы // Народы России : атлас культур и религий. – М. : Дизайн. Информация. Картография, 2010. – 320 с.
4. Тарасов, А. Право народов на самоопределение как фундаментальный демократический принцип / А. Тарасов // Свободная мысль-XXI. – 2002. – № 9. – С. 29-31.
5. Оле Хенрик Магга, председатель Постоянного форума ООН по делам коренных народов // <http://fennougrica.ee/index.php?id=16828>
6. Трофимов-Трофимов В.Д. Доклад на тему «Права народов в Российской Федерации» // <http://tτροφimov.ru/2011/09/prava-narodov-v-rossijskoj-federacii-doklad/>
7. Doug Simms, The Early Period of Sámi History, from the Beginnings to the 16th Century (Дог Симмс. Ранний период истории саамов, от начала до XVI века) // <http://www.utexas.edu/courses/sami/dieda/hist/early.htm>
8. Harald Gaski, Tr. John Weinstock, Sámi Culture in the Nordic Countries – Administration, Support, Evaluation (Гарольд Гаски, Джон Уейнсток. Культура саамов в северных странах – Управление, Поддержка, Исследование) // <http://www.utexas.edu/courses/sami/dieda/hist/nordic.htm>
9. Jessica Johnson, The Sami and World War II (Джессика Джонсон. Саамы и Вторая Мировая война) // <http://www.utexas.edu/courses/sami/dieda/hist/wwii.htm>
10. Kimmi Woodard, The Sami vs. Outsiders (Кимми Вудард. Саамы и иностранцы) // <http://www.utexas.edu/courses/sami/dieda/hist/sami-west.htm>
11. The Sami of Northern Europe – one people, four countries (Саамы Северной Европы – один народ, четыре страны) // <http://www.unric.org/en/indigenous-people/27307-the-sami-of-northern-europe--one-people-four-countries>

С. ИВАНОВА

ЖЕНСКИЕ ТАБУ В КУЛЬТУРЕ ЭВЕНКОВ**WOMEN TABOOS IN THE EVENKS'S CULTURE**

В работе рассматривается женская тематика в системе табу эвенков, являющихся составной частью эвенкийских одё – запретов-оберегов. В ходе исследования выделены следующие разновидности запретов, предназначенные лицам женского пола: пищевые, связанные с родственными отношениями, беременностью и взаимоотношениями матери и ребенка.

Ключевые слова: культура эвенков, одё эвенков, система запретов, пищевые запреты, женские табу.

This paper is devoted to the placenof wemen in the sistem of Evenks taboo. The following kinds of women taboo were defined and considered during the research: according to food, pregnancy and mother-and-child relationships, relative relationships.

Key words: culture of Evenks, одё Evenks, system of a ban, food ban, female taboos.

В данной работе мы рассматриваем систему запретов эвенков, регламентирующую поведение человека в обществе и его отношения с окружающей средой. Данную систему запретов эвенки обозначают словом одё, дословный перевод которого означает «запрет, оберег, табу». Запреты в своей основе были направлены на предупреждение от разных неприятностей.

Исследуя данную тему, мы обратились к работам известных исследователей Г.М. Василевич, С.И. Николаева, А.В. Романовой, А.Н. Мыреевой, Г.И. Варламовой.

Особое внимание в ходе исследования нами было уделено «женской тематике» в системе запретов эвенков. Отметим, что наиболее распространенным видом женских табу являются пищевые запреты. Довольно много примеров пищевых запретов, в том числе касающихся лиц женского пола, представлено в работе С.И. Николаева [4]. Им выделено более 20 запретов, связанных с пищей. Например, девочкам запрещалось есть мозг и голову налима, иначе в будущем у них дети будут слюнвявыми; также им запрещалось есть голову и головной мозг лося, по причине того, что в дальнейшем во время грудного вскармливания молока может не быть.

Рассматривая подобные пищевые запреты, мы приходим к мнению, что наши предки были довольно суеверными в вопросах питания. Очевидно то, что существование подобных запретов объяснялось не только обычным суеверием, но и заботой о здоровье будущих детей.

Об этом свидетельствуют также запреты, приведенные в работах Г.М. Василевич [4]. Исследуя оде, известный тунгусовед также выделяет в культуре эвенков запреты, предназначенные женщинам: пищевые, охотничьи и касающиеся взаимоотношений матери и ребенка.

Приведем некоторые из них: женщинам запрещалось есть брюшину медведя, чтобы не заболеть во время беременности, мясо с его головы, почки печень – чтобы роды не были тяжелые; также женщинам запрещалось перешагивать через одежду мужа, его посуду, тропу охотника, подстилку, на которой свеживали зверя; беременной женщине запрещалось трогать подвесной крюк для котла, иначе ребенок будет глупым, вешать этот крюк, чтобы он не родился немым, наступать на нож, перешагивать через пилу и топор, чтобы не было резей в животе во время родов; ночью ребенка нельзя выносить на улицу, чтобы злой дух их «не съел»; на ночь ребенку не мыли лица, чтобы он его не узнал.

Подобных примеров можно привести достаточно много. Далее следует обратиться к работе А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой, из которой нами выделено 17 запретов, связанных с беременностью.

Например: беременная женщина не может наступать на олений недоуздок. Если наступит, то ребенок в животе может запутаться в пуповине или по это же причине могут быть тяжелые роды [1]. По данной тематике нам удалось рассмотреть 27 запретов-одё.

В заключение отметим, что на данном этапе исследовательской работы нами выявлено и рассмотрено 36 пищевых запретов, в числе которых 7 образцов оде, связанных с охотой, 5 – с родственными отношениями, 27 – с беременностью, 9 – с отношениями матери и ребенка. Все рассмотренные нами одё свидетельствуют о бережном отношении эвенков к девочкам как к будущим матерям-продолжателям рода, женщине – как к матери и хранительнице семейного очага.

В настоящее время многие из этих запретов утеряны. Задача нынешнего поколения эвенков заключается в сохранении и возрождении самобытной культуры предков, в том числе такого важного аспекта нравственного и этического воспитания, как система запретов-оберегов – одё.

Литература

1. Романова, А.В. Фольклор эвенков Якутии / А.В. Романова, А.Н. Мыреева. – Л. : Наука, 1971. – 329 с.
2. Варламова, Г.И. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре / Г.И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 185 с.
3. Василевич, Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII- начало XX в.) / Г.М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 304 с.
4. Николаев, С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии / С.И. Николаев. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1964. – 202 с.

Лиана ЛАЗАРЕВА

ПРОМЫСЛОВЫЕ ОБРЯДЫ ЭВЕНКОВ**HUNTING SACRAMENTAL OF EVENKS**

Обрядовая культура эвенков выражается в многочисленных правилах, приметах, запретах и обрядах эвенков. Одним из важных и значимых компонентов обрядовой культуры эвенков, являются обряды, связанные с охотой на медведя. В работе описаны обрядовые и ритуальные действия эвенков в процессе охоты, свежевания (разделки) медведя.

Ключевые слова: культура эвенков, промысловые обряды, обрядовые действия, запреты, обереги, культовое почитание.

Hunting culture of Evenks is stated in numerous rules, superstitious beliefs, taboos and sacramentals of Evenks. One of important and essential components of the culture is the ceremony of hunting a bear. This paper is devoted to the sacramentals and ceremonies during the hunting and scraping of a bear.

Key words: culture of Evenks, trade ceremonies, ceremonial actions, ban, charms, cult honoring.

Наше исследование посвящено обрядовой культуре эвенков по материалам промысловых обрядов. В качестве источниковедческой базы исследований послужили работы Г.М. Василевич, А.И. Мазина, Н.А. Алексеева, Г.И. Варламовой.

Видное место в системе традиционных верований эвенков занимали верования и обряды, связанные с промысловой деятельностью, цель которых – обеспечить успех в охоте и рыболовстве. И это понятно, так как промысловая деятельность, с одной стороны, была для эвенков основным источником существования. С другой стороны, ее особенности дают богатые возможности для развития религиозных представлений, ибо успех в ней в большей степени, чем в любой другой отрасли хозяйства, казался человеку не зависящим от его воли. Промысловые верования выражались в многочисленных правилах, приметах, запретах и обрядах, некоторые из которых описаны в работах указанных исследователей.

Следует отметить, что культовое почитание медведя широко известно у народов Сибири и Дальнего Востока. Эвенки называли медведя *амикан* (дедушка, старик), *амакачи* (прадедушка), *ама* (отец), *эне* (мать), *энекан* (бабушка), *атыркана* (большая старуха), *ока* (дядя) [З. С. 44]. Большинство исследователей отмечает, что на медведя охотились круглый год попутно с добычей других зверей. При этом они не забывают

отметить, что специальная охота на него не проводилась и эвенки вынуждены были добывать медведя только в том случае, если он попадался по пути следования охотника.

Далее рассмотрим традиционные способы охоты эвенков на медведя и заповеди, связанные с данным видом охоты.

Охота на ходового медведя мало чем отличалась от промысла парнокопытных животных. Как правило, медведь попадался случайно, специально преследовали в очень редких случаях, только раненого или шатуна. Но по возможности эвенк не упускал случая убить медведя.

Когда медведь застрелен, все очевидцы и участники охоты подходят к нему, и эвенк, убивший медведя, говорит: «Кук» или «Не я тебя убил, а убил тот-то или тот-то», указывая на человека другой национальности. После этого медведя переворачивают на спину, подкладывают под него ветки или мох и начинают обдирать. Охотник, убивший зверя, подходит к нему первый, надрезает ножом шкуру на животе, а затем эту процедуру повторяют все присутствующие, по старшинству. Шкуру мог снимать любой участник охоты, но обязательно с одной стороны, чтобы на охоте медведи не могли напасть сразу с двух сторон. Шкуру с медведя снимают полностью, за исключением лап. Вскрыв грудную полость медведя, каждый участник охоты отрезает по маленькому кусочку сердца и съедает его сырым. При свеживании кости отделяют по суставам и стараются даже не поцарапать их. При отделении каждого сустава приговаривают: «Дедушка, осторожно, здесь бревно». Затем мясу дают остыть и делят его между участниками охоты. Охотнику, застрелившему медведя, достаются все четыре лапы ниже коленных суставов, внутренности и внутренний жир, жир с задней части, голова и шкура. Все остальное делится поровну между участниками охоты [3. С. 44].

Если медведь убит во время перекочевки, то невдалеке находят удобное место и устраивают временную стоянку. Мясо грузят на оленей без седел, подложив ветки. После того как соберутся к отъезду, место, где обдирали медведя, тщательно забрасывают ветками и по краям ставят четыре ментая, чтобы враждебные духи не надругались над останками медведя. Вначале в путь трогается караван. Охотник, убивший медведя, остается, затем, пятясь задом, на деревьях делает девять затесов. Восемь из них мажет кровью, затем говорит: «Приду в следующий раз». После этого он поворачивается и догоняет караван. Когда все приедут на стойбище или разобьют лагерь, охотник, застреливший медведя, начинает готовить обряд *такамин* (букв. обмануть медведя) [3. С. 45-46].

В обряде *такамин* медвежью голову кладут на специально приготовленное ритуальное блюдо и едят ритуальной ложкой. Блюдо и ложку, как правило, изготавливали из рогов лося [3. С. 46].

Хорошо очищенные от мяса кости и голову укладывают на специально срубленный лабаз в виде домика и сверху прикрывают тяжелыми плахами. Кости кладут на лабаз в беспорядке, голова лежит в том направлении, в котором медведь шел перед тем, как его убили; если же медведь был убит в берлоге, то голову клали по направлению к восходу солнца. Устраивая обряд *такамин*, голову тщательно заворачивали в

прутья, срезали верхушку у небольшой лиственницы, раскалывали ее надвое, в расколе зажимали голову. Ее направление зависело от того, при каких обстоятельствах был убит медведь. Перед варкой головы аккуратно вырезали глаза и вешали на лиственницу около чума охотника или прятали в дупле [3. С. 46-47].

Охота на медведя в берлоге происходила несколько иным способом. Найдя берлогу, охотник оповещал об этом мужчин стойбища. Оповещение шло иносказательным способом. Охотник, подпрыгивая, махал руками, говорил: «Кук, Кук, Кук». Мужчины, сразу же догадавшись, что обнаружена берлога, отвечали на сообщение охотника теми же словами. При этом не принято было произносить само слово «медведь».

На следующий день собирались пять-шесть человек и рано утром шли на охоту. Невдалеке от берлоги старший из охотников говорил: «Кук! Дедушка, не пугайся, вставай, это мы, воронята, твои внуки, пришли к тебе в гости». Затем подобные слова произносили все присутствующие. Далее брали макушку лиственницы и затыкали вход. Вырубали хороший кол, пробивали и начинали шевелить медведя. Когда проснувшийся медведь высовывал голову из берлоги, старший из охотников стрелял в него [3. С. 47].

При отстреле медведя нельзя было раскалывать и разбрасывать кости, куски шерсти, ругать медведя, выбрасывать его глаза, хвастаться, что убьешь медведя, есть медвежий бульон, брать ружье у человека, помятого медведем. Считалось, что человек, помятый медведем и оставшийся в живых, долго проживет. Кости и голову медведя обязательно надо было положить на лабаз. Нарушение запретов и оберегов грозило неудачей на охоте, несчастьями, болезнью или даже смертью [3. С. 48].

Почитание медведя породило у эвенков множество поверий, преданий, запретов и оберегов. Эвенки изначально исходят из того, что медведь когда-то был человеком. Потому в медвежьих ритуалах прослеживается существование души не только у человека, но и у медведя, так же как и у других животных.

Далее рассмотрим обряд «надевания серег на медведя», записанный Г.И. Варламовой у своего отца шамана Ивана Андреевича Лазарева. Информант сообщал, что «надевание серег» – это специальный обряд, когда голову медведя украшают серьгами, чтобы, радуясь, душа его сказала: «Хорошо схоронили, по всем традициям» [1].

Медвежью голову, как лосиную, посередине не разрубали. Сварив мясо, не решалось есть близ его носа. Объем голову, мордой к огню и лицом к печке клали. На следующий день приготавливали жердь, делали развилку топором. На объединенную голову привязывали тряпочки, украшали, были нужны новые лоскутки. Челюсть тоже не ломали, оставляли целиком, на эту жердь не цепляли челюсть. Раньше всегда так делали, если даже шамана не было. Голову клали на лабаз, мордой к восходу солнца [1. С. 102].

Если, добыв медведя, перекочевывали, то тот, кто добыл, забирал себе лапы. Вешали лапы на четыре угла места, где стоял чум. Задние лапы – на задней стороне, передние – впереди, внутренняя часть лап была направлена вовнутрь чума. Рассказ шамана заканчивается словами:

*Хутэлдүв дүлэски ая хоктоє сугакал,
Ая биние сугакал.
Аруткан харандүв гулим.
Аруткан харандүв эмэнмукэл!
Детям моим на будущее добрую дорогу протри,
Хорошую жизнь протри (укажи).
На месте моего округлого жилища схоронись.
На месте моего округлого жилища оставайся! [1. С. 102].*

Очевидно, что в этих строках шаман показал особое отношение эвенков к медведю, их беспредельное почитание и уважение как к культовому животному.

Таким образом, анализ литературы показывает, что промысловые обряды эвенков, в целом как и вся обрядовая культура, представлены из повседневной обрядности, связанной с промысловой деятельностью, культовых воззрений и коллективных действий. При этом промысловые обряды не перестают выполнять свои основные функции – обеспечение закономерных правил поведения внутри общества и взаимоотношения человека и окружающего мира.

Литература

1. *Варламова, Г.И.* Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре / Г.И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 185 с.
2. *Василевич, Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII- начало XX в.) / Г.М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 304 с.
3. *Мазин, А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. (конец XIX -начало XX в.) / А.И. Мазин // АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск : Наука, 1984. – 200 с.

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Саргылана БАИШЕВА

СЕКТОР ЭТНОСОЦИОЛОГИИ ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Рассматриваются монографии сектора этносоциологии ИГиПМНС, выпущенные в последние годы. В их основе – результаты впервые проведенных сектором социологических исследований среди малочисленных коренных народов Севера. Среди научных трудов последних лет наиболее значительной являлась монография «Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», вышедшая в издательстве «Наука» в 2012 г., авторами которой являются научные сотрудники сектора.

Основой для монографии послужили полевые материалы авторского коллектива, полученные в ходе экспедиционных исследований в 2007-2009 гг. в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера 20 улусов Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, адаптация, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, сектор этносоциологии.

Общеизвестно, что этносоциология – это наука о социальных процессах и явлениях в разных этнических средах и этнических процессах в социальных группах. Интерес к этносоциологии вызван тем, что она интегрирует знания и методы не только социологии, но и этнологии, социальной психологии, культурной антропологии, политологии, истории, экономики и географии. Исследования, проводимые Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, позволяют получать знания о реальном облике современных народов, их настроениях, ценностях, ориентациях и взаимоотношениях. Изучение этнополитического, социально-экономического, социально-культурного развития народов республики в условиях трансформации российского общества очень актуально. Это объясняется особенностями национального состава населения, его мозаичностью, социокультурными преобразованиями и необходимостью вовлечения коренных народов Якутии в общемировые цивилизационные процессы. Кроме плановых научно-исследовательских работ мы проводим исследования в рамках проектов Президиума РАН, РГНФ, сотрудничаем с коллегами из Японии, Южной Кореи.

За последние годы специалистами разных областей, в том числе экономистами, историками, географами, этнографами и социологами активно изучается повседневная жизнь коренных народов Севера. Часть нашего научного коллектива на протяжении десятилетий активно сотрудничает с Комитетом по делам Арктики и малочисленных народов Севера Госсобрания (Ил Тумэн) РС (Я), многое нас связывает с лидерами аборигенного сообщества, исследователи сектора этносоциологии нашего института принимают участие в разработке законов, касающихся жизнедеятельности народов Севера и Арктики. Поэтому мы с интересом и особой радостью восприняли решение Президента республики об объявлении 2014 года Годом Арктики.

Среди научных трудов сектора актуальными на сегодня остаются изданная в 2007 году коллективная монография «Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года» (сост. В.А. Роббек и др.; ред. С.М. Баишева) и разработанная в 2008 году Концепция устойчивого развития арктических улусов и мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года. Из них можно почерпнуть полезные сведения не только научным сотрудникам, но и специалистам, занимающимся разноплановыми проблемами жизнеобеспечения на Севере. В научных трудах сектора даны рекомендации по проведению целенаправленных мероприятий по социально-экономическому развитию отдалённых улусов республики, где население сохранило традиционный образ жизни.

Востребованной среди специалистов, интересующихся вопросами трансформации северных и арктических хозяйств, является монография «Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». Ее авторами являются кандидаты экономических наук С.М. Баишева и Р.И. Донской, кандидат философских наук П.З. Тобуков, научные сотрудники Т.Н. Константинова, П.В. Сосин, А.Г. Томаска. Книга издана в 2012 году в Новосибирске, объемом 363 страниц. Ответственный редактор издания – доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, известный северовед К.Б. Клоков. Официальными рецензентами выступили У.А. Винокурова, доктор социологических наук, проректор АГИИК по научной работе, и кандидаты исторических наук Е.К. Алексеева, Е.П. Антонов.

В коллективной монографии «Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» представлены итоги научного исследования проблем и особенностей адаптации коренных малочисленных народов Севера Якутии в рыночных условиях. Впервые обобщены результаты комплексных исследований сектора этносоциологии ИГиПМНС, куда вошел детальный анализ социально-экономического состояния, определение механизмов выживания коренных малочисленных народов Севера в условиях новых вызовов глобализации. Основой для монографии послужили полевые материалы авторского коллектива, полученные в ходе экспедиционных исследований в места компактного проживания от самих представителей коренных малочисленных народов Севера 20 улусов Республики Саха (Якутия). В ней приведен опыт социально-экономических вопросов повседневной

жизни; проанализированы социальная среда и система расселения; дана оценка современной этнодемографической ситуации; выявлены специфические факторы адаптации в современном обществе, механизмы правового регулирования в сфере традиционного природопользования, приоритеты развития традиционных отраслей северного хозяйства, образовательный потенциал северных народов.

Социальная реальность последних лет стимулирует появление новых ориентиров в системе ценностей и норм поведения, развитие новых потребностей, формирование новых жизненных целей среди представителей коренных малочисленных народов Севера Якутии – эвенков, эвенов, чукчей, долган, юкагиров. В современных условиях становится очевидным социальное значение проблемы успешности, достижения успеха в жизни. Общепринятым является тот факт, что достижение успеха в различных жизненных сферах, социальной адаптации к условиям изменяющейся среды является существенной детерминантой как для личностного развития отдельно изучаемого субъекта, так и для социально-экономической стабильности общества в целом. Человек как Личность находится в непрерывном процессе адаптации, поскольку современный уклад жизни диктует определенные условия мобилизации сил и внутренних ресурсов, постоянного повышения профессиональных качеств. Население вынуждено быстрее реагировать на изменения и требования времени для выбора тех стратегий поведения, которые позволят успешно преодолеть возникающие трудности. Поэтому процесс адаптации является важным и необходимым аспектом полноценной жизнедеятельности человека.

Эти монографии были оценены ведущими учёными в сфере исследования проблем малочисленных народов, такими как доктор социологических наук У.А. Винокурова и доктор экономических наук Л.В. Пушкарёва (Полярная академия, Санкт-Петербург). Впервые в Якутии были проведены комплексные социологические исследования в местах компактного проживания коренных малочисленных народов. Были опрошены представители всех 5 северных этносов и выявлены сходство и различия в их адаптации к социальной действительности, сопряженной со многими трудностями, обусловленными, в первую очередь, изменяющимися условиями социально-экономической среды.

Актуальность этого исследования, внимание мирового сообщества к проблемам коренных малочисленных народов Севера и Арктики обусловлены недостаточностью научных знаний о динамике образа жизни аборигенного населения Якутии, нерешенностью проблем их социальной адаптации. Необходимость всестороннего исследования жизни коренных малочисленных народов Арктики и Севера определена своеобразием их положения в геополитике государства, спецификой этноэкологической культуры, богатым опытом освоения территорий проживания в суровых природно-климатических условиях. Авторы охватили широкий спектр социально-экономических, социокультурных и правовых проблем. При этом в центре внимания стояли особенности этносоциальной адаптации.

Целью коллективной монографии являлось теоретическое обоснование проблем сохранения традиционного образа жизни, этнической культуры и самих наро-

дов. Авторами внесен вклад в пополнение необходимых знаний об этносоциальной адаптации коренных малочисленных народов Севера, систематизирован и проанализирован комплекс факторов, которые определяют ситуацию в сфере их занятости и экономической деятельности, а также современное социально-экономическое положение и стратегии выживания эвенков, эвенов, долган, юкагиров, чукчей.

Большую часть эмпирической базы составили материалы социологического исследования (анкетный опрос, глубинные интервью экспертов), проведённого в рамках проекта НИР СО РАН «Этносоциальные особенности адаптации коренных малочисленных народов Севера Якутии к изменяющимся условиям социально-экономической среды». В монографии использованы данные трех анкетных опросов, проведенных в 2007 (N=188), в 2008-2009 гг. (N=740 и N=436). Кроме того, были использованы экономические и демографические обзоры, сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РС (Я), первичные материалы из фондов ИПМНС СО РАН, Министерства сельского хозяйства РС (Я) и других министерств и ведомств РС (Я), а также материалов муниципальных образований.

Среди респондентов были лидеры коренных народов – Андрей Васильевич Кривошапкин, Вячеслав Иванович Шадрин, Прасковья Егоровна Прокопьева, Мария Петровна Погодаева, Иван Михайлович Атласов, Любовь Константиновна Джабраилова. Исследование было выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Института. Мы очень признательны Клокову Константину Борисовичу, известному учёному-североведу из Санкт-Петербурга, который стал ответственным редактором нашей книги. Он неоднократно бывал в республике, не понаслышке знает жизнь северян в родовых общинах, является автором монографий по развитию оленеводства не только Якутии, но и скандинавских стран. Финансирование издания было осуществлено при поддержке СО РАН, Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия), администраций пяти муниципальных образований районов проживания народов Севера РС (Я) – Анабарский, Мирнинский, Момский, Нерюнгринский, Эвено-Бытантайский.

Монография, как следует из названия, предназначена в первую очередь представителям коренных малочисленных народов Севера – эвенкам, эвеном, чукчам, юкагирам, долганам, которым сложнее (по сравнению с другими этносами) противостоять современным вызовам и быть вовлечёнными в мировой цивилизационный процесс.

Книга адресована и руководителям, заинтересованным в развитии северных и арктических регионов, специалистам, занятым в сфере традиционных отраслей Севера, в том числе главам родовых общин и представителям общественных структур.

Немаловажным является дизайн обложки книги, который был предложен мною после консультаций с коллегами-этнографами нашего Института. Зелено-коричневый цвет обложки олицетворяет главное богатство коренных малочисленных народов – близость к природе и наличие земельных ресурсов. Орнамент по краю книги

означает, что мы открыты всему миру, также как и наши респонденты, чаяния и надежды которых мы разделяем.

Данные, приведённые в монографии, могут явиться ориентиром при разработке и реализации управленческих решений по социально-экономической поддержке, политическому и культурному развитию с учётом этнического разнообразия народов Севера. Они могут быть полезны органам законодательной и исполнительной власти не только у нас в республике, но и в тех регионах, где проживают представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, для муниципальных образований 20 улусов РС (Я), где компактно проживают наши респонденты, в целях эффективного взаимодействия с коренными малочисленными народами Севера, вносящими свой неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации.

Результаты этого исследования могут быть полезны и Союзам и ассоциациям эвенков, эвенов, долган, чукчей, юкагиров РС (Я) для формирования базы данных о современном состоянии традиционных отраслей Севера – основы их жизнедеятельности, базы повышения уровня жизни аборигенного населения.

Данные социологического опроса и экспертных интервью дают пищу для размышлений самим лидерам, активистам коренных малочисленных народов Севера в процессе осуществления функционального взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления. Результаты наших исследований могут быть востребованы преподавателями вузов, ССУЗов при разработке курсов лекций по социологическим и экономическим дисциплинам, программ, учебных пособий, спецкурсов по социологии профессии, социологии труда, региональной экономике.

Полученные результаты исследований в своей работе используют представители многочисленных СМИ, включая радио, газеты, телевидение, интернет-издания. Как показывает практика (например, школьники, участвующие в научно-практической конференции «Шаг в будущее») материалы публикаций находят отражение в исследованиях старшеклассников, занимающихся научной деятельностью. Они помогают школьным педагогам в выборе актуальных тем для своих учеников, в том числе тем, связанных с экологией и защитой прав коренных народов.

Данные, полученные в результате проведённых социологических исследований, будут применимы для совершенствования профессиональной культуры представителей северных народов на специальных курсах и тренингах, которые должны быть организованы в рамках Года Арктики усилиями заинтересованных министерств, ведомств.

Жизнь учёных-исследователей в современном мире насыщена разноплановыми событиями, мероприятиями. Благодаря давнему сотрудничеству с ведущими научно-исследовательскими учреждениями России различные аспекты работы нашли отражение в выступлениях на международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах по проблемам аборигенного сообщества в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Волгограде. Везде сообщения, доклады и презентации исследователей нашего Института вызвали большой интерес, поскольку социальные процессы

в изменяющихся политических, социально-экономических условиях, в которых получают развитие наши северные этносы, интересуют исследователей во всем мире.

Востребованность этносоциологических знаний исходит из многообразия социальных процессов, эффективное управление которыми возможно только при условии компетентного осознания доминирования этнических факторов. В процессе своего формирования личность проходит различные стадии адаптации в изменяющейся социально-экономической среде. Условием успешной адаптации личности в наше сложное и интересное время является стабилизация экономики, развитие и совершенствование общества. Процесс адаптации напрямую связан с личностно-деловыми качествами (такими как уровень образования, мотив достижения успеха, социальный статус, уровень материального благосостояния). Мотивация достижения успеха является качественной характеристикой личности, оказывает влияние на результативность деятельности индивида.

В монографии нами рассмотрены комплексное изучение факторов, влияющих на развитие этносоциальных процессов. Наибольшее влияние на степень адаптации человека в обществе оказывают сформированные навыки поведения в самостоятельной трудовой деятельности, поддержка со стороны социального окружения, создание оптимальных социально-психологических условий для взаимодействия с людьми в процессе трудовой деятельности. В рамках техногенной цивилизации произошло нивелирование этнического своеобразия, снижение адаптивности коренного населения. Традиционные отрасли хозяйственной деятельности и связанный с ними традиционный уклад жизни коренных малочисленных народов Севера ограничивают возможности социально-экономического взаимодействия автохтонных народов с макросредой. Государство не предусмотрело последствий унифицированных административных мер с точки зрения формирования новых социальных установок, продуктивной адаптации, не принимало во внимание особенности этноэкологического мировоззрения северных этносов.

Механизмы сохранения и сценарии развития коренных малочисленных народов Севера должны быть продиктованы задачами развития государства, решениями правительства, региональных органов власти на данном этапе развития экономики России. В связи с этим нам представляется, что сценарий развития социальной среды и формирования системы расселения коренных малочисленных народов Севера будет зависеть от особенностей функционирования всех субъектов хозяйственной деятельности, осуществляющих освоение ресурсов на территориях традиционного природопользования.

СОБЫТИЯ, ПРОЕКТЫ, ГРАНТЫ

Лена СИДОРОВА

Международная конференция

«ЗАЩИЩАЯ СВЯТЫНИ: ПРИЗНАНИЕ СВЯЩЕННЫХ МЕСТ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДЫ И КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ»

**11-13 сентября 2013 г., г. Пюхатунтури, г. Рованиemi, Финляндия
СОХРАНЯЯ ИСТОКИ КУЛЬТУРНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ**

Международная конференция, проведенная 11-13 сентября 2013 г. в Рованиemi и собравшая представителей 20 стран, в ряду многочисленных конференций и семинаров, посвященных арктической тематике, осталась бы незамеченной, если бы не тематика конференции – «Защищая святыни: признание священных мест коренных народов для сохранения природы и культуры в северных и арктических регионах» и принятая на конференции Декларация.

Конференция, организованная исследователями Арктики, посвящена идее сохранения биологического и культурного многообразия. Священные места и объекты 10 разных коренных народов представляют культурное наследие всего человечества и нуждаются в мерах по их сохранению. Организаторами конференции выступили Университет Лапландии, Арктический центр и Университет Монреаля. Конференцию открыло выступление – благословение – обращение делегации общины инну из Канады. Затем участников приветствовали Тора Херрманн (Университет Монреаля) и Лиина Хейнамаки (Арктический центр Университета Лапландии). Выступление ректора университета Лапландии Маури Котола сменилось приветственным словом, с которым обратилась к участникам директор Арктического центра Университета Лапландии Паула Канкаанпа.

От имени Саамского парламента выступила Пекка Кауппала с докладом «Священные места саамов: связывая прошлое, настоящее и будущее». К участникам конференции с приветствием обратилась и Лииса Холмберг, ректор Саамского образовательного института из Инари.

Пленарные выступления конференции открыл Пирс Витебски, известный исследователь и представитель руководства Полярного института имени Скотта Университета Кембриджа, выступление которого было посвящено пониманию значения священных мест в кочевых и оседлых культурах.

Конференция проводилась по нескольким направлениям. Рассматривались вопросы о значении сакральных мест коренных народов, связи с устным культурным наследием, признании сакральных мест, их значении в формировании идентичности и этничности, культурных изменениях.

Интересными были темы, связанные с нематериальным культурным наследием, мифологией, священными местами, которые отражают особенности космологии коренных народов. Экософии, как системе восприятия космофизического происхождения священных мест Арктики, было посвящено выступление Ульяны Винокуровой. Феномен якутского *куругуе* стал объектом исследования, представленного Лилией Дамбаевой.

Проявление религиозности в кочевой жизни коренных жителей современного Ямала, названное автором как «подвижная религия», несет в себе буквальный смысл и в то же время отражает процессы адаптации культуры этого уникального коренного народа, который сохраняет кочевой образ жизни, – об этом говорил Флориан Штаммлер.

Одной из важных тем конференции стало рассмотрение юридических аспектов практики сохранения священных мест. Все большее значение приобретает опыт правового урегулирования вопросов признания права на сохранение и возвращение священных мест, территорий и культурных ландшафтов. Этим вопросам были посвящены доклады специалистов по правам коренных народов Антье Ньюмен и Стефана Киршнера в секции «Признание священных природных объектов в политике, законе и протоколах I».

Заключительный день объединил темы конференции, ее организаторы предложили рассмотреть вопросы охраны священных природных мест коренных народов как проблему реализации прав представителей отдельных культур, которая имеет свои особенности в национальных законодательных системах. Свое выступление о вопросах охраны священных природных мест Рене Куппе из Венского университета определил как проблему пересечения законодательства о свободе вероисповедания, прав отдельных культурных сообществ и природоохранного законодательства.

В работе конференции приняли участие исследователи Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Выступление С.А. Алексеевой «Священные шаманские озера Сибири» с демонстрацией уникальных снимков священных объектов было основано на материалах многолетних полевых работ, которые проводят известный этнолог Анатолий Алексеев и Саргылана Алексеева.

Результаты исследования новых сакральных объектов в культурном ландшафте города, как отражения формирования новой идентичности, представила Лена Сидорова.

Освященное обрядом индейцев инну, коренного народа Канады, заседание участников конференции приступило к рассмотрению проекта Декларации о «Руководящих принципах признания и охраны священных объектов и мест коренных народов». Эта Декларация должна стать идейной основой для объединения усилий в решении этих вопросов.

Декларация, принятая на конференции, и рекомендации на тему:

«ПРИЗНАНИЕ И ЗАЩИТА СВЯЩЕННЫХ МЕСТ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ»

Мы, участники международной конференции «Защищая святыни: признание священных мест коренных народов для сохранения природы и культуры в северных и арктических регионах», состоявшейся в Пюхатунтури и Рованиеми в Финляндии 11-13 сентября 2013 года,

ВЫРАЖАЕМ нашу благодарность саамскому народу за проведение конференции на земле своих предков;

ВЫРАЖАЕМ нашу признательность организаторам конференции из Университета Лапландии, Арктического центра и Университета Монреаля за то, что они собрали в одном месте столь разноплановую группу людей и специалистов из 20 разных стран и представителей 7 разных коренных народов (саами, инну, наскапи, саха (якуты), ненцы, ханты, эвенки) с разносторонними жизненными опытом и навыками;

ЗАЯВЛЯЕМ, что мы разработали текст этой Декларации, основываясь на взглядах и идеях, представленных и затронутых на конференции;

ПРИЗНАЕМ рекомендации всемирной подготовительной конференции коренных народов к пленарному заседанию высокого уровня Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, известной как «Всемирная конференция по коренным народам» (ГА ООН, 13 сентября 2013, A/67/994): «Рекомендуем государствам признавать и подтверждать право на защиту, сохранение и возвращение наших священных мест, территорий и культурных ландшафтов, а также создать механизмы, эффективно содействующие реализации этих прав, в том числе посредством предоставления достаточного финансирования». Эта рекомендация принята в соответствии с правом коренных народов на неограниченное самоопределение, а также свободное, предварительное и осознанное согласие;

ПРИЗНАЕМ И ОТНОСИМСЯ С УВАЖЕНИЕМ к священным местам и объектам коренных народов, которые по-разному представлены в широком спектре культурного многообразия, в особенности в мировоззрении кочевых народов и в их понимании духовности. В то время как многие культуры признают, что вся Земля является священным объектом, они также признают, что существуют особые места повышенной духовной важности, эти места могут быть покинуты и воссозданы заново. Такие термины, как «священное место», «священное место коренного народа», «священные ландшафты» и «священные природные территории», становятся более распространенными в описании определенных мест и обозначении того, что лучше всего понимается как широкая и открытая концепция природных и рукотворных святынь, а также проявления сакрального;

ПРИЗНАЕМ, что священные места коренных народов имеют большую важность, потому что:

- обладают религиозно-духовным и культурным значением для коренных народов как в целом, так и для местного населения, так как священные места формируют часть не только местного, но и мирового культурного наследия, а также наследие всего человечества;

- являются продолжением исторической и культурной – в некоторых случаях глубокой и скрытой – памяти коренных народов об историческом периоде, предшествующем колонизации и религиозному вытеснению;

- биологическое разнообразие (растение, животные, их среда обитания, экосистемы и генетическое разнообразие) и культурное разнообразие (духовные практики, верования, идентичности, лингвистическое самовыражение) неразделимо связаны в том, что все чаще понимается как биокультурное разнообразие;

ПРИЗНАЕМ срочную необходимость проявить внимательное отношение к растущим угрозам священным природным территориям, таким как изменение климата, индустриальное развитие, добывающие отрасли промышленности (разработка недр, лесозаготовки, гидроэлектростанции, добыча нефти и газа), а также относящиеся к ним операции (например, вертолетные и транспортные коридоры) нерациональный туризм, военные операции и (относящееся к ним) инфраструктурное развитие (например, полёт на малых высотах), государственная монополия на разработку образовательной программы, религиозное вытеснение и вандализм;

ПОДТВЕРЖДАЕМ наше уважение права коренных народов на самоопределение и их взгляда на то, что всякие меры по защите священных мест коренных народов должны рассматриваться в соответствии с этим принципом;

ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ на разнообразие коренных народов и на тот факт, что разные ситуации потребуют разного применения прав коренных народов, направленного на уважение собственных взглядов, потребностей и приоритетов;

ПОНИМАЕМ, что правовые обычаи коренных народов включают в себя вековые правила и принципы, затрагивающие процедуру опеки, управления и организации своих священных мест. Они должны быть признаны и к ним должны уважительно относиться в рамках правового плюрализма в отношении религий и духовности, верований и практик коренных народов;

ПРИНИМАЕМ К СВЕДЕНИЮ растущее количество правовых инструментов на международном уровне направленных на признание, защиту и сохранение священных мест коренных народов, они включают в себя:

Международные конвенции и инструменты, связывающие правовыми обязательствами:

- Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, 2007 г.;
- Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих коренной образ жизни, 1989 г.;
- Конвенции ЮНЕСКО по охране культурного и природного наследия, 1972 г.;
- Конвенция об охране нематериального культурного наследия, 2003 г.;

• Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, 2005 г.;

• Конвенция о биологическом разнообразии, 1992 г., в особенности статья 8j о знаниях, отражающих традиционный образ жизни, и статья 10с о традиционных способах использования биологических ресурсов, которые совместимы с требованиями сохранения или устойчивого использования;

• Программа работы по охраняемым районам, в особенности элемент 2 об «управлении, участии, справедливости и распределение прибыли» и его роль в выполнении целевой задачи 11 Стратегического плана на 2011–2020 годы по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия, принятого в Айти;

• Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод, 2010 г.;

• Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, Орхус, 2001 г. Принята европейской экономической комиссией ООН;

• Международные инструменты защиты прав человека и соответствующая юриспруденция, в особенности, консолидированные прецедентные дела комитета ООН по правам человека и Межамериканского суда по правам человека, касающиеся прав коренных народов на земли предков.

Международные руководящие принципы и инструменты не имеющие обязательной юридической силы:

• Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых коренными и местными общинами, 2004 г.;

• Кодекс этического поведения Tkarīwaié:ri для обеспечения уважения культурного и интеллектуального наследия коренных и местных общин, имеющего значение для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия, 2011 г.;

• Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г., в особенности принцип 22 о роли коренных народов и местных общин в рациональном использовании и улучшении окружающей среды;

• Принятые Советом ООН по правам человека Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека, 2011 г., в особенности принцип 12 об ответственности предприятий за соблюдение прав человека путем применения соответствующих норм и протоколов; а так же принцип 26 об обеспечении надлежащих мер для обеспечения эффективности национальных судебных механизмов при устранении нарушений прав человека, связанных с предпринимательской деятельностью;

• Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию, 2002 г., принцип 26, подтверждающий жизненно важную роль коренных народов в устойчивом развитии;

- Этический Кодекс Международного Общества по Этнобиологии, 2008 г. и Белемская декларация, 1998 г.;
- Священные природные места, руководящие указания для менеджеров охраняемых районов (МСОП, ЮНЕСКО), 2009 г.;
- Резолюция МСОП 4.038 о признании и сохранении Священных природных мест в охраняемых районах, 2008 г.;
- Рекомендация МСОП М054 Священные природные места – Поддержка протоколов хранителя и правовых обычаев перед лицом глобальных угроз и вызовов, 2012 г.;
- Заявление хранителей священных природных объектов и территорий, 2008 г.;
- Комментарии к африканским правовым обычаям касательно защиты священных мест, г. Нанюки, 2012 г.;
- Делосские Инициативы и рабочее совещание на г. Монсерат, 2006 г.;
- Декларации о священных природных объектах в технологически развитых странах по итогам конференций в Уранополисе в 2008 г. и Инари в 2011 г.

РЕКОМЕНДУЕМ:

Государствам, правительствам и политическим партиям:

1. Соблюдать и привести в исполнение Декларацию Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 г.
2. Ратифицировать и привести в действие Конвенцию МОТ 169, 1989 г.
3. Признать и привести в действие рекомендации всемирной подготовительной конференции коренных народов к пленарному заседанию высокого уровня Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, известной как «Всемирная конференция по коренным народам» (ГА ООН, 13 Сентября 2013, А/67/994).
4. Признать правовые обычаи, системы и практики, а также культурную этику коренных народов, касающиеся управления священных мест и территорий коренных народов, а также принять активные меры по предотвращению их нарушения.
5. Использовать плюралистические правовые методы и установить механизмы активного участия коренных народов.
6. Эффективно продвигать защиту, сохранение и восстановление священных мест коренными народами.
7. В частности, необходимо установить процессы предварительного и осознанного согласия в процессе принятия решений на всех уровнях по вопросам, касающимся священных мест, и принимать во внимание юриспруденцию контролирующих органов международных институтов прав человека.
8. Проводить продолжительную экспертную оценку и обзор национального законодательства, политики и практик, которые содействуют или препятствуют защите, сохранению и восстановлению священных мест коренных народов, также необходимо синхронизировать национальное законодательство и политику с последними международными стандартами.
9. Уважать принцип интернационализации издержек согласно общему международному праву в отношении нанесения любого ущерба окружающей среде, который может иметь потенциальное воздействие на образ жизни коренных народов.

10. Признать коренные народы в качестве полноправных выгодополучателей в любых проектах, связанных с их священными местами и распространением их культурного наследия.

11. Признать коренные народы в качестве правообладателей и уполномоченных субъектов в принятии любых решений, в имплементации проектов, имеющих влияние на их священные места, а также в получении выгоды.

12. Работать над мерами по восстановлению исторической справедливости по отношению к коренным народам и их священным местам и культурному наследию.

13. Разработать опытные исследования лучших практик и норм по защите, сохранению и восстановлению священных мест коренных народов с полноправным участием коренных народов.

Широкой публике, гражданскому обществу, СМИ:

14. Уважать и просить свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов по каждому решению, касающемуся священных мест коренных народов.

15. Уважать мнение и предоставлять соответствующим хранителям-представителям коренных народов контроль над сохранением тайны, доступом и распространением закрытой информации о священных местах коренных народов.

16. Уважать, признавать и, где необходимо, оказывать поддержку в защите, сохранении и восстановлении священных мест коренных народов.

17. Признать коренные народы в качестве выгодополучателей в любых проектах и/или в использовании священных мест коренных народов.

18. Принять и распространять фундаментальную ценность «осознанности», являющуюся продолжительным желанием оценить собственное понимание, действия и обязанности в отношении коренных народов и священных мест.

19. Признать историческую несправедливость, а также вред, нанесённый священным местам и культурному наследию, и факты их разрушения.

Природоохранным организациям:

20. Внедрять руководящие принципы МСОП и ЮНЕСКО касательно священных природных мест и руководствоваться правом на свободное, предварительное и осознанное согласие коренных народов в своих политике и практической деятельности, затрагивающих священные места.

21. Прилагать усилия для улучшения у борцов за охрану природы понимания и уважения среди борцов за охрану природы к священным местам коренных народов.

22. Поощрять успешные партнерства коренных народов и природоохранных организаций, направленные на поддержание местного населения, где необходимо, на признание священных мест коренных народов.

Религиозным ассоциациям и группам:

23. Признать нанесенный ущерб и приостановить его нанесение священным местам коренных народов и способствовать процессам разрешения конфликтов и, если возможно, восстанавливать священные объекты.

24. Признавать коренные народы с духовностью, включающей как традиционные, так и широко распространенные религиозные элементы, и уважать их права на самоопределение и религиозные практики.

25. Развивать конструктивный диалог на равных с коренными народами и с хранителями священных мест.

Представителям бизнеса, корпорациям и частному сектору (предприятиям, занимающимся недвижимостью, разработкой месторождений полезных ископаемых, лесозаготовкой, рыбной промышленностью):

26. Уважать право коренных народов на свободное, предварительное и осознанное согласие на всех стадиях процесса разработки проектов, которые окажут или могут оказать влияние на священные места.

27. Провести оценку влияния на окружающую, культурную и социальную среды до начала какой-либо деятельности согласно руководящим принципам Агуэй-гу.

28. Поддерживать ответственный туризм в местах проживания коренного народа и их священных местах, включая их интерпретацию и соответствующую коммерциализацию на туристическом рынке, согласно лучшим стандартам корпоративного управления и бизнес-этики.

Научному сообществу, исследователям и образовательному сектору:

29. Обеспечить, чтобы каждое исследование священных мест коренных народов проводилось на основе права на свободное, предварительное и осознанное согласие хранителей, под руководством и при активном участии хранителей мест с учетом их кодекса проведения исследования.

30. Обеспечить, чтобы прибывшие исследователи поддерживали хранителей священных мест в проведении их собственного исследования через партнёрство, основанное на уважении, прикладном методе и подходе, подразумевающим совместное участие.

31. Обеспечить, чтобы проводимое исследование было основано на междисциплинарном подходе, включающем разные научные дисциплины, верования и системы знания.

32. Предотвращать исследования, которые могут нанести ущерб или носят эксплуататорский характер.

33. Обеспечить, чтобы образовательные система и программа, особенно в средних школах, позволяли коренным народам продолжить свои культурные традиции и обязательства в обеспечении передачи традиционных знаний.

34. Акцентировать роль музеев в сотрудничестве с местными коренными народами, распространении и предоставлении доступа к информации, особенно в тех районах, где мало археологических находок.

35. Принять меры по проблеме расхождения в культурном и религиозном образовании в национальной и местной учебных программах, особенно в вопросах, касающихся священных мест.

36. Акцентировать роль старейшин как носителей культуры во многих населённых пунктах. Они обладают глубиной мудрости, знания и жизненного опыта, необ-

ходимого в процессе поддержания образования молодежи в отношении ценностей, ролей, верований, а также защите священных мест путем использования подходящих методов (например, повествование).

37. Разработать и внедрить сбалансированную образовательную программу, разработанную при активном участии коренных народов. Она должна быть направлена на развитие фундаментальных знаний и уважение к священным местам коренных народов и их хранителям среди молодого поколения и общей публики.

38. Гарантировать предотвращение де-сакрализации святынь путем вынесения определенных аспектов святынь за рамки мировоззрения хранителей этих мест, а также вынесение за рамки их окружающей среды.

Дмитрий ОСИПОВ

О СОВМЕСТНОМ ПРОЕКТЕ СВФУ И CAFF

Благодаря усилиям рабочей группы Арктического совета по охране арктической флоры и фауны (CAFF) и Северо-Восточного федерального университета в мае 2013 г. к министерской сессии стран Арктического совета в Швеции был издан набор открыток на языках народов, проживающих в Республике Саха (Якутия). В издании содержались основные положения доклада «Оценка биологического разнообразия Арктики».

В подготовке издания, вышедшего на русском, якутском, эвенском и юкагирском языках, участвовали заведующий кафедрой северной филологии В.Г. Белолобская, заведующий кафедрой стилистики якутского языка и русско-якутского перевода С.П. Васильева (Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ), председатель Общественной организации юкагиров п. Черский Нижнеколымского района В.Н. Третьяков. Координатором проекта является специалист по коммуникациям CAFF Куртни Прайс.

Договоренность о сотрудничестве между представителями международной организации и СВФУ была достигнута во время проходившего в феврале 2013 г. международного междисциплинарного семинара «Холодные земли», в котором приняли участие представители CAFF.

Доклад «Оценка биологического разнообразия Арктики», объединяющий научные выводы по состоянию биологического разнообразия Арктики и существующим тенденциям в этой области, крайне актуален в качестве всеобъемлющего исследования этого вопроса.

Доклад раскрывает, каким образом меняется арктическая среда, даются рекомендации политикам о необходимости мер для сохранения экосистем и биологических видов, от которых зависит благосостояние людей. Исследуются потенциально опасные последствия изменения климата и другие факторы, негативно влияющие на арктические виды и среду их обитания.

Программа по охране арктической флоры и фауны (CAFF) – одна из пяти программ Арктического совета, которая сформирована по его решению и действует с 1996 г. Целью программы является содействие сохранению биологического разнообразия и биологических ресурсов Арктики.

Сведения об авторах

Виталий Владиславович Алексеев,

старший преподаватель общеуниверситетской кафедры североведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

E-mail: vva72@mail.ru

Саргылана Макаровна Баишева,

к.э.н., член Союза журналистов РФ, старший научный сотрудник сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск.

E-mail: baisargy09@yandex.ru

Татьяна Александровна Бердникова,

к.филол.н., доцент кафедры общего языкознания и риторики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

E-mail: berrdnikovata@mail.ru

Мария Ермиловна Берельтуева,

студентка 5 курса Восточного института ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ.

E-mail: bereltueva@mail.ru

Николай Николаевич Васильев,

студент группы ИЯ-10-412 Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

E-mail: kusoboy@yandex.ru

Дарья Геркеновна Вачеланова,

студентка 4 курса Восточного института ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ.

E-mail: vachelanova@mail.ru

Мария Игоревна Дырчикова,

студентка 4 курса Восточного института ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ.

E-mail: dirchikova@mail.ru

Михаил Андреевич Жуков,

к.б.н., ученый секретарь Научного совета АНО «Научно-координационный центр по проблемам Севера, Арктики и жизнедеятельности малочисленных народов Севера» (НКЦ «Север»), член Совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по вопросам агропромышленного комплекса и природопользования, член Комитета по природопользованию и экологии Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, г. Москва.

E-mail: nkcsever@gmail.com

Альбина Сергеевна Жулева,

к.п.н., к.филол.н., старший научный сотрудник отдела литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН, г. Москва.

E-mail: aswjas08@rambler.ru

С.С. Иванова,

студентка V курса СО ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

E-mail: saina_92@inbox.ru

Лиана Борисовна Лазарева,

студентка СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

E-mail: liana_lazareva@mail.ru

Аяна Сергеевна Николаева,

студентка Восточного института ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ.

E-mail: nikolaevaayana@mail.ru

Петров Александр Александрович,

д.филол.н., профессор кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена

E-mail: petrovalexspb@mail.ru

Дмитрий Ильич Осипов,

ассистент кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, технический секретарь редакции журнала «Новый мир Арктики», г. Якутск.

E-mail: soc.svfu@gmail.com

Лена Алексеевна Сидорова,

к.культ., доцент кафедры культурологии Института языков и культур народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, ответственный секретарь редакции журнала «Новый мир Арктики», г. Якутск.

E-mail: sakhaarctic@gmail.com

Вера Алексеевна Соловьева,

аспирант Университета Джорджа Мэйсона (г. Вашингтон, США).

E-mail: sd@sakhaopenworld.org

Варвара Леонидовна Тиунова,

студентка 5 курса РГПУ им. А.И. Герцена, ИНС, обучающаяся по специальности «Родной язык и литература» с дополнительной специальностью «Русский язык и литература», г. Санкт-Петербург.

E-mail: varvarushk@gmail.com

Юлия Геннадьевна Хазанкович,

д.филол.н., доцент кафедры русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

E-mail: lula1974@mail.ru

Светлана Леонидовна Чернышова,

к.культ., доцент кафедры этнокультурологии Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург.

E-mail: Luchiyandord@mail.ru

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

№ 1(2)

2014

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Учредитель

ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Редактор *К. А. Семенова*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 24.12.2014. Дата выхода 25.12.2014.

Формат 70x100/16. Печать цифровая. Печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 50 экз. Заказ № 92.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета

Адрес типографии: 677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций